

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ИССЛЕДОВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
В РУСЛЕ ТРАДИЦИЙ
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

*Информационные материалы
и тезисы докладов
международной конференции*

(МОСКВА, 30–31 ОКТЯБРЯ 2001)

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

УДК 800
ББК 81.2
И 89

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

*Издание осуществлено за счет средств
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*

Электронная версия сборника, опубликованного в 2001 году.
Расположение текста на некоторых страницах электронной версии может не
совпадать с расположением того же текста на страницах книжного издания.
При цитировании ссылки на книжное издание обязательны.

Исследование славянских языков в русле традиций срав-
нительно-исторического и сопоставительного языкознания: Ин-
И 89 формационные материалы и тезисы докладов международной
конференции. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 152 с.
ISBN 5-211-04448-7

УДК 800
ББК 81

ISBN 5-211-04448-7

© Филологический факультет МГУ
им. М. В. Ломоносова, 2001

ПРОГРАММА

КОНФЕРЕНЦИИ «ИССЛЕДОВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В РУСЛЕ ТРАДИЦИЙ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

30–31 ОКТЯБРЯ 2001 ГОДА

30 октября, вторник. 10.30–13.30. Аудитория 1060.

Пленарное заседание

Председательствуют В. П. Гудков, А. А. Поликарпов

Вступительное слово декана филологического факультета МГУ профессора *М. Л. Ремневой*.

Выступление зав. кафедрой славянской филологии, зам. декана филологического факультета по УМО доцента *В. П. Гудкова*.

Доклады и сообщения

1. *Поликарпов А. А. (Москва)* Зависимость сохранности общеславянской лексики во времени от категориальной принадлежности и возраста слов.

2. *Климов И. Г. (Минск)* К происхождению составной хоронимики Руси (Белая, Черная, Красная, Великая, Малая Русь).

3. *Васильева В. Ф. (Москва)* Типология, характерология и сопоставительная лингвистика.

4. *Молошная Т. Л. (Москва)* Типология грамматических категорий глагола в современных славянских литературных языках.

5. *Клочко Н. Н. (Рига)* Эмоциональные профили славянских политических дискурсов.

Дискуссия

30 октября, вторник. 15.15–18.00.

Секция 1. История славянских языков и славянская этимология.

Председательствуют Н. Е. Ананьева, Г. Ф. Ковалев

1. *Ананьева Н. Е. (Москва)*. Начинательный способ глагольного действия в древнепольском языке.

2. *Хороненко С. С. (Минск)* Употребление глаголов речи в старославянском тексте.

3. *Тер-Аванесова А. В. (Москва)* Окончания счетной формы существительных *a*-склонения, восходящие к флексии *nom-ass. dualis*, в восточнославянских диалектах.

4. *Плотникова О. С. (Москва)* К проблеме диалектной дифтонгизации вокалов в словенском языке.

5. *Варбот Ж. Ж. (Москва)* Русские диалектизмы в славянской этимологии.

6. *Якушкина Е. И. (Москва)* Семантика корней **rak-* /**orak-*.

7. *Ковалев Г. Ф. (Воронеж)* К значению славянского наименования созвездия *Плеяды*.

8. *Шведчикова Т. В. (Южно-Сахалинск)* Славянские наименования домашних животных в сопоставительном аспекте.

9. *Железнова Р. В. (Москва)* Из истории имен существительных агентивно-профессиональной семантики в праславянском языке.

Дискуссия

Секция 2. Современные славянские языки: их статус и соотношение.

Председательствуют Р. П. Усикова, С. С. Скорвид

1. *Усикова Р. П. (Москва)* К вопросу о сопоставительном изучении близкородственных славянских языков: македонский и болгарский.

2. *Гудков В. П. (Москва)* О статусе, структуре и названии литературного языка боснийских мусульман.

3. *Остапчук О. А. (Москва)* К вопросу о типологическом профиле украинского литературного языка (на фоне русского и польского литературных языков).

4. *Багдасаров А. Р. (Москва)* Некоторые тенденции нормирования современного хорватского литературного языка (на материале «Хорватского орфографического кодекса»).

5. *Маркоя Д. (Любляна)* Феномен прекмурско-словенского литературного языка: его возникновение и роль в формировании общесловенского литературного языка в XIX в.

6. *Скорвид С. С. (Москва)* Серболужицкий (серболужицкие) и русинский (русинские) языки: к проблематике их сравнительно-исторической и синхронной общности.

7. *Людоговский Ф. Б. (Москва)* Актуальные проблемы изучения и преподавания современного церковнославянского языка.

Дискуссия

Секция 3. Фонетическая система и грамматический строй современных славянских языков.

Председательствуют Т. С. Тихомирова, Л. Б. Карпенко

1. *Дмитриева А. Н. (Санкт-Петербург)* Некоторые статистические характеристики македонского языка (анализ текста на фонетическом уровне).
2. *Мистрова В. (Прага)* Черты разговорной фонетики в русском и чешском языках.
3. *Карпенко Л. Б. (Самара)* Особенности оформления категории рода в болгарском языке (к проблеме типологии славянских языков).
4. *Ермакова М. И. (Москва)* Синхронно-сопоставительная характеристика местоимений в серболужичских и русском литературных языках.
5. *Зенчук В. Н. (Москва)* Сопоставительный подход как основа и метод в практическом курсе сербского языка.
6. *Байкова Л. И. (Краснодар)* Некоторые проблемы обучения устной речи на чешском языке студентов-филологов.

Дискуссия

Секция 4. Лексикография, лексикология и фразеология славянских языков.

Председательствуют О. М. Демская-Кульчицкая, О. О. Лешкова

1. *Ковалев Н. С. (Волгоград)* Семантика оценки в сравнительно-историческом аспекте (на материале сербского и русского языков).
2. *Венедиктов Г. К. (Москва)* О номинации новых реалий в современном болгарском литературном языке на стадии его становления.
3. *Лешкова О. О. (Москва)* Эволюция сопоставительных исследований сочетаемости лексем.
4. *Демская-Кульчицкая О. М. (Киев)* Корпус текстов украинской периодики.
5. *Андрейчук Ю. О. (Москва)* Информативность газетного заголовка.
6. *Карпиловская Е. А. (Киев)* Словари гнездового типа как новый этап развития украинской лексикографии.
7. *Зайцев А. А. (Москва)* Сопоставление текстовых единиц устной публичной речи с их аналогами в кодифицированном литературном языке.
8. *Уфимцева Н. В. (Москва)* Славянский ассоциативный словарь как новый инструмент изучения славянских языков и культур.
9. *Лебедева Л. А. (Краснодар)* Принципы составления двуязычного (чешско-русского) словаря устойчивых сравнений.
10. *Юдова Ю. Ю. (Москва)* О необходимости создания словаря сербских и хорватских лексических различий.

Дискуссия

31 октября, среда. 10.30–13.30.

Секция 3. Фонетическая система и грамматический строй современных славянских языков.

Председательствуют В. Ф. Васильева, Е. Ю. Иванова

1. *Изотов А. И. (Москва)* Структура функционально-семантической категории побуждения в современных чешском и русском языках.
2. *Тихомирова Т. С. (Москва)* Русско-польские узואльно-ситуативные эквиваленты со значением согласия / несогласия.
3. *Онипенко Н. К. (Москва)* Языковые средства разных уровней, маркирующие коммуникативный регистр речи.
4. *Маслова А. Ю. (Саранск)* О специфике превентивной категориальной ситуации и способах ее выражения в русском и сербском языках.
5. *Иванова Е. Ю. (Санкт-Петербург)* Бытийные предложения в русском и болгарском языках.
6. *Иванова И. Е. (Москва)* Пунктуационное выделение анафорических элементов в сверхфразовых единствах в сербском языке.

Дискуссия

Секция 4. Лексикография, лексикология и фразеология славянских языков.

Председательствуют К. Л. Цыганова, В. Г. Кульпина

1. *Руденко Е. Н. (Минск)* Тенденции развития чешского лексикона в сравнении с русским.
2. *Маймакова А. Д. (Киев)* Сопоставительное изучение лексики русского и казахского языков.
3. *Бойко Б. Л. (Москва)* Экспрессивная лексика русской военно-профессиональной речи.
4. *Цыганова К. Л. (Саранск)* Фразеология качественной характеристики человека в русском, сербском и хорватском языках.
5. *Яцевич К. В. (Санкт-Петербург)* К вопросу о сходствах и различиях библейских выражений в различных языках.
6. *Сергеева Л. А. (Уфа)* Оценочные концепты в русском и чешском языках и мифологема сознания.
7. *Радзиховская В. К. (Москва)* Поэтический текст как источник лингвистической информации. (Функционально-семантическое поле взаимности на материале поэзии Л. Е. Керна).
8. *Кульпина В. Г. (Москва)* Соотношение этнопоэтической созерцательности и научной когниции в цветономинации светил в русском и польском языках.

9. *Шестакова Л. Л. (Москва)* Русская писательская лексикография: состояние и тенденции развития.

10. *Савченко А. В. (Санкт-Петербург)* Фразеологические идеологемы в аспекте интертекстуальности (на материале произведений В. Ерофеева и Й. Шкворецкого).

Дискуссия

31 октября, среда. 15.30. Пушкинская гостиная (аудитория 972).

Пленарное заседание

Подведение итогов конференции.

Концерт силами студентов и преподавателей славянского отделения филологического факультета МГУ.

Славянская трапеза *à la fourchette*.

Регламент конференции

Доклад – до 20 минут.

Выступление в дискуссии – 5 минут.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Е. Ананьева (Москва)

НАЧИНАТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В ДРЕВНЕПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В докладе на материале «Древнепольского словаря» под ред. С. Урбаньчика (*Słownik staropolski*, далее SSt) рассматриваются глаголы начинательного способа глагольного действия (далее СГД), который наряду с финитивным СГД и его разновидностями относится к фазовым СГД.

Выделение семы *начинательности* для древнего языка представляет особую сложность. По всей видимости, редкое наличие компонента *zacząć* в трактовке древнепольских глаголов, которые в современном языке традиционно определяются как глаголы с акциональным значением начинательности (напр., глаголов с префиксом *za-*), объясняется не только непоследовательным характером толкований в SSt, но и невозможностью во многих контекстах, иллюстрирующих употребление определяемого префиксального глагола, отделить это значение от результативного, особенно в случае экземплификации префиксального глагола претеритальными формами перфективов. Задачу выявления семы 'начало' усложняет также многозначность древнепольских префиксов *po-*, *w(e)z(e)-*, *za-* и др.

Тем не менее наличие компонента 'начать' в трактовке некоторых глаголов с префиксами *po-*, *w(e)z(e)-*, *za-*, а также дериватов с префиксами *s(e) // z(e)-* и *pod(e)-*, синонимичных начинательным формациям с приставками *za-* и *po-*, позволяет постулировать для ряда древнепольских глаголов с указанными префиксами значение начинательности (ингрессивности). Спецификой акционального значения ингрессивности является предопределяемая выделением начального момента (начальной фазы) действия его перспективная ориентация, которая может быть реализована или не реализована в зависимости от контекстных условий. Компонент 'начать' выражает лишь отсутствие ориентации на ретроспекцию.

Применительно к глаголам начинательного СГД мы не используем термин *инхоатив*. Показателем любого ингрессива является возможность передачи его содержания словосочетанием «фазовый глагол *zacząć* + инфинитив базового бесприставочного глагола». Отсутствие возможности такой интерпретации – свидетельство отсутствия значения ингрессивности или во всяком случае «подавления» его либо характером лексико-семантического класса (далее ЛСК) базовой основы, либо

репрезентированной грамматической формой, либо какими-либо контекстными условиями. При этом один и тот же глагол в разных контекстных условиях может интерпретироваться как ингрессив и как не выявляющий семантики начинательности.

Наличие в словарной дефиниции ингрессива компонента 'начать' эксплицируется либо словосочетанием «фазовый глагол *zacząć / zacząć* + базовый бесприставочный глагол», либо синонимичным современным приставочным глаголом-ингрессивом. При непоследовательности словарных дефиниций считаем, что экспликация компонента 'начать' хотя бы в одном члене определенного ЛСК с идентичным префиксом свидетельствует о возможном наличии ингрессивного значения во всех членах этого ЛСК (т.е. об их потенциальной ингрессивности).

В SSt наиболее часто с помощью компонента 'начать' интерпретируются глаголы с префиксами *za-* и *w(e)z(e)-*, обозначающие звуковые и оптические явления (*zaplakać, wstrąbić, wszczekać, wzhuczeć, zagorzeć się*). Кроме того, компонент 'начало' представлен в отдельных глаголах с префиксом *za-* со значением «вибрирующего движения» (*zadrzeć*), глаголах однонаправленного движения с префиксом *po-*, названиях изменения состояния (*skwiść // zakwiść // wzkwiść*).

Показательно, что и в древнепольском языке ингрессивы глаголов, обозначающих непродолжительные звуковые и оптические явления, были близки к семельфактивам. На это указывают: 1) возможное наличие в дефиниции древнепольского глагола наряду с компонентом 'начать' семельфактива (ср. *wszczekać* 'залаять, пролаять' при *zaszczekać* и *szczeknąć*); 2) интерпретация некоторых глаголов данных ЛСК исключительно с помощью семельфактива (ср. богемизм *zarzuć* 'głośno jęknąć, krzyknąć (z gniewu, żalu)' 'громко простонать, крикнуть (от гнева, скорби)'); 3) употребление в тексте ингрессива и семельфактива в качестве наименований действий одного порядка (ср. *Gdy przyda, namyleysz, k thoye, tedy barszo szeczkniesz* ['zeckniesz'] *szoby, zableszczysz na strony oczy, eszczy s czyala poth poskoczy* [De morte w. 63. SSt. T. XI, z. 1 (69), s. 48]).

Сопоставление глаголов с предполагаемой акциональной семой 'начать' с латинскими соответствиями в переведенных с латинского языка источниках показывает, что обычно этими глаголами переводили латинские футуральные формы бесприставочных глаголов, т.е. значение 'начну' в славянских языках тесно связано со значением 'буду'.

С течением времени начинательное акциональное значение в определенных ЛСК глаголов с префиксом *za-*, составляющих основное ядро ингрессивов современного польского языка, в большей степени эмансипируясь от контекста, становится показателем лексемы. Об этом свидетельствует последовательная трактовка таких глаголов в словарях польского языка XVII в. с помощью фазового глагола 'начать' и соответствующего бесприставочного глагола.

Ю. О. Андрейчук (Москва)

ИНФОРМАТИВНОСТЬ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА

Информативность текста является его важнейшим свойством и заключается в способности сообщать значимую информацию. С функциональной точки зрения информативность заголовка является определяющим критерием для реализации в заголовке информативной функции, обязательной для реализации в тексте и его частях, в том числе в заголовке. Каждый заголовок имеет определённую степень информативности. Задачей нашего анализа является выявление основных особенностей информативной функции заголовков в текстах спортивной прессы.

Информативность заголовка определяется не по отношению к описываемому в заголовке событию, а относительно информации об этом событии в тексте.

Понятие информативности (в отличие от понятия информации) соотносится с отражёнными в тексте фактами, но одновременно оно связано с адресатом. Оно включает в себя не только отражение значимой информации, заключённой в данном тексте (или в одном из его фрагментов), но и тот объём информации, который воспринимает каждый конкретный адресат в силу своей информированности. Степень информированности конкретных адресатов различна. Степень информативности конкретного заголовка относительно информированности адресата должна определяться исходя из среднего уровня информированности, так как он характерен для большинства адресатов. Относительно информации в тексте информативность представляет собой количество информации, извлекаемое из текста конкретным адресатом.

Оптимальное количество информации, содержащейся в тексте или любом его элементе, в том числе в заголовке, делает возможным суждение адресата по поводу этой информации. Итак, условием максимальной информативности заголовка является наиболее полное отражение в заголовке содержания текста или того фрагмента текста, с которым связан заголовок, и адекватное восприятие адресатом этого содержания.

Для классификации заголовков по степени информативности необходимо рассмотреть информативную структуру заголовка, критерии и условия информативности конкретного заголовка.

Информативная структура заголовка имеет субъектно-предикатный характер и в конкретном заголовке реализуется в соответствующих структурах на функционально-семантическом и формально-синтаксическом уровнях. На каждом уровне можно говорить соответственно о функционально-семантическом и формально-синтаксическом субъекте и предикате.

Информативность заголовка зависит и от условий реализации в заголовке информативной функции, в частности, от реализации в заголовке наряду с информативной других функций (например, оценочной). Эти условия различны для текстов разных жанров.

Информативность заголовка по отношению к информации и к адресату выражается в категориях информативной целостности и информативной достаточности.

Информативная целостность характеризует степень отражения информации в структуре заголовка и связана с понятиями функционально-семантической и формально-синтаксической структуры заголовка. Информативно-целостный заголовок отмечен целостностью функционально-семантической структуры и соотношением этой структуры со структурой формально-синтаксической.

Информативная достаточность описывает степень доступности этой информации для адресата в зависимости от его информированности, что обусловлено, в частности, способом реализации информации в заголовке при помощи различных лексических единиц. В зависимости от степени информированности адресата лексические средства в заголовке можно подразделить на потенциально информативные и потенциально неинформативные для большинства адресатов текста.

Обозначим возможные разряды газетных заголовков по степени информативности.

При условии одинакового уровня информированности адресатов заголовки текстов, ориентированных на реализацию информативной функции в качестве основной, характеризующиеся полной функционально-семантической структурой, компоненты которой выражены потенциально информативными лексическими средствами, обладают самой высокой степенью информативности. Такие заголовки мы будем считать полноинформативными.

Реализация в заголовке помимо информативной любой другой функции, отсутствие одного из компонентов указанных структур заголовка, их выражение при помощи потенциально неинформативных лексических средств снижает степень информативности заголовка и переводит его в разряд неполноинформативных. Причина неполной информативности конкретной конструкции может объясняться как неполнотой функционально-семантической структуры, так и информативной недостаточностью одного или нескольких из ее компонентов. Эти критерии информативной недостаточности связаны между собой. Заголовок с неполной функционально-семантической структурой, поскольку он неадекватно передает содержание, уже является информативно недостаточным для любого адресата. Заголовок конкретной статьи может быть неполноинформативным как по одному из критериев, так и по

двум. При анализе материала необходимо в каждом конкретном случае учитывать причину, по которой мы считаем заголовок неполноинформативным.

Неполноинформативные заголовки отражают смысловой компонент текста лишь частично, адресат получает из заголовка начальное представление о содержании текста, при этом для окончательного его понимания необходимо дополнительное обращение к тексту.

Особый вид неполноинформативных заголовков представляют заголовки, содержащие значимую информацию, которая при этом частично не соотносится с информацией в тексте. Их отношения с содержанием текста строятся особым образом. Этот вид заголовков при исследовании степени информативности должен, на наш взгляд, выделяться как отдельный разряд – неинформативные заголовки. Обозначение этого вида заголовков термином «неинформативные» должно сигнализировать заведомое отсутствие в заголовке информации, однозначно соотносимой с содержанием текста. Неинформативные заголовки могут обладать разной степенью информативной достаточности как самостоятельные конструкции, но при этом они всегда обнаруживают текстовую информативную недостаточность. Неинформативные заголовки не отражают смыслового компонента текста настолько, чтобы дать адресату адекватное представление о его реальном содержании. В этом случае смысл заголовка и его связь со смысловым компонентом текста воспринимаются ретроспективно, а дополнительное обращение адресата к тексту также становится обязательным. Информативная недостаточность неинформативных заголовков имеет функциональную природу и связана с необходимостью привлечения внимания адресата к тексту.

Причины информативной недостаточности газетных заголовков имеют жанрово-функциональный характер. Изменение степени информативности заголовка обусловлено спецификой жанра газетного текста, необходимостью реализации рекламной либо оценочной функции или, в случае хроники, особенностями реализации функции информативной. Эти причины определяют неполноту функционально-семантической структуры и, в частности, выражение ее компонентов потенциально неинформативной лексикой.

Таким образом, наличие целого ряда факторов, влияющих на информативность заголовка, позволяет нам рассматривать ее как комплексное явление и выделять при классификации различные виды информативной недостаточности, в зависимости от причин, которыми она обусловлена.

А. Р. Багдасаров (Москва)

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ХОРВАТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ «ХОРВАТСКОГО ОРФОГРАФИЧЕСКОГО КОДЕКСА»)

Языковое нормирование современного хорватского литературного языка понимается широко – как деятельность по созданию, обогащению и совершенствованию собственно хорватской орфографической и лексико-семантической системы. Это нормирование включает в себя в основном три процесса:

1. стандартизацию – формирование и определение нормы на основе конкретной оценки и отбора вариантных реализаций;
2. кодификацию – нормативное закрепление отобранных и вновь созданных лингвистических единиц;
3. популяризацию – распространение и пропаганду кодифицированной нормы.

Нормативная деятельность по стандартизации и кодификации хорватского литературного языка наиболее ярко проявляется при сопоставлении различных изданий школьных и академических грамматик, правил правописания, толковых словарей и различных справочников. Сравним различные издания «Хорватского орфографического кодекса» (Hrvatski pravopis) С. Бабича, Б. Финки и М. Могуша, одобренного Министерством культуры и просвещения Республики Хорватии для общеобразовательных учреждений (начальных и средних школ): 1971 (1-е изд.), 1996 (4-е изд.) и 2000 (5-е изд.) гг.

№	1971	1996	2000
1	bezbjednost > sigurnost 145 cicija > škrtac 153 juni > lipanj 199 parče > komad(ić) 236 sirće > ocat 283 vazduh > zrak 319	bezbjednost > sigurnost 162 cicija > škrtac 174 juni > lipanj 247 parče > komad(ić) 311 sirće > ocat 378 vazduh > zrak 435	sigurnost 404 škrtac 431 lipanj 247 komadić 263 ocat 310 zrak 491
2	besprijekoran (ne besprikoran) 145 mrestilište 215 okrepa 230	besprikoran > besprijekoran 161 mrestilište i mrjestilište 275 okrepa i okrjepa 301	besprijekoran 164 mrjestilište 287* okrjepa 316*

* Ср. в: Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 2000. S. 617, 747: только mrijelište, okrepa.

3	hronika > kronika 191 so > sol 288 suv > suh 296 srećan > sretan 299 taćan > toćan 301	hronika > kronika 232 sol 386 suv > suh 396 srećan > sretan 387 taćan > toćan 405	kronika 268 sol 413 suh 422 sretan 416 toćan 438
4	amortizacioni > amortizacijski 140 barij 143 izvještać > izvestitelj 197 jezićki > jezićni 199 sudija > sudac 294 posjet (ne posjeta) 250	amortizacioni > amortizacijski 153 barijum > barij 160 izvještać > izvestitelj 243 jezićki > jezićni 247 sudija > sudac 394 posjeta > posjet 330	amortizacijski 155 barij 162 izvjestitelj 253 jezićni 256 sudac 422 posjet 349
5	Evropa i Europa 181 njen i njezin 226 sport > šport 289 vanbraćan > izvanbraćan 319	Evropa > Europa 216 njen > njezin 293 sport > šport 387 vanbraćan > izvanbraćan 434	Evropa > Europa 222 njen > njezin 307 sport > šport 415 vanbraćan > izvanbraćan 463
6	egzil 178 gled 185 muzika > glazba 216 nivo > razina 225 penzija > mirovina 237	egzil > progonstvo 212 gled > caklina 222 muzika > glazba 276 nivo > razina 291 penzija > mirovina 313	egzil > progonstvo 218 gled > caklina 228 muzika > glazba 288 nivo > razina 305 penzija (mirovina) 329
7	generalštab 184 regrutacija 275	ambasada > veleposlanstvo 153 generalštab > glavni stožer 221 grejp, grejfrut > limunika 226 ocjedivać 296 pejsmejker > srćani stimulator, srćanik 313 regrutacija > novaćenje 368	ambasada (veleposlanstvo) 155 generalštab (glavni stožer) 227 grejp, grejpfirut (limunika) 233 ocjedivać 310 pejsmejker (srćani stimulator) 329 regrutacija (novaćenje) 393

Материал, собранный в таблице, свидетельствует об определенных тенденциях развития современного хорватского литературного языка. Эти тенденции имеют своим содержанием:

1. увеличение количества собственно хорватских слов и уменьшение заимствованных, включая сербизмы и османизмы (турцизмы);
2. отбор и утверждение орфографических норм, связанных с континуантами (рефлексами) праславянского гласного [ě];
3. отбор и утверждение определенных лексико-фонематических норм;

4. отбор и утверждение определенных словообразовательных и родовых норм;

5. предпочтение отдельных хорватских фонематических, словообразовательных и грамматических норм;

6. предпочтение хорватских словоупотребительных норм;

7. реанимацию старых и появление новых слов (неологизмов).

Таким образом, сумма отобранных и нормативно закрепленных единиц получает статус хорватской кодифицированной нормы, а «невыбранные» единицы остаются за пределами стандартного языка, приобретая в дальнейшем иноязычную историческую, обиходно-разговорную, стилистическую и иную маркированность. Кодифицированная норма распространяется в средствах массовой информации, публикуется в различных грамматиках, словарях и справочниках.

Л. И. Байкова (Краснодар)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ УСТНОЙ РЕЧИ НА ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Характер устной спонтанной речи обусловлен коммуникативной ситуацией и подвержен влиянию различных факторов. Мы остановимся на двух вопросах: на вопросе затруднений при спонтанном высказывании на чешском языке и на вопросе индивидуализации обучения устной речи.

Как известно, процесс усвоения языка осуществляется под влиянием комплекса психологических факторов, которые влияют на качество высказывания и нередко определяют успешность и эффективность учебной деятельности. Большинство говорящих на иностранном языке преодолевает при говорении определенные трудности и барьеры языкового и психологического свойства. В сравнении с родным языком знание иностранного языка относительно несовершенно и ограничено. Особенно затруднительна устная речь (говорение) на иностранном языке, так как приходится интенсивно сосредоточиваться одновременно на формальной и содержательной сторонах высказывания. Главная сложность заключается в различии между содержанием, которое хочет представить говорящий, и языковыми средствами, которыми он располагает (знание лексики, стилистических тонкостей и т. п.) При говорении определенную роль играют такие факторы, боязнь допустить ошибку, привычка переводить дословно с родного языка, влияние интерференции и др.

Трудности говорения зависят от разных психологических факторов, таких, как, например, гибкость мышления, свежесть памяти, устоявшиеся стереотипы проведения и т. п. Доминирующим барьером говорения на иностранном языке является привычка дословно переводить с родного языка. Она является следствием неадекватных методов и прие-

мов обучения (частое использование перевода, недостаточная автоматизация языковых навыков, недостаточное применение языковых моделей).

Затруднение при говорении часто вызывает и сам предмет разговора. Он должен быть для каждого говорящего вполне понятным, приемлемым и как можно более интересным. Нередко бывает, что в учебной разговорной практике предмет разговора не только неадекватен, но часто противоречит реальности и коммуникативному интересу учащихся (напомним некоторые темы прежних учебников чешского языка: «Коммунистическая партия Чехословакии», «Промышленность и сельское хозяйство ЧССР» и др.).

Важную проблему при обучении устной речи на чешском языке представляет отсутствие реальных условий и стимула для естественного разговора: реальной ситуации для общения на чешском языке. Барьеры возникают из подсознательной возможности выразить свои мысли более точно и более эффективно на родном (русском) языке. В учебной среде, в аудитории нелегко моделировать реальные ситуации и поэтому часто отсутствует непосредственность и спонтанность высказывания, отсутствуют стихийный импульс говорения. Преодолеть это затруднение могут лишь носители языка, чешские преподаватели. В таком случае создается более естественная обстановка для общения, для обмена информацией, для выражения эмоций и впечатлений.

Одним из способов преодоления затруднений, возникающих при обучении устной речи на чешском языке, может быть индивидуализация подхода к коммуникации. Индивидуализированная коммуникация требует прямого личного контакта как между студентами и преподавателем, так и между самими студентами. Индивидуализированное обучение говорению поддерживает инициативу, самостоятельность и находчивость студентов, помогает преодолевать такие психологические барьеры, как неуверенность, боязнь ошибиться.

Говорению, близкому к реальному общению, студенты могут обучаться с самого начала, в принципе на каждом уроке. Недостаточно, чтобы они отвечали только на стимулирующие вопросы преподавателя. Только тогда, когда студенты сами непосредственно и активно общаются, они спонтанно используют изучаемый язык. Форма «расспроса» в реальной коммуникации встречается очень часто и соответственно является очень важной при обучении. Вопрос имеет смысл тогда, когда спрашивают о том, чего не знают. Поэтому вряд ли модно считать удовлетворительным такой часто используемый подход, каким являются «ответы на вопросы по тексту», т. е. по знакомому, известному материалу. Такая форма полезна как подготовительная стадия, тренировка для усвоения языковых средств, но ее нельзя считать методом обучения самостоятельному свободному говорению. Исходным пунктом каждого

занятия по разговорной практике должны стать самостоятельными, инициативные вопросы студентов.

Чтобы создавать обстановку естественного «расспроса», где вопрос и ответ имеют реальную коммуникативную ценность, надо обращаться к студенту с индивидуализированными вопросами, которые позволят ему сказать и сообщить что-то о себе, о том, что он делает, о своих проблемах и взглядах, о мире, в котором он живет. Надо создать такую обстановку, чтобы на такие вопросы отвечал каждый студент.

Продуманный выбор предмета говорения (проблем, ситуаций, вопросов), их индивидуализация, градация трудностей и последовательность позволяют преподавателю учить студента на разном материале воспринимать, распознавать речь на чешском языке, реагировать на неожиданные стимулы и таким образом формировать умение спонтанной устной речи.

Б. Л. Бойко (Москва)

ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА РУССКОЙ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

Экспрессивная лексика военно-профессиональной речи складывается из профессиональных жаргонизмов и профессиональных арготизмов.

Профессиональные жаргонизмы в повседневной речи военных представлены экспрессивными дублетами терминов: *безоткатка* ‘безоткатное орудие’; *вертушка* ‘вертолет’; *ротный* ‘командир роты’. Часть из них – это озвученные аббревиатуры терминов и терминологических словосочетаний: *акаэм* ‘АКМ, автомат Калашникова модернизированный’; *бэтээр* ‘БТР, бронетранспортер’; *эниша* ‘НШ, начальник штаба’.

Профессиональные арготизмы характеризуются яркой образностью: *взлетка* ‘взлетно-посадочная полоса’, а также ‘широкий проход, рассекающий спальное помещение в казарме на две половины’; *гусянки* ‘гусеницы бронетранспортера, танка’; *замок* ‘заместитель командира взвода’; *эфка* ‘ручная противотанковая граната Ф-1’, она же *лимонка*; *лифчик* ‘спецжилет для боекомплекта’. Профессиональные арготизмы часто отличаются пейоративным компонентом значения: *салабон*, *солобон* ‘молодой солдат первых шести месяцев военной службы’, он же *дух*; *желудок*; *полкан* ‘полковник’; *старлей* ‘старший лейтенант’.

Военно-профессиональная речь отражает принадлежность военнослужащих к виду вооруженных сил, роду войск: *сапоги* ‘военнослужащие сухопутных войск (в речи моряков и летчиков)’; *соляра* ‘военнослужащие наземных родов войск (мотострелки, танкисты)’; *десантура* ‘военнослужащие воздушно-десантных войск’; *погранцы* ‘военнослужащие пограничных войск’. Имея общее ядро, жаргонная лексика отра-

жает специфику отдельного воинского контингента, варьирует от подразделения к подразделению. Свою топонимику разрабатывает солдатская речь для военного городка, полигона, прилегающей местности.

Значительная часть речевого репертуара военнослужащих представлена лексикой молодежного жаргона, арготическими элементами речи представителей асоциальных групп. Из арготического жаргона наркоманов заимствованы: *балдеть* 'проводить время в праздности' (в среде наркоманов *балдеть* – 'находиться в состоянии наркотического опьянения'), *балдеж* 'состояние праздности, ничегонеделанья'. Тюремное арготическое представлено в повседневной речи солдат словами *хавать* 'принимать пищу', *хавка* 'пища', *стучать* 'доносить на кого-л.', *сынок* 'молодой солдат' и др.

Семантическая природа профессиональных жаргонизмов и арготизмов реализуется в возможности образного обозначения специальных понятий на основе:

- метафорического переноса значений, например, в кодированных наименованиях типа *кефир* 'дизельное топливо', *консервы* 'мины', *ягоды* 'люди, личный состав';

- перестройки семантических полей: *война* 'боевые действия в рамках отдельной операции', *граждане* 'военнослужащие срочной службы накануне демобилизации', *обуваться* 'заменять поврежденные звенья гусениц бронетранспортера';

- речевого озвучивания терминов-аббревиатур инициального типа: *эрэсы* 'РС, реактивные снаряды'; *агэс* 'АГС, автоматический гранатомет станковый'; *хэбэ* 'х/б, хлопчатобумажная форма одежды';

- производства новых слов по существующим словообразовательным моделям: *дневалить* 'исполнять обязанности дневального', *дембильнуться* 'уволиться в запас'.

Социально-групповая ограниченность военно-профессиональной речи, как и речи любой социальной группы, располагающей собственным корпоративным жаргоном, создает препятствия для понимания специфических элементов этой речи лицами, не имеющими соответствующего социального опыта. Вкрапления лексических элементов военно-профессиональной речи в тексты, предназначенные для СМИ, если они не стали составной частью общего жаргона, сопровождаются авторскими комментариями или комментариями издателя.

Профессиональные жаргонизмы и арготизмы в определенной своей части, наряду с форменной одеждой, знаками различия и отличия, входят в состав своеобразной «кастовой» символики. В силу этой кастовости они относятся к безэквивалентной лексике и потому трудны для перевода на иностранные языки. Двухязычное лексикографирование этих лексических единиц требует подробного описания их семантики.

Ж. Ж. Варбот (Москва)

РУССКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В СЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

Диалектная лексика каждого славянского языка является важнейшей составляющей лексической базы как этимологических исследований лексики соответствующего славянского языка, так и праславянского лексического фонда. В последнее время все больше внимания обращается на диалектную лексику отдельного славянского языка как особый объект этимологизации (см. продолжающееся издание Boryś W., Popowska-Taborska H. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*. Warszawa, 1994 и след. и Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997, а также конференции по проблемам диалектной этимологии в Екатеринбурге 1991, 1996 и 1999 гг.).

Русская диалектная лексика приобрела особенно большой вес в праславянской этимологии благодаря многочисленным изданиям словарей русских говоров во второй половине XX в., предоставившим в распоряжение этимологов обширные лексические фонды с различных территорий. Ценность русских диалектизмов и их роль в праславянской этимологии многоаспектны: это и сохранение индоевропейских и праславянских архаизмов, и сохранение праславянских диалектизмов, и свидетельства эксклюзивных связей славянской лексики с лексикой других индоевропейских языков и таких же связей между диалектами праславянского языка, что обнаруживается цельюлексемными соответствиями.

Остановлюсь, однако, на значении более поздних образований. Следует учитывать, что в русском диалектном развитии славянских этимологических гнезд нередко появляются вторичные производные, воспроизводящие семантику, семантические модели, характеризующие первичный праславянский состав гнезда. Не будучи непосредственными продолжениями праславянских образований, эти поздние производные служат подтверждением или опровержением реконструкций семантики родственных праславянских лексем.

Несколько примеров использования недавних диалектных публикаций:

- подмоск. *двойна, двойня, двойняга, двоюлина* ‘столб из раздвоенного ствола дерева, на котором укреплен колодезный журавль’ подтверждает использование раздвоенных стволов в качестве рычагов (или их частей) для подъема тяжестей и соответственно образование прасл. **dwigati* от **dw̥va* (с промежуточной ступенью – названием разветвления);
- карел. *подгрѣба* ‘разновидность пластинчатого гриба’ подтверждает возможность образования праслав. **gr̥ibъ* в гнезде **grebti* ;
- ср.-прииртыш. *гумешко* ‘группа’ подтверждает образование праслав. **gumьno* от **gumati* ‘сжимать’;

– ср.-урал. *приказниться* ‘показаться’ обнаруживает принадлежность древней семантики *kazнь к сфере зрительного восприятия, что подтверждает производность *kazнь от *kazati (ср. и вологод. *высказать* ‘показать, вывести на публику’);

– сев. *выскра* и *выскорье* ‘вывороченное с корнем дерево’ и *искра* подтверждают производность *jьskга из гнезда и.-е. *sker- ‘колоть, драть’;

– сев. *вытвораживать* ‘шалить, проказничать, вытворять что-л.’ обнаруживает древность семантики ‘делать’ для праслав. *tvorog, и следовательно производность от *tvoriti ‘делать’ (ср. далее лит. *tverti* ‘хватать’).

Еще один существенный аспект использования русских диалектизмов в славянской этимологии – их структурная и семантическая «помощь» при этимологизации лексики отдельных славянских языков (при том, что речь идет о родстве, но не точных соответствиях).

Например:

– для отнесения чеш. *povlovní* ‘пологий’ к гнезду праслав. *vьlati существенно значение рус. карел. *отвальный* ‘покатый, пологий’ (при родстве *vьlati и *valiti);

– для этимологизации чеш. *nažít (vodu)* ‘напитаться (водой)’ как продолжения *nažeti, *nažьmь структурным и семантическим основанием являются рус. диал. *нажма* ‘скопление чего-л. от давления’ (*нажма воды*), сев. *водожомина* ‘перенасыщенная влагой, сырая почва’, новг. *нажим* ‘топкое место, где скапливается вода из родника’, ср.-урал. *нажимина* ‘болото с истоком’.

В. Ф. Васильева (Москва)

ТИПОЛОГИЯ, ХАРАКТЕРОЛОГИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

1. Вопрос о взаимоотношении типологии и сопоставительной лингвистики, об определении их функциональных задач не нов для теоретического языкознания (Скаличка 1989). Однако интенсивное развитие сопоставительных исследований, вышедших за пределы чисто структурного подхода к частным языковым явлениям, которые охватили все ярусы языковой системы, вносит свои коррективы в классификацию основных методов сопоставительного изучения языков. Современная сопоставительная лингвистика, стремящаяся представить языковую картину во взаимосвязях и взаимозависимостях, все отчетливее вовлекается в типологическую орбиту. В этой связи проблема разграничения понятий «типология» и «сопоставление» остается по-прежнему актуальной.

2. Дефиниция указанных понятий важна не только в терминологическом отношении. Она необходима для постановки исследовательских задач, выбора метода, частных методик и подходов к анализируемым явлениям. Ушло в прошлое суждение, будто сопоставительная

лингвистика не имеет своего собственного метода исследования (Скаличка 1989). Сопоставительная лингвистика на современном этапе располагает научно разработанной методологической системой, включающей как общенаучные методы, так и частные методики, используемые в процессе каждого конкретного исследования (Широкова 1998). Признавая правомерным тот факт, что типология заканчивается там, где игнорируется понятие языкового типа (Климов 1983), мы хотели бы заметить, что значение этого термина часто трактуется весьма широко и неоднозначно. Типология конструирует языковой тип, делая его конечной целью исследования. Сопоставительная же лингвистика обычно исходит из типа как естественного языкового конструкта, функционирующей модели, являющейся основанием для ее полного или частичного анализа. Определение цели диктует выбор метода исследования и обуславливает характер самого материала. Надежность конструирования типа обеспечивается привлечением максимально широкого количества сравниваемых языков. Сопоставительные исследования, выявляя особенности языковых систем – естественных моделей, могут ограничиться и, как правило, ограничиваются, привлечением двух языков. Конструирование языкового типа, каковое является предметом классической типологии, предполагает использование структурного метода исследования как ведущего при типологических исследованиях. Сопоставительная лингвистика на современном этапе ее развития отдает предпочтение системно-функциональному методу, ибо ее в первую очередь интересует механизм «работы» естественной модели.

3. На сегодняшний день с большой долей уверенности можно утверждать, что сопоставительные исследования не только констатируют, но и выявляют причины тех или иных языковых явлений. Сопоставительная лингвистика все в большей степени становится «объяснительной» дисциплиной. Дальнейшему развитию этого направления, несомненно, способствовало бы тесное взаимодействие сопоставительного метода с характерологией – относительно автономной типологической дисциплиной. Согласно Матезиусу (Матезиус 1989), характерологию интересует не столько принадлежность языка к определенному типу, сколько индивидуальная организация языковых структур, рассматриваемая (что особенно важно) в широком спектре взаимосвязей и взаимозависимостей. Учет имплицативных отношений между отдельными, в том числе и межуровневыми структурами – это то главное, что может быть успешно заимствовано сопоставительной лингвистикой при выявлении особенностей функционирования языковых систем как генетически родственных, так и далеких друг от друга.

4. Одним из примеров характерологического подхода к описанию особенностей функционирования языковых систем славянских языков

является, в частности, проекция деривационных процессов на отдельные уровни системы каждого славянского языка: лексический, морфологический, синтаксический. Неодинаковый деривационный потенциал языков становится причиной различий между ними, проявляющихся в денотативном, сигнификативном и прагматическом аспектах. Сопоставительное изучение языков на характерологической основе позволяет выявить не только чисто структурные различия, касающиеся плана выражения, но также и различия в интерпретации передаваемой информации, в характере объективации мыслительного содержания.

Литература

Климов 1983: Климов Г. А. Принципы контенсивной типологии. М., 1983.

Матезиус 1989: Матезиус В. О лингвистической характерологии на материале современного английского языка // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXV. М., 1989.

Скаличка 1989: Скаличка В. Типология и сопоставительная лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXV. М., 1989.

Широкова 1998: Широкова А. Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. Под ред. А. Г. Широковой. М., 1998.

Г. К. Венедиктов (Москва)

О НОМИНАЦИИ НОВЫХ РЕАЛИЙ В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ НА СТАДИИ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ

Современный болгарский литературный язык складывается в эпоху национально-культурного возрождения болгарского народа. Начало этого процесса относится к 20-м годам XIX в., когда образованные и патриотически настроенные болгары решительно поднимают вопрос о необходимости скорейшего введения образования на родном языке, изданий на нем учебных, религиозных и других необходимых для развития общества книг, предлагают с этой целью свои опыты литературной обработки народной речи. Поздняя, завершающая стадия данного процесса хронологически представляется менее отчетливой. Обычно ее относят к 60-70-м гг. XIX в., т.е. к самому концу эпохи Возрождения, когда литературный язык после острых филологических споров по вопросам его устройства и нормализации уже предстает как язык общebolгарский и относительно единый с такой совокупностью основных норм, какая сохраняется до сих пор.

Формировавшийся в указанный период современный болгарский литературный язык характеризуется наряду с другими важными протекавшими в нем процессами также и исключительно быстрыми изменениями в лексическом составе, вызванными необходимостью наименования большого числа новых реалий материальной и духовной культуры, которые входили в различные новые для болгар сферы их хозяйственной, общественной и культурной деятельности. В общий процесс нормализации и совершенствования этого языка в 20-70-е гг. XIX в. вторгся мощный поток новой лексики. Номинации требовали как множество реалий, появившихся в жизни европейских и других народов, в том числе и болгар, в XIX в. (например, пароход, железная дорога, телеграф), так и реалии, давно известные другим народам (например, газета, типография, университет, телескоп), с которыми болгары вследствие тяжелых условий своего существования под игом Османской империи столкнулись практически только в XIX в. Разумеется, некоторые из таких реалий были известны болгарам и ранее, но в жизнь болгарского общества они входят, актуализируются в ней только в период складывания современного литературного языка.

Анализ наименований новых реалий (главным образом из области материальной культуры) показывает, что в целом их номинация в болгарском языке XIX в. характеризуется широкой дублетностью. Причина большого разнообразия новых наименований лежит в различии языковых источников, из которых черпались многие из них, особенно что касается области научной и технической терминологии. Другая причина наличия большого числа дублетов кроется в словотворчестве болгарских книжников того времени, которые, используя богатые словообразовательные потенции родного языка, создавали путем аффиксации (главным образом суффиксации) и словосложения разные по словообразовательной структуре слова, в том числе и гибридные образования.

На появление лексики рассматриваемого характера из внешних языковых источников наибольшее влияние оказал, по-видимому, русский язык. Это объясняется богатством русского языка и его большей по сравнению с языками Западной Европы близостью и понятностью для болгар, а также и таким весьма важным обстоятельством, как широкое использование болгарскими русскими книг, и тем, что среди образованных и активных деятелей культурного возрождения Болгарии было много воспитанников российских учебных заведений. Влияние русского языка было двояким: во-первых, из него заимствовалось большое число собственно русских слов, которыми болгары стали называть новые для них реалии, а во-вторых, русский язык был посредником вхождения в болгарский множества слов-интернационализмов. Большое число русизмов, новоднивших болгарский язык, особенно во второй половине

XIX в., вызывало отпор со стороны многих «возрожденцев», в том числе и русских воспитанников, вылившийся в широкое пуристическое движение.

На номинации новых реалий в болгарском языке на стадии его становления отразилось и влияние соседних балканских языков – греческого, сербского, румынского, языков Центральной и Западной Европы – чешского, немецкого, французского и др.

Использование разных языков для номинации новых реалий приводило нередко к тому, что одна и та же реалья в болгарском языке называлась двумя и более словами разноязычного происхождения. Собственное словотворчество болгарских книжников также приводило к тому, что в языке появлялись ряды семантически тождественных слов, образованных присоединением разных аффиксов к одной и той же мотивирующей основе или одного аффикса к разным основам, а также словосложением.

Большая часть появившихся в болгарском языке эпохи возрождения наименований новых реалий не имела широкого употребления и была вытеснена другими словами. Характерно при этом, что лексические новообразования, созданные «возрожденцами» на их родной языковой основе для наименования новых реалий, во многих случаях не выдерживали конкуренции с семантически им тождественными прямыми заимствованиями из русского и других языков или соответствующими кальками.

Следует отметить, что на номинацию новых реалий в литературном болгарском языке на стадии его формирования турецкий язык – язык господствующего в Османской империи этноса – почти не оказал влияния.

В. П. Гудков (Москва)

О СТАТУСЕ, СТРУКТУРЕ И НАЗВАНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА БОСНИЙСКИХ МУСУЛЬМАН

Население исторических областей Боснии и Герцеговины и ныне существующей государственной формации (республики) Босния и Герцеговина составляют три основных этноса: мусульмане в этническом смысле (потомки южных славян-христиан, отказавшихся в эпоху османского владычества от первоначальной религии и принявшие веру завоевателей – ислам), сербы (традиционно исповедующие православие) и хорваты (католики). При этом мусульмане (самоназвание *Бошњаци*, по-русски *босняки*) составляют менее 50% населения этой страны.

В последние годы лидеры боснийско-герцеговинских мусульман и национально (или националистически) ангажированная интеллиген-

ция насаждают концепцию особого *боснийского* языка, сопрягаемого с культурой боснийцев-мусульман (босняков). Сербы, называющие свой язык сербским, и хорваты, называющие свой язык хорватским, усматривают в названии «боснийский язык» (*босански језик*) стремление мусульман сделать этот идиом и соответствующий лингвоним атрибутом всей Боснии и Герцеговины, т. е. видят за этим (не без оснований) настояния боснийцев-мусульман добиться языковой гегемонии на территории Боснии и Герцеговины. Представляется более уместным и естественным использование для наименования этого литературного языка прилагательного *бошнячки*, соотносимого с названием этноса *Бошняци*, по-русски *босняцкий* (ср. *босняки*), а не *босански* (*боснийский*).

Литературный язык боснийских мусульман (босняков) имеет тождественную диалектную базу с языком сербов и хорватов – так называемые новоштокавские говоры. В грамматике литературных босняцких, сербских и хорватских текстов нет расхождений, кроме различной частотности употребления некоторых вариантных форм. Фонемный инвентарь также в целом тождествен; единственное своеобразное явление босняцкого языка – большая частотность употребления согласного [x]. Примечательной особенностью этого идиома считается обилие турцизмов (ориентализмов). Следует, однако, иметь в виду, что этот слой словаря характерен преимущественно для сферы бытовой (зачастую устаревающей, «этноисторической» лексики), а также для конфессиональной исламской терминологии. В научных и общественно-политических текстах турцизмов нет (во всяком случае их не больше, чем в сочинениях сербских и хорватских авторов). По своей материи и структуре *босняцкий* («*боснийский*») язык есть то же самое, что традиционно именовалось сербскохорватским языком.

Современные боснийско-мусульманские языковеды прилагают большие усилия для утверждения и признания босняцкого языка (который они именуют боснийским). В 2000 г. вышла «Грамматика боснийского языка» Дж. Яхича, С. Халиловича и И. Палича. Весьма примечательная особенность текста этого грамматического труда – появление заметного слоя лексических хорватизмов, отсутствовавших в лингвистических и вообще научных изданиях второй половины XX в. В ситуации отсутствия собственной специфической лексики, свойственной научному стилю, босняцкие грамматисты, отчуждаясь от сербского языка, идут по пути уравнивания сербских и хорватских лексических ресурсов. Это в свою очередь подтверждает уместность сохранения лингвонима «сербскохорватский» или, если угодно, «сербскохорватскобосняцкий» язык.

О. М. Демская-Кульчицкая (Киев)

КОРПУС ТЕКСТОВ УКРАИНСКОЙ ПЕРИОДИКИ

1. Корпус текстов украинской периодики (КТУП) реализуется как часть проекта по созданию синхронно-диахронного корпуса текстов украинского языка XX в.

Целью КТУП является получение объективной картины современного украинского языка периодических изданий и, учитывая представленность в газетных источниках всех стилей и жанров языка, получение в какой-то степени общей картины украинского языка.

КТУП как подкорпус является автономным машиночитаемым массивом текстов периодических изданий, написанных на украинском языке за период с 1985 до 2000 г. С учетом характера истории Украины в конце XX в. в этом временном отрезке далее выделяются следующие хронологические периоды:

- а) 1985 – 1991 гг.;
- б) 1991 – 1994 гг.;
- в) 1994 – 2000 гг..

В процентном отношении КТУП должен составлять приблизительно 20-25% от всего синхронно-диахронного корпуса, структура которого имела бы следующий вид (первоначальный общий объем – 10 млн. слов):

• научные тексты	30//25%	3000//2500 тыс. сл.
• тексты художественной литературы	30//35%	3000//3500 тыс.сл.
• тексты периодических изданий	25//20%	2500//2000 тыс.сл.
• диалектные тексты	10//15%	1000//1500 тыс.сл.
• тексты устной речи	5%	500 тыс.сл.
всего:	100%	10 млн. сл.

2. Одной из важнейших характеристик текстового материала, входящего в КТУП, является стилистико-тематическая характеристика. Стилистически тексты должны репрезентировать все стили украинского языка с учетом так называемого высокого, среднего и низкого уровня фактического материала. К высокому уровню относятся профессиональные периодические издания, научно и научно-популярная периодика (*Мовознавство, Наука і життя*), а также культурологические издания, рассчитанные на подготовленного читателя (*Ї, Сучасність*). Средний уровень составляют периодические издания общественно-политического и культурного характера (*Урядовий кур'єр, Жінка, Сільські вісті*). Низкий уровень – популярные журналы и газеты сенсационного, бульварного характера, частично «желтая пресса» (*Товарний вісник,*

Експрес). Тематически предусмотрено следующее общее разграничение текстов периодических изданий:

- а) общетематические;
- б) специально-тематические.

К общетематическим относятся ежедневные издания, главным образом периодика низкого уровня ($\approx 20\%$ всех текстов). Специально-тематические охватывают разные области человеческого опыта и знаний; соответственно речь идет о текстах среднего и высокого уровня, которые извлекаются из следующих изданий:

- общественно-политических;
- политико-экономических;
- экологических и географических;
- художественных;
- исторических;
- философских и религиозных;
- литературно- и языковедческих;
- естественнонаучных.

3. При создании КТУП необходимо учесть территориальный аспект. Этот аспект влияет на формирование репрезентативного корпуса украинского языка, поскольку в зависимости от территориальной характеристики конкретного текста одного и того же стиля и жанра обнаруживаются территориальные специфические признаки украинского общенародного языка. А наличие текстов украинской диаспоры в КТУП даст возможность сопоставить и проанализировать языковой материал с точки зрения заимствований или калек из языка-окружения и эксплицировать «слабые / сильные места» языка, где происходят или нивелиационные процессы, или же процессы обогащения системы. В территориальном отношении в КТУП предусмотрена следующая структура:

I. Государственные периодические издания.

1. Печатный орган Верховной Рады Украины (*Голос України*).

2. Печатный орган Правительства (*Урядовий кур'єр*).

II. Общеукраинские периодические издания.

III. Региональная периодика (*Центр, Северо-запад, Юг, Восток, Диаспора*).

4. Можно предположить, что представленность оригинального и переводного текстов в границах одного корпуса лучше отобразит языковую картину, однако в КТУП, с учетом его функционального назначения, целесообразно остановиться на оригинальных текстах, и основополагающими (но не абсолютными) критериями отбора текстов в языковом аспекте считать:

- текст написан на современном украинском литературном языке;
- текст оригинальный (не переводной);

- текст написан автором в возрасте свыше 18 лет (для взрослых);
- текст написан в Украине или в диаспоре.

5. Традиционно корпусный текст состоит из двух частей: поля библиографического описания и поля собственно текста. Система библиографического описания предполагает экспликацию следующей информации:

1. Название: *название издания – газеты, журнала, бюллетеня, вестника.*
 2. Автор/авторы: *имя, фамилия.*
 3. Заглавие: *название конкретного текста.*
 4. Том: *№ тома, из которого взят текст.*
 5. Выпуск: *№ выпуска.*
 6. Издательство: *название издательства или издатель.*
 7. Место издания: *информация о местонахождении редакции периодического издания.*
 8. Дата: *полная дата периодического издания – месяц / день / год.*
 9. Страницы: *№ страницы / строки цитаты (если исходящий документ не является электронным).*
 10. Тип текста: *прозаический/стихотворный.*
 11. Предметная характеристика текста: *указание на предметную принадлежность текста.*
 12. Стилль текста: *научный, научно-популярный, научно-дидактический; публицистический; художественный; разговорный.*
 13. Назначение текста: *указание на аудиторию, для которой предназначен текст.*
 14. Количественные параметры: *количество словоединиц.*
 15. Файловая информация: *указание, где находится текст на магнитных носителях.*
 16. Иная информация.
- Собственно текст предполагает лингвистическую аннотацию.

А. Н. Дмитриева (Санкт-Петербург)

НЕКОТОРЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАКЕДОНСКОГО ЯЗЫКА (АНАЛИЗ ТЕКСТА НА ФОНЕТИЧЕСКОМ УРОВНЕ)

Фонетическая система. Македонский язык наряду с болгарским, сербохорватским и словенским принадлежит группе южных славянских языков. Его фонетическая система включает 31 фонему: 5 гласных (/a/, /e/, /i/, /o/, /u/), 7 сонантов (/j/, /l/, /ʎ/, /m/, /n/, /ŋ/, /r/), 19 шумных согласных, из которых 18 противопоставлены по глухости-звонкости: взрывные /p/-/b/, /t/-/d/, /k/-/g/, /kʰ/-/gʰ/, щелевые /f/-/v/, /s/-/z/, /š/-/ž/, аффрикаты /c/-/dz/, /č/-/dž/ и непарный глухой щелевой /x/. Существует также сло-гообразующий вариант /r/ (далее /:r/).

Материал и методика исследования. Для исследования был взят массив текстов различных жанров общим объемом 2.750.000 фонемоупотреблений (510.000 слов, 1.230.000 слогов). Весь материал был затранскрибирован и расчленен на открытые слоги. Результаты обработки: частотные характеристики отдельных фонем и слогов типа CV.

Статистические характеристики фонем. В системе соотношение C:V равно 4,33, в реализации консонантный коэффициент составляет 1,22. В таблице 1 представлены частоты встречаемости отдельных фонем. Частота фонемы /ɑ/ в 715 раз

Частота встречаемости отдельных фонем (в %)

a	13,60	v	4,06	l	1,64	ž	0,52
o	10,94	k	3,99	g	1,64	∴r	0,38
o	9,13	d	3,86	b	1,46	k'	0,33
i	8,50	p	2,76	ɾ	1,22	n'	0,33
t	7,31	m	2,62	š	1,17	x	0,16
n	7,10	u	2,19	c	0,90	g'	0,14
s	4,77	z	1,74	č	0,87	dz	0,04
t	4,34	j	1,68	f	0,63	dž	0,02

выше частоты последней в этом наборе фонемы /dž/, а фонемы первой половины таблицы покрывают 90% всего материала. Из шести гласных фонем первые четыре составляют 94% от всех употреблений гласных (в среднем по 23,6% на каждую фонему), фонема /u/ – лишь 4%, а слогообразующее /∴r/ – всего 1%. Самая высокая частота у согласных /t/ и /n/, что представляет собой одну из универсальных языковых характеристик. Процент мягких согласных уменьшается примерно в 2 раза (по сравнению с соотношением в системе), такая же ситуация с аффрикатами и среднеязычными согласными. Напротив, сильно увеличивается процент твердых, смычных и переднеязычных согласных. Что касается общего количества фонемоупотреблений, наблюдается превосходство звонких согласных над глухими как по количеству (система), так и по частоте (реализация), однако в парах (за исключением пары /v/-/f/) глухих примерно в 2 раза больше, а глухие аффрикаты встречаются в 45 и 20 раз чаще (пары /c/-/dz/ и /č/-/dž/ соответственно). Можно также заметить, что большей частотностью отличаются согласные с «простой» артикуляцией, а такие согласные, как палатальные, аффрикаты и двухфокусные, низкочастотны.

Статистические характеристики слогов типа CV. Исследование показало, что из 156 теоретически возможных фонемных сочетаний типа CV реально существует только 141. Наибольшую ограниченность сочетаемости имеет слоговое /∴r/, не встречающееся после согласных

/k/, /g/, /n/, /l/, /ʎ/, /r/, /ʃ/, /j/. 50 наиболее частотных слогов покрывают 80 % любого текста. Среди них 14 слогов с гласной /a/, по 12 слогов с гласными /e/, /i/, /o/ и лишь один слог с гласной /u/. Слоги со слоговым /ɔ:ɾ/ в этот набор не входят. Отметим тот факт, что среди этих частотных слогов оказались сочетания с низкочастотными согласными /k/, /g/, /ʃ/, /c/, /ʎ/ и гласной /u/, что может быть обусловлено морфологическими и лексическими особенностями македонского языка. В сочетаниях CV (относительно общего числа фонемоупотреблений) больше звонких, мягких и сонантов, меньше переднеязычных и щелевых. На данном этапе исследования можно сделать предположение о предпочтительной сочетаемости гласных и согласных со схожей артикуляцией (по месту и участию активных действующих органов).

Автор продолжает проводить исследования для подкрепления полученных в этой работе данных и высказанных предположений и для поиска новых результатов, чтобы дополнить и завершить «фонетический портрет» македонского языка.

Литература

Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р., Штерн А. С. Некоторые статистические характеристики русской речи // Слух и речь в норме и патологии. Л., 1977.

Бюллетень Фонетического Фонда русского языка. № 6, СПб. – Бохум, 1997.

Савицка И. Фонологија на современиот македонски стандарден јазик. Скопје, 1991.

Minissi N. et al. Фонетика на македонскиот јазик. Napoli, 1982.

М. И. Ермакова (Москва)

СИНХРОННО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕСТОИМЕННИЙ В СЕРБОЛУЖИЦКИХ И РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

При анализе местоимений как особой части речи мы исходим из того, что они представляют собой группу слов со своей самостоятельной семантикой: их референты соответствуют явлениям объективного мира, в предложении же они выполняют функции членов предложения. В отличие от существительных, прилагательных и глаголов, они не называют явления объективного мира непосредственно – их денотативное значение определяется ситуацией речи или отношением к говорящему, контексту. В функции членов предложения местоимения употребляются как заместители не только одного слова, но и целой синтагмы или части предложения.

Выступая в функции члена предложения в номинативной или глагольной области, местоимения являются субститутами соответствующих классов слов и обладают их категориальными признаками. В зависимости от выражения этих признаков местоимения распределяются по подклассам: субстантивные, адъективные, посессивные, адвербиальные местоимения и местоимения-числительные.

При классификации местоимений может быть применен и другой критерий, который определяется как способ указания, выраженного местоимением, или характер отношения местоимений к субстанции. Применение этого принципа классификации предполагает, что некоторые местоимения реализуют свою функцию только благодаря акту речи и связаны с субстанциями, которые принимают (или не принимают) участие в акте коммуникации в качестве автора или адресата речи; другие указывают на явления объективного мира, названные в предшествующем или последующем тексте или в процессе речи, то есть имеют дейктическую функцию; с помощью третьих реализуется неопределенное указание, не связанное с каким-либо определенным референтом, а относящееся к любому представителю соответствующего класса. При этом различные способы указания могут модифицироваться с помощью других семантических признаков. Таким образом, в рамках названных выше классов местоимений (субстантивных, адъективных и т. д.) могут быть выделены следующие подклассы: 1) личные, рефлексивные и не-рефлексивные; 2) указательные, связанные с указанием на близкие и дальние предметы действительности; 3) неопределенные, различающиеся по признакам «конкретный», «определенный», «оцениваемый с точки зрения количества, селективности»; 4) вопросительные; 5) относительные; 6) обобщающие, указывающие на совокупность явлений оценкой «положительное» или «отрицательное»; 7) компаративные, связанные с выражением сравнения, с идентификацией или дифференциацией явлений; 8) лимитативные (ограничительные), ограничивающие, изолирующие явления, с которыми они соотносятся, от явлений того же класса.

Отметим, что не каждый подкласс, выделенный по первому принципу (субстантивный, адъективный и т. д.), может характеризоваться полным набором подклассов, выделенных по способу прономинального указания. В качестве дополнительных семантических признаков у этих подклассов могут выступать такие, как «определенность», «конкретность», «обобщенность», характеризующие в отношении количества *nb* (ср. у неопределенных местоимений), *hic-deixis* и *ille-deixis* (ср. указательные местоимения), «дистрибутивность», «коллективность», «тотальность» (ср. обобщающие местоимения с позитивной и негативной оценками), конфронтативность и дистрибутивность (ср. компаративные местоимения) и т. д.

В результате подобной классификации местоимений, представляющей подклассы местоимений, определенных с помощью грамматико-категориальных признаков и с помощью определения способа указания, образуется сложная, относительно замкнутая система местоимений. Подобная классификация предложена в «Грамматике современного верхнелужицкого литературного языка» (Бауцен 1981) и используется нами как основа для сопоставления серболужицких и русского литературных языков.

В рамках данной классификации мы выяснили конкретный состав местоимений в каждом из названных языков, отличия между ними в подклассах, выделяемых по первому и второму принципам. При этом в подклассах, определенных по грамматико-категориальному признаку, учитывались конкретные признаки, связанные с принадлежностью к одному из пяти подклассов (ср. у субстантивных местоимений одушевленность / неодушевленность, у адъективных – согласуемость / несогласуемость, у адвербиальных – признаки «место», «время», «причинность»).

Наиболее сложной оказывается система местоимений в серболужицких литературных языках. Эта сложность определяется составом местоимений, выделенных на основе различий в характере, способе указания в каждом подклассе. Ряд позиций в данной классификации, совершенно не представленный в системе местоимений русского литературного языка, в серболужицких литературных языках характеризуются присутствием специфических образований. Примером могут служить особые каузальные адвербиальные личные местоимения 1 и 2 л. ед. и мн. ч., образованные от соответствующих посессивных местоимений в форме именительного падежа среднего рода + предлог *dla*: *mojedla*, *twojedla*, *našedla*, *wašedla*. Эти местоимения указывают на лицо или лица (говорящий или адресат действия), являющиеся причиной или побудителем действия. Они конкурируют с конструкциями типа «предлог + Р. п. личного местоимения 1 или 2 лица ед. или мн.ч.: *dla mnje*, *dla tebję*, *dla nas*, *dla was*. В верхнелужицком литературном языке предпочитают конструкции *dla nas*, *dla was*, а *našedla*, *wašedla* встречаются значительно реже. Напротив, местоимения *mojedla*, *twojedla* предпочитают конструкциям с предлогом на первом месте.

А. А. Зайцев (Москва)

**СОПОСТАВЛЕНИЕ ТЕКСТОВЫХ ЕДИНИЦ УСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ С ИХ
АНАЛОГАМИ В КОДИФИЦИРОВАННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

Круг проблем, разрабатываемых теорией литературного языка – относительно молодой лингвистической дисциплиной, – достаточно широк. Отметим здесь лишь некоторые из них:

- 1) определение сущности и границ литературного языка (ЛЯ);
- 2) выделение релевантных факторов дифференциации разновидностей ЛЯ;
- 3) определение набора и способов организации языковых средств, свойственных каждой разновидности ЛЯ;
- 4) выстраивание целостной структуры ЛЯ, соответствующей иерархии факторов членения и характеру языковых средств, закреплённых за его разновидностями.

Решение названных проблем затруднено тем, что как в национальном языке вообще, так и в ЛЯ наряду с дифференцирующими имеют место и интегрирующие процессы, вызванные взаимопроникновением и взаимодействием разновидностей, входящих в их состав. Эти явления ведут к возникновению промежуточных (пограничных) зон в системе ЛЯ, которые интегрируют и комбинируют набор и характер организации языковых средств двух соседствующих разновидностей. Данное обстоятельство, по словам О. А. Лаптевой, обусловило разработку идеи неединственности зон членения ЛЯ, а также осознание необходимости оценки факторов членения с позиций целостности ЛЯ (Лаптева 1997).

Промежуточное положение в структуре ЛЯ в полной мере характерно для устной публичной речи (УПР), которая, став объектом изучения, породила в отечественной науке острую дискуссию в отношении ее статуса. Главным вопросом этой дискуссии, не утратившей своего значения и в настоящее время, является вопрос о том, может ли и должна ли УПР всегда осуществляться на кодифицированном литературном языке (КЛЯ), или же УПР в силу устной формы своей реализации обладает характеристиками, обособляющими ее от КЛЯ и объединяющими с разговорной речью (РР).

Неоднозначное положение УПР во многом затрудняет моделирование общей структуры русского ЛЯ. Одни исследователи (Е. А. Земская, Е. Н. Ширяев и др.) считают, что «вся сфера массовой коммуникации, вся область использования публичной ораторской речи обслуживается кодифицированным языком» (Земская 1987), в то время как О. А. Лаптева, подчеркивая определяющую роль фактора формы речи в членении ЛЯ, предлагает рассматривать УПР как «особую область уст-

но-разговорной разновидности, лежащую на грани смыкания устно-разговорной разновидности с книжно-письменным типом литературного языка» (Лаптева 1985). Разумеется, эти взаимоисключающие позиции предусматривают различную группировку разновидностей ЛЯ.

При решении вопроса о статусе УПР в структуре ЛЯ полезно было бы воспользоваться сопоставительным анализом данного типа речи с КЛЯ и РР на всех уровнях языковой системы. Результатом такого сопоставления может оказаться выявление двух типов элементов – кодифицированных, стандартных, «охватывающих общелитературные и книжно-письменные явления», и некодифицированных, узуальных, «охватывающих разговорные и, шире, устно-литературные явления» (Лаптева 1992).

В настоящее время уже существует целый ряд работ (В. В. Борисенко, Т. П. Скорикова, Г. Г. Инфантова, Т. Е. Акишина и др.) в интересующем нас направлении. Вместе с тем текстовый уровень УПР еще не был исследован с обозначенных позиций. В этой связи нами предлагается провести сопоставительное изучение текстовых единиц УПР с их аналогами в КЛЯ.

Устные корреляты связанных фразеологических единиц и свободных предложений, являющихся единицами текстообразования, обнаруживают в своей организации отклонения от кодифицированной нормы, которые могут быть типологизированы следующим образом:

1) нарушение межфразового согласования (Я / прежде всего / хочу выразить / признательность // Георгию Валентинычу / за то что он пришел // **Потому что** я / очень хотел провести / последние мои дебаты / это последняя возможность быть / на федеральном канале / в эфире /; Эта / программа законодательных актов / законопроектов // **Но** / эта программа разработана на основе нашего опыта / и опыта / наших / основных лидеров / Евгени Максимыча Примакова / и опыта / его правительства //);

2) неоправданный повтор (Но еще раз / **мое личное решение** / до съезда до как общественно-политического движения // **Что мое личное / решение** было поддерживать Путина //);

3) неадекватное смыслу и структуре высказывания интонационное выражение (Нынешний пенсионный закон / абсолютно несправедлив / После обвала / который господин Кириенко / устроил нам / в августе прошлого года // пенсионеры стали / самой нищей / категорией нашей / наших граждан //). Паузы / и // препятствуют реализации общего смысла высказывания и его структурно-семантической организации;

4) слова-паразиты (Ну первое / мы считаем / что сегодня / очень важно заниматься **реальными** делами // Необходимо / проводить / **реальную** / налоговую реформу // Необходимо / обеспечить **реальную** защиту / социальную защиту / наших граждан //);

5) двусмысленность (Он был таким же кандидатом / как Мартин Шакум / таким же кандидатом / допустим / как Святослав Федоров / таким же кандидатом / как Горбачев // **Я имею в виду / по доступу к информации** //). Речь идёт о СМИ, а не о секретной информации.

Выявленные отклонения текстового уровня нуждаются в более точной оценке их нормативного статуса. Однако уже наличие таких явлений в структуре текста УПР свидетельствует о невозможности постановки знака равенства между понятиями «норма УПР» и «кодифицированная норма».

Е. Ю. Иванова (Санкт-Петербург)

БЫТИЙНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Бытийное предложение как логико-синтаксический тип (в понимании Н. Д. Арутюновой) и в русском, и в болгарском языке состоит из трех основных компонентов: локализатора, указывающего на область бытия, бытийного глагола и имени объекта бытия. Коммуникативно-референциальные особенности, свойственные «классическим» бытийным предложениям, сохраняются в обоих языках: локализирующий сегмент является темой и единственным определенным компонентом, бытийный глагол вместе с именем составляет рематическую группу, при этом имя вводит неопределенный объект или класс объектов. При том, что морфолого-синтаксические различия между бытийными предложениями русского и болгарского языков получили достаточно подробное освещение (И. Георгиев, Р. Ницолова и др.), остаются не до конца проясненными семантико-прагматические особенности между вариантами структур, представляющих экзистенциальное сообщение.

Специфика болгарского языка заключается прежде всего в том, что в нем для выражения экзистенции используются два глагола: *имам* и *съм*. Все типичные утвердительные бытийные предложения (интонационно нейтральные структуры с указанными коммуникативно-референциальными особенностями) строятся с безличной формой глагола *имам*. Появление в сообщениях об экзистенции глагола *съм* связывается как с особыми группами лексики, активизирующими связочные функции этого глагола (имена состояний, обозначения времени: *Отвънка беше шум. Вътре в колата е адска жега*), так и с определенностью имени бытующего объекта (*Зад полето е реката. Сега там е магазин «Будапеща». В куфара са зимните ми дрехи. В стаята е баща ми*).

Важную роль в разграничении смысловой и прагматической информации между предложениями с *съм* и *имам* играет сопоставление тех конструкций, в которых возможна взаимозаменяемость глаголов: *В чантата има пари* и *В чантата са парите*; *До вратата има хладилник*

и *До вратата е хладилникът*; *Наоколо има поля* и *Наоколо са полята*. Как представляется, бытийные предложения с *съм* есть результат прагматической задачи подключения слушающего в пространство восприятия говорящего, демонстрация акта приобщения слушающего к знанию говорящего. В отличие от соответствующих предложений с *имам*, такие предложения обладают рядом семантических и грамматических особенностей: 1) они сообщают о наличии в определенном пространстве известных, индивидуализированных объектов; 2) предполагают исчерпанность, заполненность этого пространства указанными предметами, следствием чего является требование семантической координации объемов пространства и включенных в него имен. Ср.: *В аудиторията *е дъската*. *В стаята *е бюрото*. *В кухнята *е хладилникът*, но: *В ъгъла на стаята е бюрото*. *До прозореца е дъската*; 3) включают адресата в сферу личного знания и внимания, чем достигается сдвиг «наблюдательного пункта» внутрь сообщения, в общее перцептивное пространство говорящего и слушающего; 4) в семантику *съм*-предложений входит семантический компонент «созерцательность».

Многие из указанных особенностей напоминают русскую оппозицию глагольных и безглагольных бытийных предложений. Из всего многообразия более общих и частных наблюдений над русскими бытийными моделями с глагольным компонентом *есть* и без него (Н. Д. Арутюнова, О. Н. Селиверстова, И. Б. Шатуновский, Т. Е. Янко и др.), выделим три основных тезиса.

1. Установлено, что опущение глагола в бытийной структуре с локализатором указывает на полную исчерпанность включаемых элементов в область бытия: *В руке у него чемодан, а на голове – шляпа*. *В классе способные ученики* (= *Все ученики класса способные*), а конструкция с *есть* предполагает вхождение объекта в такое множество, которое имеет (или может иметь) и другие члены: *В холодильнике есть помидоры*. *Среди учеников в классе есть способные ребята*.

В отличие от распределения смыслов между двумя русскими конструкциями, в болгарском языке маркирована специальной семантикой «заполняемости» объема только *съм*-конструкция.

2. С отмеченным денотативным, семантическим различием между центральными бытийными предложениями (с *есть*) и предложениями без глагола И. Б. Шатуновский связывает и важную особенность референциального плана: в первых имя всегда неопределенно, во вторые возможно включение имен с определенной референтностью. Но если русские безглагольные предложения допускают определенную именную группу (*Посмотри, на балконе какой-то человек – Посмотри, на балконе твой приятель*), то в болгарском языке привлечение идентифицирующей информации обязательно меняет *имам* на *съм*: *Виж, на балкона има някакъв човек!* – *Виж, на балкона е приятелят ти!*

3. Наблюдения над особенностями русских безглагольных построений показали их способность реализовывать значение «актуального» обладания и наличия (Ю. Д. Апресян, Т. Е. Янко), ср. *У него есть пластиковые лыжи – У него пластиковые лыжи (поэтому он так быстро бежит)*.

С другой стороны, особая смысловая связь устанавливается при сочетании предметных имен с пространственными ограничителями. По выражению Т. Е. Янко, предложение с *есть* выдает позицию пользователя, а без *есть* – более скромного, «бескорыстного» наблюдателя: *В соседней комнате есть стул, принеси его*. Ср.: *В комнате стул*.

Болгарские *имам*-предложения не маркированы относительно указанной семантики, но *съм*-предложения, как и русские безглагольные, представляют созерцательное отношение к сообщаемому, проявляя «бескорыстность» наблюдателя, то есть обуславливают невозможность «утилитарного» употребления *съм*.

В русском языке, однако, не получает структурного выражения прагматическая задача вовлечения адресата в общую сферу восприятия: «наблюдатель» и адресат не имеют общего перцептивного пространства.

Существует также ряд важных грамматических ограничений, препятствующих установлению возможных параллелей между болгарскими и русскими построениями.

Семантические и референциальные особенности рассматриваемых структур в русском и болгарском языках проявляются и при их сопоставлении с еще одним вариантом построения бытийных предложений в болгарском языке – безглагольными моделями.

И. Е. Иванова (Москва)

ПУНКТУАЦИОННОЕ ВЫДЕЛЕНИЕ АНАФОРИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В СВЕРХФРАЗОВЫХ ЕДИНСТВАХ В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ

Пунктуация сербского языка, являясь свободной, или логической, дает возможность автору самостоятельно принимать решение о необходимости выделения какого-либо элемента предложения. Некоторые явления, не отраженные в кодификации, постепенно входят в практику языкового сообщества и становятся принадлежностью нормированной письменной речи.

В результате анализа текстов, представляющих художественный, публицистический и научный стили, мы можем сделать вывод о пунктуационном выделении так называемых коннекторов, проявляющихся на материале более широком, чем границы одного предложения, – в рамках сверхфразового единства или текста.

К элементам, выделяемым знаками препинания на основании их участия в организации текста, относятся следующие группы слов:

1. Вводные слова, среди которых наиболее часто обозначаются знаками препинания группа слов, указывающих на связь мыслей, последовательность их изложения. Особенно ярко функция коннекторов, обеспечивающих связность текста, проявляется у модальных элементов типа **прво, друго, треће..., потом, на крају**. Ср.: **Прво, везир је избегао непосредну опасност... Друго, капицибаша је јавно носио везиру радосне вести и изванредне почести... Треће, овај капицибаша био је човек омражен и на рђаву гласу... И четврто, и најважније, у Цариграду је сада пуна анархија а Мехмед-пашини пријатељи... добиће у времену...** (1, с. 50).

2. Обстоятельства также могут выполнять функцию коннекторов внутри текста. При описании событий, находящихся между собой в какой-либо временной соотнесенности, одним из средств связи между высказываниями может оказаться, например, обстоятельство времени: **Угледао сам, прво, две младе жене... Затим сам угледао сељака. Касније, на ивици шуме угледах срну** (7, с. 15).

Значение соотнесенности с предыдущим контекстом несут в себе обстоятельства, выраженные наречиями **најпосле, последњи пут, напослетку, ускоро, у међувремену, изненада, наједном, одједном, онда, доцније** и им подобные: **Најпосле, Мазалита, Бенционова снаха, отпева једну шпанску романсу...** (1, с. 41).

Анафорический элемент может быть обстоятельством места, которое, являясь темой высказывания, обычно стоит в начале предложения: **Нешто даље изнад велике цркве, стоји једна мања...** (4, с. 25). Начальное обстоятельство включает это предложение в контекст.

Обширную группу обстоятельств, соотносящихся с предшествующим текстом, составляют обстоятельства причины, а также условия и уступки, располагающиеся в инициальной позиции: **Стога, сто за ручавање обично стоји у кухињи** (2, с. 52). **Зато, не пробај дрогу** (2, с. 56).

3. В качестве анафорических элементов могут выступать дополнения.

Соотнесенность с контекстом выражается указательными местоимениями или личным местоимением третьего лица в составе дополнения: **Сем овог магнетита, у миоценским седиментима откривена су два мања конкордантана сочива магнетита** (3, с. 14). **Уместо њих, испред града се шири море светлуцавих пинија** (4, с. 44).

Наиболее часто анафорические элементы находятся в абсолютном начале предложения, что связано с особенностями позиции начала предложения. Однако и позиция конца предложения возможна для размещения в ней темы – при экспрессивном характере высказывания:

Шта је то, сама личност аутора, или обоје, или и нешто треће што је изазвало толико угледног и честитог света међу новинарима, борцима, радницима, министрима или политичарима, на негативне рецензије већ и самих фрагмената једног текста кога још нико није видео у целини? (5, с. 30).

4. В сербској пунктуационој пракци набљудаеца выделяеца неких союзов в начале предложения. Это союзы **јер, или, али, но, него, тек, само, такође, и, уз то**. Предложение с союзом в инициальной позиции представляет собой составную часть парцелированного сложносочиненного или сложноподчиненного предложения. Употребление знака препинания справа от начального союза свидетельствует о его ударности, о наличии паузы после союза, что является одним из средств выражения различных семантических оттенков частей высказывания и их соотношения.

Чаще других выделяются союзы **јер** и **али**. Обычно во втором предложении за выделенным **јер** следует ключ к пониманию предшествующей части текста. В приведенных ниже последовательностях предложений содержится загадка в одном и разгадка – в другом: **Сви су овде неког чекали, а ја сам се потајно надао да ће зора дуго трајати и да јутра неће бити. Јер, најбоље сам се осећао у зору** (7, с. 32). Такое построение высказывания позволяет придать тексту большую занимательность, чем авторы иногда злоупотребляют. Так, в следующем примере журналист создает псевдозагадку и псевдоразгадку, в действительности же оба предложения содержат сходную информацию: **Зове се Титан Арум, а иначе је највећи и најсмрдљивији цвет на свету. Јер, ово «чудо» од два метра висине и једног метра у обиму, које потиче са острва Суматре, испушта мирис од којег је људима мука** (2, с. 23).

5. Частицы – категория, обладающая некоторыми особенностями. Известно, что частицы имеют связующую функцию. Русская грамматика выделяет группу частиц-союзов. Об анафорической функции некоторых частиц в русском языке пишет Т. М. Николаева: «В **вот** присутствует не только дейктический, но и анафорико-катафорический компонент» (6, 322).

Приведем примеры выделения частиц, выполняющих прежде всего функцию связи: **Па, јесте ли се већ навикли на нашу средину?** (11, с. 34). **Е, то имаш право** (2, с. 110).

Частицы могут соотноситься не только с непосредственно предшествующим контекстом, но и со всем текстом, создавая дополнительное, теневое высказывание:

Они су само људи, шапутао сам, једноставно, нисам навикао на њихов стил, све ће се средити само од себе. Шарм ће ипак победити просечност (10, с. 18) [тенево, додатно высказывание:

когда я привыкну, все будет в порядке*]; **То је, једноставно, беснило дивљака који су изгубили наивност (2, с. 132) [**кто-то другой объясняет поведение “дикарей” более сложными причинами*]; **Помислих, чак, да су сви они дошли овамо да би умрли** (7, с. 35) [**обычно люди не приходят сюда умирать*]; **...истог трена, пак, смакох свој поглед и спустих га...** (8, с. 73) [**я не должен был опускать взгляд*].

Перечисленные в данном разделе анафорические элементы служат для создания монолитности сверхфразового единства, при этом придавая ему многогранность, динамичность, способствуя развитию мысли, объединяющей определенный сегмент текста.

Литература

- Андрић И.* Сабрана дела, књ. 1. Београд, 1963.
Базар, 29.5.1998.
Милановић Д. Краљево и његово уже гравитационо подручје. Београд, 1973.
Московљевић О. Светлости Медитерана. Нови Сад, 1972.
НИН, 20.9.1987.
Николаева Т. М. От звука к тексту. М., 2000.
Пешић С. Светло острво. Нови Сад, 1984.
Угринов П. Фасцинације. Београд, 1981.
Русская грамматика. М., 1980, т. 1.
Карор М. Ада. Београд, 1980.

А. И. Изотов (Москва)

СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПОБУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В целях ономаσιологически ориентированного описания функционально-семантической категории побуждения используется, в несколько модифицированном виде, предложенная Л. А. Бирюлиным и В. С. Храковским (опирающимися в свою очередь на принятое в теории речевых актов трехуровневое представление высказываний) модель структуры содержания побудительного высказывания, объединяющая: 1) план прескрипции (= иллокутивный акт), который включает Прескриптора, Получателя прескрипции и Исполнителя прескрипции; 2) план коммуникации (= локутивный акт), который включает Говорящего, Слушающего / Слушающих (= Получателя / Получателей прескрипции) и Лицо / Лица, не участвующее в коммуникативном акте, т. е. 3-е л. ед. / мн.ч.; 3) план каузируемого положения вещей (= пропозициональный акт), который включает некое действие Р и его Агенса (= Исполнителя прескрипции).

Дополнительно к тезису Л. А. Бирюлина и В. С. Храковского о том, что Агенсом действия (= Исполнителем прескрипции) может быть не только Слушающий, но любой из заданных участников коммуникативного акта и любая теоретически допустимая совокупность этих участников (что обосновывает расширение массива побудительных высказываний за счет включения в него высказываний типа *Пусть он (они) еще подождет (подождут)! Пойдём(те) скорей! Пойду(-ка) подгоню их!* и т. п.) выдвигается тезис о факультативности кореференции Говорящего и Прескриптора (что обосновывает рассмотрение явно побудительных высказываний, в которых Говорящий более или менее решительно дистанцируется от роли Прескриптора, беря на себя лишь посреднические функции, типа *Господин директор просит Вас немного подождать!*).

В качестве *побудительных* характеризуются высказывания, в которых Говорящий сообщает Слушающему о *необходимости* и/или *возможности* осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и/или *возможность* осуществления Агенсом данного действия может обуславливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и/или его *интересами*. Естественно, что «воздержание от действия» также является своего рода «действием»; равно как «сообщение о необходимости» или «сообщение о возможности» может значить не только «необходимость» или «возможность», но и «отсутствие необходимости» или «отсутствие возможности».

Предлагаемая модель функционально-семантической категории побуждения в современных русском и чешском языках базируется на данной формуле следующим образом:

Функционально-семантическая категория побуждения представляет собой конгломерат подкатегорий, вычленимых на основе актантной рамки предиката, при этом наиболее значимыми являются три подкатегории, выделяемые на основе следующих категориальных ситуаций: 1 – Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Слушающему / Слушающим; 2 – Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Слушающему / Слушающим + Говорящему; 3 – Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Лицу / Лицам, не участвующим в коммуникативном акте.

Каждая из трех названных подкатегорий имеет ядро, образуемое конвенционализированными в языке конструкциями, формирующими иллокутивно универсальные и иллокутивно специализированные побудительные высказывания в условиях минимального дискурсного окружения, и периферию, образуемую конструкциями, формирующими побудительные высказывания через тематизацию того или иного аспекта

содержательной структуры побудительного высказывания (через тематизацию каузируемого действия или его последствий, тематизацию возможности этого действия, его необходимости или полезности, тематизацию волеизъявления Говорящего, Слушающего или иного Лица / Лиц), при этом центр подкатегории, выделяемой на основе *категориальной ситуации 1*, совпадает с центром всей функционально-семантической категории побуждения.

Сопоставление массивов чешских и русских побудительных высказываний, извлеченных сплошной выборкой, показывает как принципиальную инвариантность структуры функционально-семантической категории побуждения в сопоставляемых языках, так и наиболее существенные особенности реализации данной категории в чешском и русском языковых пространствах, такие как большая узуальность для чешского речепотребления побуждения через тематизацию необходимости или возможности каузируемого действия и большая узуальность иллюкативно специализированного побуждения для речепотребления русского.

Семантико-прагматический анализ побудительных речевых актов в современных чешском и русском языках позволяет сгруппировать их следующим образом:

- Подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация высокой степени вероятности каузируемого действия*, которые естественным образом распадаются на три группы в зависимости от того, что именно обуславливает эту высокую вероятность: 1) условно **приказ**, 2) условно **разрешение**, 3) условно **инструкция**.

- Подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия*: условно **просьба**.

- Подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация полезности для Агенса каузируемого действия / воздерживания от действия*: условно **совет**.

- Подтипы побуждения, не маркированные ни по одному из названных выше признаков: условно **предложение**.

Современный русский язык более дробно структурирует область, маркированную по признаку *индикация высокой степени вероятности каузируемого действия, обусловленной авторитарной позицией Прескриптора* (условно **приказ**), и область, маркированную по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия* (условно **просьба**), а современный чешский язык – область, не маркированную ни по одному из названных признаков (условно **предложение**).

Л. Б. Карпенко (Самара)

**ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ РОДА В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ
(К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)**

Грамматика современных славянских языков в сопоставительном плане обнаруживает многообразие вариантов развития общеславянской языковой системы. В грамматическом оформлении имени основные различия между славянскими языками связаны с категориями падежа и определенности / неопределенности, представленными в них асимметрично и потому в большей мере привлекающих внимание исследователей. Однако единства не наблюдается и в оформлении грамматических категорий, являющихся общими для славянских языков. Сдвиг в сторону аналитизма в грамматике имени в болгарском и македонском привел к сокращению дифференцирующих свойств флексии, что отразилось не только в утрате морфологической системы падежа (и, как следствие, в потере грамматических средств выражения одушевленности), но и в ограничении роли флексии в выражении категории рода. Эта особенность привносит дополнительные оттенки в весьма пеструю картину типологии именных систем современных славянских языков. В связи с этим требует уточнения замечание Ю. С. Маслова о том, что «только в одной грамматической категории существительного – в категории рода (и даже в самом распределении существительных между родами) не наблюдается каких-либо принципиальных различий между болгарским языком и другими славянскими языками»¹.

Категория рода в славянских языках не является полностью семантически обусловленной. Семантически, отношением к полу обозначаемого лица или животного, обусловлена родовая дифференциация только у одушевленных существительных. Основанием для отнесения к тому или иному грамматическому роду у неодушевленных существительных служат морфофонематические признаки. Так, в русском языке все существительные с основой на согласный, имеющие в им. пад. ед. ч. нулевое окончание, а в род. пад. ед. ч. окончания -а/-я, относятся к мужскому роду (*вечер, тополь*). Существительные с основой на мягкий согласный с окончанием -и в род. пад. ед. ч. относятся к женскому роду (*морковь, рысь*). На фоне русского языка в болгарской грамматической системе отмечаются следующие особенности:

1. У существительных, получивших в ед. ч. общую форму с основой на согласный, в связи с историческими процессами отвердения конечных согласных основы и утраты склонения, нарушились основания

¹ Маслов Ю. С. Очерк болгарской грамматики. М., 1956. С. 44.

формальной морфолого-фонематической дифференциации по роду, что способствовало перераспределению существительных по родам. В современном болгарском языке к мужскому роду перешли слова *морков, рис* ‘рысь’, *площад, подпис, стенопис* ‘стенография’, *ръкопис* и др., а к женскому роду относятся слова *вечер* (но не в устойчивых выражениях *Добър вечер, Бъдни вечер*), *възраст, захар, пепел* и др. Некоторые имена вместе с родом изменили и окончание грамматической формы единственного числа (*есетра, топола*). Существительные женского рода с основой на согласный в основном представлены отвлеченными именами с суффиксами -ост и -ест (*вечност, вярност, гордост, дейност, личност, младост, мъдрост* и т. д.). Существительные с основой на согласный осознаются прежде всего как класс слов мужского рода. Таким образом, нашло свое проявление обобщение грамматических показателей рода. Сокращение количества имен женского рода с основой на согласный соответствует общеславянской тенденции к повышению дифференцирующей роли морфологических показателей рода, более широким проявлением которой в славянских языках является перегруппировка склонения существительных по принципу общности грамматического рода. Эта тенденция в истории болгарского языка столкнулась с более мощным грамматическим фактором – наступившим в среднеболгарский период разрушением системы склонения, приведшим не только к утрате флективных средств выражения падежа, но и к преобразованию системы морфологических средств разграничения рода. К окончаниям, ограничившим свою грамматическую роль, добавились новые показатели рода. Ими стали артикли, основная функция которых связана с выражением категории определенности. Так, при отсутствии системы падежных окончаний у существительных с однотипным (нулевым) окончанием единственного числа именно артикль выступает средством сигнализации рода: *гребен – гребенът*, но *песен-песента*; *завет – заветът*, но *пролет-пролетта*.

2. При сравнении русского и болгарского языков наблюдаются значительные расхождения в родовой принадлежности имен, являющиеся результатом разного грамматического оформления заимствований. Так, в русском языке относятся к мужскому, а в болгарском – к женскому роду слова *эллипс* (греч.) – *елипса, цикл* (греч.) – *цикла, порт* (лат.) – *порта, тент* (англ.) – *тента, рельс* (англ.) – *релса*. Ср. также относящиеся в болгарском к женскому роду французские заимствования *барьера, ботинка, дубла, литра, маневра, титра, парола, рола*, немецкие *табела, шлака, штамп* и др. Реже наблюдается обратное соотношение. Так, к мужскому роду в болгарском языке относятся существительные *бронз* (ит.), *картеч* (ит.), *детайл* (фр.), *модел* (фр.), *педал* (фр.). Изменение рода наблюдается и у заимствований, пришедших из

русского языка или через русский язык; при этом адаптация рода может сопровождаться изменением формы: *верст* – м. р.; *козирка, пирожка, рубла, селда, шинела* – ж. р. и т. п.

3. В современном болгарском языке наблюдается сужение сферы проявления семантической обусловленности рода; по отношению даже к одушевленным именам грамматический род нельзя признать полностью семантически обусловленным. В противоречие с правилом о семантической обусловленности рода у одушевленных имен вступают эмотивные производные существительные, у которых предметная отнесенность к полу остается невыраженной. Это связано с тем, что в болгарском языке имена с суффиксами уменьшительности и увеличительности относятся к среднему роду, независимо от того, обозначают ли они неодушевленные или одушевленные предметы, а в последнем случае – независимо от реального пола обозначаемого лица или животного. К среднему роду относятся все имена с экспрессивной семантикой, отмеченные специальными словообразовательными суффиксами уменьшительности (*-е, -ле, -енце, -ченце, -че, -иче*) и увеличительности (*-ище*): *брат* (м. р.) – *братче* (ср. р.) – *братченце* (ср. р.) – *братле* (ср. р.) – *братленце* (ср. р.), *момък* (м. р.) – *момче* (ср. р.) – *момченце* (ср. р.), *мъж* (м. р.) – *мъженце* (ср. р.) – *мъжище* (ср. р.), *мома* (ж. р.) – *момиче* (ср. р.) – *момиченце* (ср. р.), *девойка* (ж. р.) – *девойче* (ср. р.) и т. д. Таким образом, одно и то же лицо может быть обозначено существительными мужского и среднего рода (*адвокат* – *адвокатче, момък* – *момче*), женского и среднего рода (*девойка* – *девойче, момиче*). В силу большой употребительности эмотивных образований количество личных существительных среднего рода в болгарском языке оказывается практически неограниченным, так как к среднему роду относится масса уменьшительных производных, в том числе и от имен собственных: *Анче, Ленче, Сийче, Тинче, Цвете; Боре, Ванче, Петърче* и др. Особенно употребительны такие производные в юго-западных говорах. Употребление их в речи предполагает обязательное согласование в среднем роде определенных, выраженных формами местоимений, прилагательных, числительных, причастий, а также согласуемых компонентов сказуемого, ср.: *Та дохожда момичето до таз чешма. Дошло то до чучура, плиснало се по лицето, пило вода, па отишло настрана, приседнало и със сила забило ножа в земята* (Й. Йовков). Указанная особенность представляет весьма своеобразную черту болгарского языка по сравнению с русским языком и другими славянскими языками, где средний род, как правило, исключает одушевленность (кроме сохраняющих в некоторых славянских языках принадлежность к среднему роду общеславянских существительных основ на *-ent). В русском языке, подобно латинскому, производные имена с суффиксами оценки сохраняют род производящих

имен. Производные от слов мужского рода с суффиксами *-ишко, -ище, -ушко, -ишка, -ка, -ец* относятся к мужскому роду: *брат – братец – братишка, мужик – мужичонка – мужичище, парень – парнишка – парнище*. Производные от слов женского рода с суффиксами уменьшительности и ласкательности относятся к женскому роду: *сестра – сестрица – сестричка – сестренка*.

Итак, прямая соотносительность по роду у существительных русского и болгарского языков наблюдается не столь последовательно. Весьма часто у осваивающих болгарский язык русских учащихся возникают ошибки реинтерпретации рода по ассоциации с родным языком. Языковой интерференции способствует значительная близость словарного состава. В связи с важностью согласовательной, текстоорганизующей функции, которую выполняет категория рода, в практике преподавания она требует внимания и специальной методической стратегии.

Е. А. Карпиловская (Киев)

СЛОВАРИ ГНЕЗДОВОГО ТИПА КАК НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Необходимость в словарях, представляющих системную организацию лексикона, резко возросла в новых условиях функционирования украинского языка как языка государственного. Именно словари гнездового типа дают возможность оценить уже имеющийся языковой материал и вскрыть еще не реализованные возможности системы, установить те или иные приоритеты в реализации ее потенциала. Полезность словарей гнездового типа как для самой лингвистики, так и для практики общественной жизни не вызывает ни малейших сомнений, однако их составление сталкивается порой с непреодолимыми препятствиями. В украинистике принцип гнездования слов частично уже использовался в словарях толкового типа. Например, в толково-двуязычном «Словаре української мови» в 4-х тт. Б. И. Гринченко (Киев 1907–1909) в одной статье с отсылкой **ум.** (уменьшительное) к производящему слову представлены дериваты-деминутивы: **Син.** Ум. **Син`ок, с`инко, с`инонько, син`очок, с`инчичок** (IV, 120). Изредка в одной статье этого словаря объединены однокоренные лексемы – семантические дериваты: **М`интус** – Ломоть, кусок хлеба, полученный нищим..., вообще всякая съедобная подачка нищему; отсюда **м`интуси** – просто подачи, остатки пищи, даваемые нищим и пр. (II, 426). Объединение в гнездо композитов с общей начальной или конечной основой представлено в толковом словаре «Словник української мови» в 11 тт. (Киев 1970–1980, далее СУМ), а также в ряде словарей иностранных слов, таких, как «Словник іншомовних слів» под ред. А. С. Мельничука (Киев 1974) или «Словник іншомовних слів» С. М. Морозова и Л. М. Шкарапуты (Киев 2000).

Однако сегодня в украинистике отсутствие морфемных и словообразовательных словарей гнездового типа ощущается особенно остро. Составление именно таких словарей закладывает надежную основу для подготовки толковых словарей гнездового типа. В украинской морфемо- и дериватологии накоплен ценный арсенал сведений и процедур для решения проблем, которые неизбежно возникают при составлении подобных словарей. Это разграничение явлений диахронии и синхронии в словообразовательной и морфемной структурах слов, установление характера и направления мотивационных отношений в словообразовательном гнезде, определение его вершины либо базовой единицы, отражение морфонологических явлений в процессе деривации, полимотивации и поликорреляции и др. В 1998 г. опубликован компьютерный частотно-валентный «Словник афіксальних морфем української мови» (авторы – Н. Ф. Клименко, Е. А. Карпиловская, В. С. Карпиловский, Т. И. Недозим), составленный на материале компьютерного морфемно-словообразовательного фонда украинского языка Института языковедения им. А. А. Потемки НАН Украины. В нем представлены гнезда слов с общими приставками (первая часть словаря) либо суффиксами (вторая его часть). В процессе составления этого словаря с помощью формализованных процедур решались проблемы идентификации алломорфов, разграничения морфов-омографов, определения доминанты морфных объединений. Опыт этой работы был положен нами в основу составления корневого морфемно-словообразовательного словаря гнездового типа. Он задуман как словарь многопараметровый, представляющий возможности объединения слов с общим корнем не только в словообразовательные, но и в корневые гнезда, показывающий в целом словопорождающий потенциал корня определенной формы. Именно последний параметр – возможности и способы организации в лексиконе слов с корнем общей формы – обусловил выбор корней-омографов в качестве вершин гнезд составляемого словаря. В нем использованы три способа упорядочения слов с общим корнем: 1) только по общей форме корня (гнезда корней-омографов с возможными от них словами-омонимами); 2) по корню общей формы и семантики и его возможным алломорфам в словах, связанных отношениями мотивации (словообразовательные гнезда) и 3) по корню общей формы и семантики и его возможным алломорфам в словах, связанных отношениями корреляции (корневые гнезда).

Словник словаря составляют отдельные корни-омографы либо их объединения (пары, ряды), упорядоченные по алфавиту; объединения морфов упорядочены по форме морфа-доминанты. На соответствующем месте словника, с отсылками к основной статье словаря, представлены все морфы-члены таких объединений. Для корней иноязычного происхождения приведена этимология, позволяющая очертить стержневое

значение, общее для лексем подобных гнезд. В словнике представлены не только корни-омографы, но и их неомографичные алломорфы либо доминанты. Поскольку, по нашему убеждению, такой словник может представлять для пользователей самостоятельный интерес, а также может облегчить им поиск в словаре необходимой единицы (корня либо слова с ним), он в полном (все включенные в словарь корни), а также в сокращенном виде (только корни-омографы) помещен в словаре отдельно в качестве оглавления. На сегодняшний день полный словник насчитывает 1442 обработанных корня, сокращенный словник включает 1027 корней-омографов, объединенных в 835 групп различного объема (от 2 до 9 корней). В процессе обработки находятся еще 46 объединений. Подготовленные гнезда включают более 60 тыс. слов.

Гнезда с базовым словом без производных или соотносительных по корню лексем рассматриваем как потенциальные, или нулевые. В материалах словаря представлены также гнезда с двумя и более базовыми словами, образующие в пределах гнезда самостоятельные подгнезда. Поскольку базовые слова корневых гнезд могут иметь производные, то наряду с чисто корневыми в словаре представлены и гнезда смешанного типа – словообразовательно-корневые.

Все производные в словообразовательных гнездах распределены по ступеням деривации. В пределах словообразовательных парадигм отдельных ступеней первыми помещены суффиксальные дериваты, за ними префиксальные, композиты и юкстапозиты. В двух последних типах слов особо отмечены серийные компоненты, включающие корень-омограф, ср.: *nis-0* в словах *лом-и-н`ic*, *гостр-о-н`ic*, *довз-о-н`ic*, *дуб-о-н`ic* и др. При подаче слов в гнездах отражена их словообразовательная (для дериватов) или морфемная (для непроизводных слов с членимыми основами) структура, морфонологическое варьирование корня – вершины гнезда при деривации, характер семантических связей между дериватами (прямая либо ассоциативная мотивация). Все ассоциативные дериваты приведены с краткими пояснениями их семантики, демонстрирующими направление метафоризации либо специализации значения базового слова гнезда, напр.: в гнезде с вершиной *гол-* и базовым словом *г`ол(ий)* ассоциативную семантическую связь с последним обнаружили дериваты *г`ол`ик* ‘пожарище’, *гол-ен(я)* ‘птенец без перьев’, *гол-ин(я)* ‘открытое поле’, *гол-`иц(я)* ‘облезлый мех’ и др. Омонимы – члены одного гнезда представлены с пояснениями к их значению, омонимы, принадлежащие к разным гнездам, даны с отсылками к соответствующим гнездам.

Размещение лексем с омографичными корнями в составе словообразовательных и корневых гнезд делает наглядным механизм их порождения и функционирования в современном украинском языке, вскрывает параметры и регуляторы их организации в лексиконе.

И. Г. Климов (Минск)

**К ПРОИСХОЖДЕНИЮ СОСТАВНОЙ ХОРОНИМИКИ РУСИ
(БЕЛАЯ, ЧЕРНАЯ, КРАСНАЯ, ВЕЛИКАЯ, МАЛАЯ РУСЬ)**

0. Происхождение региональных названий восточнославянских территорий (Руси) остается спорным вопросом, решение которого имеет не только научное, но и политическое значение. Существует ряд объяснений различной степени оригинальности, принятие которых зависит скорее от идейной позиции исследователя, его политических пристрастий, а не от убедительности самой гипотезы. Соответственно данный доклад имеет своей целью лишь познакомить московскую аудиторию с новейшими этимологическими изысканиями по восточнославянской хоронимике, которые ведутся в Беларуси.

1. Встречаемое в разных исследованиях утверждение, будто цветообозначения различных частей Руси присутствует уже в Киевскую эпоху, в древнерусских летописях (вариант: отмечено поздно, но, несомненно, существовало намного раньше), следует признать мифом либо заблуждением. Рассмотрение соответствующих источников показывает, что речь во всех таких случаях идет о кодексах позднего происхождения, XVI–XVII вв., куда подобные номинации могли проникнуть благодаря осведомленности их переписчиков.

Единственное исключение может быть сделано, пожалуй, для Червоной / Червенской Руси, известной с XI в. Так в древнерусском летописании иногда называлась местность вокруг г. Червеня на рубеже Волыни и Польши. Однако только позднее латинские, польские, белорусские и украинские авторы «перевели» эту название как Красная (Rubra) Русь и прочно связали эту территорию с Галицией (и Волынью), либо – шире – с Западной Украиной.

2. Колористические названия различных частей Руси имеют экзогlossное происхождение и были привнесены в восточнославянскую книжность из книжности западноевропейской. Возникновение таких названий носило там довольно случайный характер (средневековая география и наука вообще была склонна к фантастике), хотя оно и может быть возведено к тем или иным представлениям еще античных авторов. Долгое время у западных авторов эти названия не были привязаны ни к какой определенной местности и «блуждали» по тем или иным регионам Восточной Европы, сведения о которой были на Западе довольно приблизительны. Западные ученые помнили лишь, что «где-то там» должна быть та или иная Rut(h)enia либо Russia и локализовали ее в соответствии со своей компетенцией.

В западных трудах и географических картах к XVI в. постепенно утвердилось подразделение восточнославянских земель на Белую, Чер-

ную и Красную Русь (к этой классификации также добавлялось их разделение на Великую и Малую Русь), но только Красная Русь имела устойчивую привязку к Галиции (либо к Западной Украине вообще). Белую и Черную Русь относили то к Московии, то к Великому Княжеству Литовскому (ВКЛ), то к пограничью между ними, или (изредка) локализовали в одной из этих держав, связывая данные названия либо со всем государством, либо, чаще, только с определенным его регионом. Если Черная Русь локализовалась в ВКЛ / Речи Посполитой, то она нередко отождествлялась с Красной Русью.

3. Только постепенно, в основном XVI в., начинается процесс рецепции этой терминологии восточнославянскими авторами. Первоначально через посредство поляков ознакомились с ней белорусские и украинские книжники и администраторы, а от них эта терминология была усвоена и в Московии. Однако на первых порах свидетельства восточнославянских авторов, даже относящиеся к одному региону и одной эпохе, довольно противоречивы и повторяют путаницу западных авторов. Поэтому все попытки анализа того или иного источника остаются (и, можно смело утверждать, навсегда останутся) малопродуктивными.

Некоторым исследователям кажется, будто эта путаница обусловлена исключительно «превратностью» современного восприятия: достаточно только как следует разобраться в тогдашнем употреблении, вникнуть в контекст, сопоставить сведения разных источников – и истинное местоположение той или иной Руси выявится со своей очевидностью. Однако это не более чем иллюзия. Устойчивой связи между цветом и географическим / этническим ареалом изначально не существовало. Такая связь устанавливалась шаг за шагом под влиянием книжной традиции.

4. Постепенно в западной, а под ее влиянием и в славянской науке происходит этимологизация слов *белый*, *черный*, *красный* (при этом, однако, особого интереса к объяснению этих названий не наблюдается). Их начинают связывать с географическими особенностями (белый снег, плодородная черноземная или красная глинистая почвы и т. п.), с теми или иными свойствами населения (красивый либо добрый или, наоборот, враждебный чужакам народ и т. п.), его политического или конфессионального положения (вольный, независимый либо великий, могущественный народ, древний либо исконный по вере и т. п.), цветом его одежды, кожи, глаз или волос. Выбор того или иного объяснения зависел, видимо, от фантазии интерпретатора, а широта распространения – от степени его авторитетности.

Объяснения современных исследователей ненамного отличаются от этих версий. Впрочем, иначе не могло и быть: все современные этимологизации «разноцветной» хоронимики Руси неизбежно сводятся к

повтору существовавших в средневековой литературе толкований. Несколькими иной подход предполагает азиатское воздействие. Речь идет об интересной гипотезе, высказанной в 1953 г. немецким историком Людатом и развитой в 1980 г. российским лингвистом Ивановым, которые связали цветовые характеристики Руси с тюркским влиянием. Эта гипотеза могла бы быть признана убедительной, если бы не доказанный факт западного происхождения «разноцветной» терминологии и полное отсутствие ее отражения в диалектной речи и фольклорном сознании (ибо в славянскую ученую литературу тюркская система могла проникнуть только через народное употребление).

5. Более или менее устойчивое закрепление цветов за там или иным регионом произошло только тогда, когда колористическая терминология из книжного употребления попала в канцелярскую практику и дипломатическую переписку восточнославянских народов. Книжное употребление воздействовало на сознание славянских правителей, их советников и чиновников, церковников, дипломатов, канцеляристов. Именно канцелярско-дипломатическая практика (довольно позднего времени, XVII в.) закрепила за определенными частями Руси «разноцветные» номинации. По прихоти истории за нынешними белорусскими землями утвердилось к XVIII в. название Белой Руси, а названия Черной и Красной Руси не были востребованы и постепенно ушли в небытие.

6. Такое же книжное происхождение демонстрируют и разделение Руси на Великую и Малую. Это разделение восходит к византийской ученой традиции, которая унаследовала античную греческую, перенесенную и на латинскую почву. Согласно этой традиции, новую, осваиваемую и колонизируемую территорию называли Великой, а область, откуда исходило освоение и колонизация (метрополию) либо сохраняли под прежним названием, либо присоединяли к ней определенную Малую. На это книжное происхождение наименований Великая и Малая Русь было указано российским византинистом Соловьевым в 1947 г.

С точки зрения государственной и церковной именно Южная Русь со столицей в Киеве могла выступать в качестве метрополии по отношению ко всей остальной Руси. Во всяком случае именно так её воспринимали средневековые книжники. Именно в этом смысле термин Малая Русь возникает (около XIV в.) первоначально в византийской и латинской письменности, и только позднее он проникает в славянскую. По причине более активного владения классическими языками в ВКЛ / Речи Посполитой терминология Великая – Малая Русь широко использовалась белорусскими и украинскими авторами, и благодаря им она постепенно закрепилась в Московии.

7. Как явствует из вышеизложенного, восточнославянское пространство получило экзоглоссную номинацию некоторых своих частей,

причем ее источником (видимо, не первоначальным) выступает западноевропейская ученость. Эта номинация не отражала никакого местного бытования соответствующих терминов – они утвердились позднее, под влиянием чисто книжного употребления. Западные европейцы при помощи такой терминологии пытались упорядочить малоизвестные им огромные пространства Восточной Славии. История же закрепила их на долгое время, в некоторых случаях, по-видимому, навсегда.

Н. Н. Клочко (Рига)

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОФИЛИ СЛАВЯНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ

Формулы славянских политических логосфер детерминированы совокупностью факторов социального, психологического и культурного характера. В своих семантических и прагматических компонентах политический дискурс отражает исторически и этнически обусловленные оценки, модели сравнения, виды воздействия и привлечения внимания, фиксирует стереотипы коллективного сознания, актуализирует специфические экспрессивные концепты.

К нечетким динамичным структурам, задающим качественные параметры политической логосферы, относятся эмоции. Межъязыковые данные показывают, что в разных, даже близкородственных, культурах способы актуализации, области доминирования и интенсивность проявления эмоций могут не совпадать, что согласуется с мнением о существовании значительных этнических различий в плане переживания эмоций (А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз, А. Вежбицкая, Л. Ферм и др.).

Определение степени несовпадения эмоциональных контуров, характера и причин фенотипической дисперсии славянских политических логосфер является целью доклада.

Объектом нашего исследования стали политические дискурсы на русском, чешском, сербском и хорватском языках, объединенные общностью элементов концептуальной картины мира.

Политические концепты – сформированные и формирующиеся в коллективном сознании аксиологически маркированные образы материального или идеального объекта, связанные с соответствующим языковым знаком, – характеризуются высшей степенью семантической и эмоциональной подвижности, спонтанности и одновременно отражают тот уровень коллективного сознания, который неотделим от латентных привычек мышления, социального и исторического опыта этносов (ср. концепты *демократия, война и мир, новая Европа, потскокоммунистическое самоопределение* и др.).

Очевидно, что эмоциональные состояния, индуцируемые при восприятии политических концептов, являются результатом их когнитивной обработки. Специфика отношения к происходящему во многом обусловлена степенью витальности ситуации. Наиболее мощно на трагическую витальность действительности, как показал исследованный материал, отзываются сербский и русский политический дискурсы, экспрессивность которых возведена в конструктивный принцип. Им с полным правом может быть присвоен индекс эмоционально «горячих» дискурсов.

Интенсивность эмоций в русских и сербских mass media «провоцирует» устойчивые поведенческие реакции: на уровне иллокуции (по классификации Дж. Остина) доминируют вердиктивы – речевые акты вынесения приговора, категорической оценки, экзерситивы – предупреждения-угрозы, пропаганда в пользу или против какого-либо образа действий.

Эмоциональный профиль хорватской и особенно чешской прессы характеризуется не столь резкими чертами, а амплитуда эмоций в них намного скромнее. Иллокутивный фон хорватского и чешского политических дискурсов создается комиссивами (речевыми актами обязательств правительства), экспозитивами – речевыми актами, предполагающими «развитие точки зрения, изложение аргументов, а также прояснение употреблений и референций» [Остин 1999, с. 132].

Представляется, что отличие в способах лексикализации эмоций в противопоставленных, «горячих» и «холодных», дискурсах определяется различиями в риторических традициях православия и католичества.

Усвоение риторической традиции и следование ей детерминирует эмоциональные профили дискурсов, обнаруживая расхождения не только на семантическом уровне, но и в типологии оформления эмоций: свободном и иллокутивно насыщенном в русском и сербском и типизированном и иллокутивно обедненном в чешском и хорватском дискурсах.

Дальнейшее изучение материала в аспектах ratio и emotio открывает путь к исследованию структур современного славянского коллективного сознания и позволяет делать обобщения на уровне этнофилологических проблем.

Г. Ф. Ковалев (Воронеж)

К ЗНАЧЕНИЮ СЛАВЯНСКОГО НАИМЕНОВАНИЯ СОЗВЕЗДИЯ ПЛЕЯДЫ

Созвездие *Плеяды*, состоящее из шести хорошо видимых и одной слабо видимой звезд, в русском языке чаще всего называется родным словом *Столжары*. Великий знаток русской природы, особенно Черноземья, И. А. Бунин так определил внешний вид Плеяд: «5 октября. ... Вызвездило. Я стоял на последней ступеньке своего крыльца – как раз против ме-

ня был (над садом) Юпитер, на его левом плече Телец с огоньком Альдебарана, высоко над Тельцом гнездо бриллиантовое – Плеяды» (Бунин 1990, с. 43). Интересно, что в русских говорах существует название Плеяд в вариантах *Гнездо*, *Утиное Гнездо* и т. п.

Популяризатор астрономии М. М. Дагаев полагает, что название *Стожары* «означает "множество огней" (сто – много; жар – огонь)» (Дагаев 1983, с. 39). Конечно, это типичнейший образец так называемой народной этимологии. В. В. Иванов и В. Н. Топоров без каких-либо ссылок на источники производят *Стожары* от *Волостожары* (Иванов, Топоров 1973, с. 52). Правильное понимание этого названия обнаруживается в словаре В. И. Даля, согласно которому, оно обозначает шести вокруг (или внутри) *стога* сена, воткнутые для укрепления или ограждения (Даль 1903, с. 539). Польский языковед и этнограф К. Мошиньский попытался объяснить название *Волостожары* перенесением этого названия с названия Полярной звезды: «Ввиду того, что в некоторых местах России народ и по сей день ... называет ее (Полярную звезду – Г. К.) *стожаром*, понимая это как шест, вокруг которого ходит вол, возникает вопрос: не носила ли она когда-то название *volostožarь* 'столб для привязи волов' и не это ли название, изменив семантику, дало начало многочисленным вариантам одного из древних имен Плеяд (рус. *волосожар*, *стожары*, болг. *стожари* и т. д.)» (Moszyński 1934, s. 20-21). Данное созвездие играло существенную роль для определения времени в ночные часы. Некоторые ученые даже полагают, что это основное созвездие в славянской народной астрономической системе (Moszyński 1934, s. 29; Рут 1974, с. 51).

М. Э. Рут связывает это название с именем языческого бога *Велеса* (Рут 1971, с. 154-155). Она полагает, что «первоначальная форма была *волосостожары=*велесостожары=*власостожары, т. е. "Волосовы стожары", "стожары Волоса", с последующим упрощением ВОЛОСОЖАРЫ, ВОСОЖАРЫ и т.п.» (Рут 1987, с. 41). Это положение она подкрепляет мнением Н. Янковича (*влашићи* 'внуки Волоса') и А. П. Кристенко (*Волосыни* 'богини, дочери Волоса') (Рут 1987, с. 40).

В народных говорах русского языка насчитывается около 40 названий этого созвездия. В воронежских говорах *Стожары* называются по-разному: иногда *Стожары* (*Я дю'жа люблю' эту сазве'здию* – *Стажа'ры*, с. Красное, Таловский р-н), но гораздо чаще *Висожа'ры*, *Восожа'ры*, *Высожа'рь* и *Волосожа'ры*. Так, в с. Копанице Острогожского р-на употребляют название *Висожа'ры*. Там по этому созвездию определяли время ночи: *Уш Висажа'ры видны* (то же в хут. Яблочном Лискинского р-на). В с. Нижнее Турово Нижнедевицкого р-на оно уже называется *Восожа'ры*: *Васажа'ры в раз'ных мяста'х бува'ють*. В с. Ростоши Эртильского р-на разные информанты дали разные примеры:

Висожары (Висажары – ани высако' гаря'ть) и Восожары (Мно'га звёздъв на заре – ет Висажары). В с. Русская Буйловка Павловского р-на вариантность названия касается лишь категории числа – *Висожар* и *Висожары*: *Висажар – сазве'здя в ви'ди а'липса, а на ём мно'га звёздачик; Как Висажары взайдут' с ве'чира, так уза'вртра буд'я я'сная паго'да.* А в с. Верхняя Хава название это стало настолько популярным, что им величают высокого человека: *Ну и сын у ей – вяли'к, как Висажар.*

Жители украинских районов области в своей речи почти не употребляют укр. *зірка* (ср. *Зірки' скри'лись за хма'рами, потимні'ло* – Ближняя Полубянка, Острогжский р-н), чаще русск. *звезда*. В тех районах области, где русский язык перемежается с украинским, обычно встречается название *Волосожары*: *Стажа'ры завут'ца у нас Валасажа'рами* (Ближняя Полубянка, Острогжский р-н). В с. Селявном Лискинского р-на это название звучит уже как *Волосожарь: Волосожарь – ку'ча звiзд, усхо'де ві'сром*, а в с. Петровка Павловского р-на было дано такое разъяснение: *Семь звёзд у ку'чи – то і Волосожарь*. Такое же название принято для *Плеяд/Стожар* и на Украине (Українське народознавство 1994, с. 174). Правда, как полагал знаток украинской этнографии Г. А. Булашев, под названием *Волосожар* могут пониматься не Плеяды, а *Волосы Вероники (Волосся Вероніки)* (Булашев 1993, с. 250).

Название *Волосожары* можно пояснить таким образом: когда сено вынута из стога, то оставшиеся шести-стожары, особенно издавека, напоминают волосы. Тем более, что в русских говорах есть специфическое значение слова *волосы* – 'волосы солнца' (Словарь русских народных говоров 1970, с. 57), т. е. 'лучи солнца'. Поэтому, видимо, Афанасий Никитин называл в «Хожении за три моря» созвездие Плеяд *Волосынями: Во Инден же бесерменьской, в великом Бедеге, смотрилъ есми на Ве_лнкю_ночь на Великий же день – волосыны да кола в зорю во_шьли, а лось головою стоит на ... восток*" (Никитин 1958, с. 23). Название *Волосыни* зафиксировано и в опубликованной польскими учеными рукописи XVI в. «Русско-немецкий разговорник Томаса Шрове» в форме *wolowmý* с пояснением: *das Siebengestirn*, т. е. семь звезд (Ein Russisch Buch 1992, S. 68). В словаре И. И. Срезневского приводится древнерусский (или, скорее, церковнославянский) эквивалент этого названия, бытовавший в XII в.: *вльцвласожелецъ* (Срезневский 1893, с. 270).

М. Э. Рут связывает это название с именем языческого бога *Велеса* (Рут 1971, с. 154-155). Украинские авторы популярного словаря славянской мифологии также соотносят название Плеяд с Велесом / Волосом: «Волосыни – в мифологии славян образ созвездия Плеяд. Более позднее название: Волосожар, Стожары, Власожелы, Бабы. ... Волосыни – жены бога Волоса, покровителя скотоводства» (Кононенко 1993, с. 41). Еще раньше Д. О. Святский объяснял это название следующим

образом: «"Волосожары", т. е. жаркие (яркие) звезды Волоса или "Волоса-ярки", т. е. ярки (овцы) Волоса, около которых он бывает каждый месяц, а иногда и "покрывает" их" (Святский 1961, с. 88). Он же далее пишет: «В Черногории Плеяды носят подобное же название "влашичи" – пастушьи, велесовы звезды, что в народной поэзии западных славян соответствует нашему более определенному названию Волосожары. Таким образом, в свете первичных наблюдений звездного неба объясняется целая поэтическая страница славянского фольклора, внося вместе с тем еще одну любопытную черту в историю культа Велеса – лунного бога языческой Руси и, вероятно, всех славян: Влашичи, Волосыни или Волосожары оказываются излюбленными звездами Велеса" (Святский 1961, с. 88-89). Данный вывод был сделан Д. О. Святским на основании того, что «в соединении с Плеядами Луна бывает каждый месяц, а иногда *покрывает* эту группу или некоторые из ее звезд; это явление *покрытия* в особенности могло приковать к себе воображение "велесовых внуков" и быть воспето в их поэзии» (Святский 1961, с. 88).

Однако югославский лингвист Т. Маретич, проанализировав название *Vlašići/Vlasići* в различных говорах Сербии и сопоставив его со словенскими и лужицкими названиями, пришел к выводу, что название это в равной степени могло происходить и от *Vlah*, и от *vlasī*, но никак не от *Велеса / Волоса* (Maretić 1882, с. 170-172).

Таким же образом, исходя из культа Волоса, через его соотнесенность с Родом и рожаницами, склонен трактовать астроним *Волосыни* и Б. А. Успенский. Именно этой соотнесенностью он объясняет, «почему в средневековых русских астрологических памятниках семь планет, оказывающих влияние на судьбу людей, называются *рожаницами*. Это название следует сопоставить с др.-русс. *волосыни* как названием Плеяд (у Афанасия Никитина и в разговорнике Т. Фенне 1607 г.), ср. болг. *влаците* 'Орион', *власците* 'Орион, Плеяды' и т. п.» (Успенский 1982, с. 148). Однако, не умаляя достоинств красивой гипотезы Д. О. Святского и интересных сопоставлений Б. А. Успенского, мы все же не можем считать вполне доказанной связь названия *Волосожары / Волосыни* с именем славянского языческого бога *Велеса*. Нужно исходить из действительности: визуально скопление звезд в Плеядах отчетливо напоминает шапку ярко светящихся *волос*.

С принятием славянами христианства первичное значение названия Волосыни, Волосожары было табуировано, а потом и окончательно затемнилось и деэтимологизировалось.

Литература

Булашев Г. О. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях: Космогонічні українські народні погляди та вірування. Київ, 1993.

- Бунин И. А.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990.
- Дагаев М. М.* Наблюдения звездного неба. М., 1983.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1903, т. 1.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* К проблеме достоверности поздних вторичных источников в связи с исследованиями в области мифологии (данные о Велесе в традициях Северной Руси и вопросы критики письменных текстов) // Уч. зап. Тартуского ун-та, 1973, вып. 308.
- Никитин А.* Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472 гг. М.-Л., 1958.
- Рут М. Э.* О происхождении русского названия Волосожары (Плеяды) // Уч. зап. Уральского ГУ, 1971, № 114.
- Рут М. Э.* Русская народная астронимия. Свердловск, 1987.
- Святский Д. О.* Очерки истории астронимии в Древней Руси. Ч. 1 // Историко-астронимические исследования. М., 1961, вып. VII.
- Словарь русских народных говоров.* Л., 1970, вып. 5.
- Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893, т. 1.
- Українське народознавство.* Львів, 1994.
- Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- "Ein Russisch Buch" Thomasa Schrouego. Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI w. Część 1. Wstęp. Fotokopie. Kraków, 1992 (часть Fotokopie).
- Maretić T.* Studije iz pučkoga vjeronanja i pričanja u Hrvata i Srbâ // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, Zagreb, 1882, knj. 60.
- Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Kraków, 1934, cz. II, z. 1.

Н. С. Ковалев (Волгоград)

**СЕМАНТИКА ОЦЕНКИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЕРБСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Изменения в лингвистической парадигме, ставшие фактом современной науки о языке, затронули многие ее области. Следует сказать, что наметившийся поворот к антропоцентрическому осмыслению явлений языка как нельзя лучше соответствует интересам славистики, поскольку сам характер исследуемого в ней материала обуславливает внимание к лингвокультурным корреляциям. Раскрыть их содержание удавалось и раньше, но не в таком объеме, как это требуется при лингвокультурологическом подходе к языкам. Поиски новых решений ведутся лингвистами в различных направлениях, и слависты уже используют общетеоретические разработки одного из них – концептологиче-

ского аспекта значений единиц языка (Ю. С. Степанов, Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова и др.).

В связи с этим отметим перспективность исследования семантики оценки как фрагмента языковой семантики, выделяемого по признаку принадлежности ее компонентов к ценностной картине мира носителей языка. Выявляя в последней концепты, исследователи единодушно признают наличие в их структурах сем оценки, характер которых рассматривается как показатель степени абстрагированности и прототипичности концептов. Лексика современных славянских языков содержит важную информацию о концептах различных хронологических срезов, и путем «снятия» одного за другим наслоений сем оценки, на наш взгляд, можно приблизиться к первичным, общим для древних славян семантическим элементам на шкале ценностных признаков «положительно» – «отрицательно». Необходимость информации подобного рода продиктована актуальностью проблемы соотносительности универсальных и этнокультурных концептов, ее значимостью для описания семантических систем отдельных славянских языков, а также ее практической применимостью при определении различий между славянскими языками в наборах ценностных компонентов и в средствах их реализации.

Продуктивным способом исследования семантики оценки представляется комплекс приемов, включающий элементы сравнительно-исторического метода и построение концептологических моделей с последующей их проекцией на отдельные хронологические срезы языковой семантики. Для анализа был взят фрагмент лексики сербского и русского языков, используемой в текстах для реализации оценочных концептов 'свой' и 'чужой' и отмеченной в этих значениях в словарях.

Концептуальный статус праславянского притяжательного местоимения **svojь* и прилагательного **t(j)udjь* у исследователей (словарь Ю. С. Степанова и другие работы) не вызывает сомнений. Еще А. Мейе писал об особой семантической связи этих слов, вызвавшей морфологические изменения в основе прилагательного **t(j)udjь*: в склонении оно подверглась влиянию местоимения **svojь* и других (с конечным **-jь*), которым оно часто противопоставляется (**свои** 'принадлежащий себе', **штюждь** 'принадлежащий другому') (Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 355). Оценочно-квалификативное содержание этих слов складывалось в условиях доминирования архаических представлений о «своем» и «чужом». Основной для данных слов, как можно предположить, была позиция предиката, в которой противопоставление двух признаков в плане оценки («положительно» – «отрицательно») проявляется наиболее отчетливо и за счет этого происходит концептуализация области применения каждого из слов, а также синонимических рядов.

Так, сербские глаголы *освојити*, *присвојити*, *посвојити* (рус. *освоить*, *присвоить*) указывают на расширение значения 'свой' в производных словах при актуализации в позиции предиката семы положительной оценки: 'захватить, овладеть' → 'сделать своим' → 'породниться' → 'усыновить'. В семантике сербского языка к результатам расширения области концептуализации относится образование глаголов со значением 'назвать некровным родственником' (имплицитный компонент положительной оценки), напр., в языке юнацких песен: *побратити*, *побратимити* 'побрататься'; *посестрити*, *посестримити* 'сделать названной сестрой'; *посинити*, *посвојити* 'усыновить' и др. Продуктивность этого процесса подтверждается и результатами номинации по родству при образовании имен от основы местоимения **svoјь* в первоначальном положительно-оценочном значении 'подобный всем другим членам данного рода', противопоставленном в плане оценки значению прилагательного **t(j)udјь* 'не имеющий своего рода; раб': серб. *својта* 'родня', *својтљив* 'любящий свою родню', *својак*, *сват*. Сема положительной оценки в полной мере реализовалась и при формировании лексико-грамматического значения сербского наречия *својски* 'как следует, замечательно, здорово' (без сомнения, занимавшего позицию предиката в высказываниях о норме социума); ср. рус. (Даль): *свойский* 'свой, собственный', *по-својски* 'по местным обычаям', *својчатый* 'ласковый'; в современной русской речи при выражении осуждения: *Ты сделал это не по-својски*.

Абстрагированность значения исходного местоимения **svoјь* (< и.-е. **sewos*, **swos*) со значением 'принадлежащий роду, собственный' обусловлена, по мнению О. Семереньи, общественным строем большой семьи, не знавшей личной собственности на предметы (Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980, с. 236). Оценочный потенциал концепта 'принадлежность к своему роду' отражается в семантике всех слов, образованных от и.-е. основы **s(w/u)-*, в частности, праслав. **o-s(u)-ob-ь*, серб. *особа*, *особан* 'личный', *особник* 'личная собственность в семейной задруге'. О более позднем характере оценки в значениях этих слов говорит и семантика имен, фиксирующих факт независимости лица от рода: серб. *слобода*, рус. *свобода*, *слобода* (от **svoјь* → **svo-bь*; первоначально 'поселение свободных земледельцев', напр., в Лаврентьевской летописи под 1264-65 гг.).

Процедура анализа, далее, включает в себя следующие этапы: 1) определение расширений семантического объема концепта 'свой' (в оппозиции с 'чужой') при реализации оценочных смыслов а) 'своя часть места (пространства)', б) 'своя часть времени', в) 'свое слово, свой язык' (ср. серб. *мајчин језик*), г) 'свое знание'; 2) выявление трансформаций архаических и этнокультурных концептов, рассмотренных на первом

этапе, под воздействием новой универсальной оценочной структуры 'Бог, Благо' – 'Зло' (на примере концептов 'счастье' – 'несчастье'); 3) сопоставление текстов сербских юнацких песен и русских былин с целью определить сходства и различия в системообразующих функциях оценочных концептов (универсальных и этнокультурных).

Полученные в итоге результаты анализа свидетельствуют, что в процессе эволюции славянской лексики данных групп в семантическую зону концептов 'свой' – 'чужой' в сербских и русских текстах попадают не только синонимы, но и все множество равноуровневых средств языка, способных в предикативной и атрибутивной позициях выражать первичное и новые оценочные значения. Не последняя роль в этом процессе концептуализации принадлежит экстралингвистическим факторам, которыми на всем протяжении истории сербов и русских (в чем убеждают и события наших дней) актуализируется оценочный потенциал оппозиции 'свой' – 'чужой'.

В. Г. Кульпина (Москва)

СООТНОШЕНИЕ ЭТНОПОЭТИЧЕСКОЙ СОЗЕРЦАТЕЛЬНОСТИ И НАУЧНОЙ КОГНИЦИИ В ЦВЕТОНОМИНАЦИИ СВЕТИЛ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Солнце всегда притягивало к себе воображение человека, а его живописные и вербальные образы живут в языках и культурах в многочисленных вариациях. Издревле интересуют и волнуют человека также ночные светила. Интересно, что солнечный и звездный свет в нашем сознании часто мультиплицируется в разнообразнейших цветовых версиях, порождая бесчисленные цветовые метафоры.

Цветообозначение солнца. Имеющийся материал позволяет выделить между польским и русским языками многочисленные параллели. Так, солнце и его лучи в польском и русском языках нередко описываются как золотые и предстают в метафорически-персонифицированном виде. Напр., у М. Конопницкой солнце подмигивает своими золотыми глазами: *Słoneczko uśmiechnięte / mruży ... złote oczy* (Wiersze 231). В обоих языках ему присущи также желтый и белый цвета, нередко служащие его персонификации. Ср. образ солнца у Марии Павликовской-Ясножевской: *Niech żółte słońce gorącą ręką oczy mi przesłoni* (Pawl.-Jasn. 7) 'Пусть желтое солнце горячей рукой глаза мне заслонит', а также у Цветаевой: *Белое солнце и низкие, низкие тучи...* (Цветаева 290). В обоих языках фольклорный образ солнца имеет красную окраску. Ср. у Лермонтова: *Не сияет на небе солнце красное, / Не любятся им тучки синие...* (Лермонтов 81). Ср. в польской песне: *Już zachodzi czerwone słoneczko* (Walka 34) 'Уже заходит красное солнышко'.

Однако, несмотря на многочисленные схождения, могут проявляться и различия. Одно из них – это зафиксированный в ряде поэтических произведений голубой цвет солнца в русском языке и отсутствие такого цветообозначения в польском языке. Ср., напр.: *Когда над Камой солнце молодое ... виделось приветно-голубое...* (Мал. 78). Употребление наименований голубого / синего цвета в отношении природных объектов в русском языке широко распространено. Восходы и закаты солнца дают нам яркую, эмоционально насыщенную цветовую картину, часто осмысливаемую в метафорическом плане. Ср. у Есенина: *Там, где капустаны грядки / Красной водой поливает восход, / Гаснут красные крылья заката* (Есенин 20). В случае, если повествователь хочет вложить в свое описание особо романтические и светлые чувства, в русском языке выступает алый цвет. В польских описаниях утренней и вечерней зари исключительно частотен пурпурный цвет, выражающийся двумя лексемами: *purpurowy* и *szkarłatny*. Ср. у Б. Лесьмяна: *Czub chatupy aż dymi z zachodu purpurą* (*Ze struny* 63) ‘Верх хаты просто дымится с запада пурпуром’. Наряду с цветами красной цветовой гаммы в обоих рассматриваемых языках частотны золотой / золотистый цвета, а также многоцветные полотна. Нередки сравнения с артефактами: *Ярче розовой рубахи / Зори вешие горят* (Есенин 42-43). Исключительно частотны метафоры огня, пожара – «закат догорает», «заря вспыхивает»... Ср. у Бунина: *Но вот закат разлил свой пышный пламень* (Бунин 14), а также у Л. Стаффа: *Już chciałem zamknąć dzień na klucz ... Aż tu za oknem wściekła zorza, budząca radość i przestrach, / Rozbłysła niczym pożar, / Wybuchła jak orkiestra...* (*Ze struny* 45) ‘Я уже хотел закрыть день на ключ ... И вдруг за окном бешеная заря, вызывающая радость и страх, вспыхнула, словно пожар, взорвалась, как оркестр...’. Способностью гореть нередко наделяется восток: ср. у Пушкина: *Горит восток зарею новой*. В русском языке восток может голубеть, напр., у Ахматовой: **Я простился. Восток голубел** (Ахматова 47).

Цветообозначение луны и месяца в русском языке различается, потому что здесь это разные сущности. При этом цветообозначение месяца более функционально нагружено. Месяц может быть золотым, серебряным, алым, а может (см. ниже) «выалеть» и приобрести вполне человеческую эмоцию – стыдливость. Ср.: *Месяц выалел стыдливый. Вдох таинственный...* (Смертина 21). На заре он может быть багровым, такой месяц тревожит, предвещая недоброе. Таков месяц у Данилевского при описании пожара в Москве во время войны 1812 г.: *«Странный багровый месяц освещал вершины обгорелых лип и берез...»* (Данил. 131). Желтый месяц столь же «антипатичен». Ср. *Посмотри: во мгле сырой / Месяц, словно желтый ворон, / Кружит, вьется над землей* (Есенин 210). Облик кружащего ворона в русском фольклоре хорошего не предвещает. Луна же в

русском языке чаще всего белая, сообщаемые ее обликом эмоции разнообразны и варьируют в диапазоне от веселья до грусти. Ср. пример «веселой» луны у Лермонтова: *Посреди небесных тел / Лик луны туманный; / Как он кругл и как он бел! / Точно блин с сметаной...* (Лермонтов 34). Бледная луна в русском языке, как правило, грустит. В русском языке луна бывает голубой, но может обладать лишь голубоватым блеском. Ср.: *Тюль гардин сквозит в голубоватом лунном блеске* (Бунин 28). Такое цветообозначение луны положительно маркировано.

В польском языке лексема *księżyc* покрывает значение русских лексем *луна* и *месяц*. Лексема *nów* по сравнению с русской лексемой *месяц* обладает более узким значением ‘новый месяц’ и, как правило, не наделяется цветом (будучи специализирована на выражении значений иного порядка). В польском языке луна чаще всего получает цветоопределение ‘золотая’.

Цветообозначение звезд. В «Словаре эпитетов русского литературного языка» цветосветовые определения звезд многообразны: белая, жемчужная, бледная; золотая; зеленая, изумрудная; голубая, синяя; алмазная, лучистая, серебристая, сияющая, яркая, ясная (Горбач., Хабло 161). При этом самые любимые звезды в русском языке – синие и алые. Ср.: *Ты в юности моей блистала / Пылинкой синего огня* (Грибачев 48); *Из проем-окна / Мне звезда ала / Так поведала...* (Смертина 47).

В польском языке звезды могут быть белые, синие, золотые, серебряные, желтые... Ср.: *białe gwiazdy* (o jasnym świetle) (SFJP I. 99) ‘белые звезды (со светлым светом)’; *Nad jeziorem gwiazd modrych kilkoro...* (Gałcz. 236) ‘Над озером несколько синих звезд’; *Świat [...] błyszczy jak złotych / gwiazd pełna tacka* (Jasn. 29) ‘Мир [...] блестит, как полный подносик золотых звезд’; *Wysoko w górze gwiazdami srebrnymi / Rozkwita w niebios najświętszym lazurze* (Ze struny 32) ‘Высоко вверху серебряными звездами расцветает в небес святейшей лазури’. Золотой цвет звезд в польском языке, по-видимому, самый главный, он является источником изысканных сравнений и метафор: *Są prawdą jego sny, / że planety wokół słońca / krążą niby złote cmy* (Wiersze 319) ‘Правдивы его сны о том, что планеты кружат вокруг солнца, как золотые ночные бабочки’.

Цвет планеты Земля (имеющей в русском и польском языковом сознании статус гиперродины – своей, любимой, нашей) является сферой рельефных дивергенций между польским и русским языковыми ареалами. Польским этническим сознанием Земля окрашивается в зеленый цвет. Ср., напр.: *Astronomów od dawna zastanawia pochodzenie wody na naszej zielonej planecie* (Polityka 9.VI.2001. S. 93) ‘Астрономы давно задумываются над происхождением воды на нашей зеленой планете’. К.Вашакова указывает на мотивацию цветообозначения Земли как зеленой: «Земля в значении ‘планета’ получает определение Zielona planeta

‘зеленая планета’ – это название мотивирует связь первого члена с двумя зонами: миром растений и миром животных, и оба эти мира несут в себе значение ‘жизнь’» [Waszakowa 2000. S. 628]. Хотя в русском языке могла бы гипотетически проявиться мотивация цвета Земли, подобная той, на которую указывает К. Вашакова, для русского языкового ареала, тем не менее таковая не имеет места – планета Земля здесь иного цвета. Ср. у Лермонтова: *В небесах торжественно и чудно / Спит земля в сиянье голубом* (Лермонтов 58). В русском лингвоареале планета Земля синяя / голубая, и это не случайность и не «языковой каприз». Истоки различий в ее цветообозначении между русским и польским языками уходят в глубины этноязыкового сознания и являются сферой проявления этноколористических предпочтений.

Цвета инопланетных миров. Мы не знаем, какие цвета «окрашивают» далекие планеты. Но каждый языковой ареал из рассматриваемых нами заполняет эти «зоны цветового неведения» в соответствии со своим этноцветовидением и колористическими предпочтениями. Например, К. Вашакова указывает, что зеленый цвет «относят также к обитателям других планет: космитам / НЛО, ср. *zielona postać kosmity, zielony ludek, zielone potworki – UFO*» [Waszakowa 2000. S. 628] ‘зеленая фигура космита, зеленый человечек, зеленые уродцы’. В русском языке инопланетный мир часто получает синее / голубое цветообозначение: *На Венере, ах, на Венере / У деревьев синие листья [...] И блуждают золотые дымы / В синих, синих вечерних кущах* (Гумилев 44). Использование «этноцвета» в отношении инопланетных миров свидетельствует о добром к ним отношении и о стремлении приблизить их к нам.

Приведенные примеры подтверждают, что познание мира с помощью языка и этнолингвистических традиций опережает научную когницию, но в то же время привлекает в свои образы достижения науки («планеты кружат вокруг солнца»; «голубая Земля» – это поэтично, но поэзия не исключает и объективный «зеленый» образ Земли и т. д.).

Сопоставительный анализ цветообозначений светил в русском и польском языках показал как схождения, так и существенные межъязыковые различия в составе этой категории. Эти различия проявляются, в частности, в дистрибуции, функциях и коннотациях цветолексем, в сфере этноязыковых и этнокультурных приоритетов. Дивергенции в сфере цветообозначений могут использоваться для типологизации языков в этнолингвокультурном плане.

Литература

Моисеенко Л. Н. Художественно-изобразительная роль синего цвета в прозе В. Набокова // Károlyy Gadányi, Ljudmila Mojszejenko, Viktor Mojszejenko. Слово и цвет в славянских языках. Melbourne, 2000. С. 143-147.

Waszakowa K. Polskie podstawowe nazwy barw w roli «interpretantów» świata (na przykładzie nazwy barwy zielonej) // Prace Filologiczne. 2000. T. XLV. S. 619-632.

Источники

- Ахматова*: Ахматова Анна. Стихотворения и поэмы. Л., 1976.
Бунин: Бунин И. А. Заветный перстень. М., 1994.
Горбач., Хабло: Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
Грибачев: Грибачев Н. Время твое и мое. Стихи. М., 1986.
Гумилев: Гумилев Н. Престол красоты. М., 1994.
Данил.: Данилевский Г. П. Сожженная Москва. М., 1957.
Есенин: Есенин С. Стихотворения и поэмы. М., 1976.
Есен.: Есенин С. Пасхальный благовест. М., 1994.
Лермонтов: Лермонтов М. Ю. Стихотворения; Поэмы; Маскарад; Герой нашего времени. Л., 1988.
Мал.: Малохаткин И. Дымка луговая. Стихи. М., 1980.
Песни: Песни труда и любви. Сборник популярных советских и русских народных песен. М., 1971.
Смертина: Смертина Т. Синевластье глаз. М., 1994.
Galcz.: Konstanty Ildefons Gałczyński. Serwus Madonna. Wiersze i poematy. Warszawa, 1987.
Jasn.: Jasnorzewska-Pawlikowska M. Pocałunki. Warszawa, 1984.
Pawl.-Jasn.: Poeci polscy. Pawlikowska-Jasnorzewska Maria. Portret. Warszawa, 1966.
Polityka: «Политика» (польский еженедельник).
SFJP: Skorupka St. Słownik frazeologiczny języka polskiego w 2 t. Warszawa, 1967-1968.
Walka: Walka i pieśń. Warszawa, 1968.
Wiersze: Wiersze i drobne utwory na każdą okazję / Zebrała i opracowała Alicja Omiotek. Lublin, 1994.
Ze struny: Ze struny na strunę. Wiersze poetów Polski Odrodzonej 1918-1978 / Ułożył Andrzej Lam. Kraków, 1980.

Л. А. Лебедева (Краснодар)

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ ДВУЯЗЫЧНОГО (ЧЕШСКО-РУССКОГО) СЛОВАРЯ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

Сопоставительное описание устойчивых сравнений (УС) в родственных и неродственных языках в последние десятилетия разрабатывается все более интенсивно, что, к сожалению, до сих пор не привело лексикографов к созданию специальных дву- и многоязычных словарей

УС. Между тем УС – богатый материал для контрастно-сопоставительного лексикографического описания, так как они строятся по универсальной модели компарации. Более того, в разных языках могут совпадать структурно-семантические модели УС, что подтверждает теорию фразеологического сближения разных в генетическом и типологическом отношении языков (Э. М. Солодухо). Ср., например, эквивалентные УС, в которых отражено общее мировидение славян: рус. *жить как кошка с собакой*, болг. *живеем като куче и котка*, пол. *żyć jak pies z kotem*, с.-х. *slagati se kao pas и мачка*, слц. *žijú ako pes s mačkou*, чеш. *žijí jako kočka se psem*. Однако система УС в каждом языке обнаруживает специфические черты, и это порождает трудности при создании дву- и многоязычных словарей УС, так как перед составителем словаря стоит весьма сложная проблема адекватного перевода словарной единицы.

Излагаемые ниже соображения касаются общих принципов создания макро- и микроструктуры чешско-русского словаря УС, рассчитанного на русского пользователя.

Та часть словарной статьи, в которой описывается чешское УС, строится с учетом семантического, грамматического, стилистического, парадигматического и коммуникативно-прагматического параметров, так что словарная статья включает в себя: а) заголовочную единицу (объектную часть УС – устойчивый сравнительный оборот), представленную в возможных вариантах с указанием на факультативные компоненты; б) прямое указание на основание сравнения через приведение полного списка синонимов и лексико-грамматических вариантов; в) прямое (в толковании) или косвенное (в названии тематического поля, разряда: группы) указание на субъект УС; г) стилистическую и эмоционально-оценочную квалификацию УС; д) толкование значения (образного смысла) сравнения; е) иллюстративный материал. Та часть словарной статьи, в которой приводятся русские соответствия чешского УС, может быть как полной, так и редуцированной, что зависит от типа межъязыковой соотносительности УС – полной (тождественной), частичной, относительной и синонимической. Полноценный словарный перевод УС зависит от реального соотношения конкретных единиц в русском и чешском языках. Здесь возможны следующие варианты.

1. Чешское УС имеет в русском языке полный структурно-семантический эквивалент, т.е. между соотносительными УС нет различий в образном содержании и коннотативных значениях (стилистической принадлежности, эмоционально-экспрессивной окраске), они строятся по одной структурно-семантической модели, обнаруживают одинаковые сочетательные свойства компонентов, в предложении выполняют одну и ту же синтаксическую роль и т.д.: *být tichý / zticha jako myš* ‘быть

тихим, как мышь»; *hluchý jako pařez* ‘глухой, как пень’; *znát něco jako násobilku* ‘знать что-л., как таблицу умножения’; *jít někam jako na pravu* ‘идти куда-л., как на казнь’; *to je jasné jako den* ‘это ясно как день’ и т. д. Семантическая эквивалентность предполагает совпадение не только основания сравнения и объектной части (сравнительного оборота), но и субъекта сравнения. Если последнее условие не выполняется, то УС следует квалифицировать как межъязыковые омонимы. Ср., например, чеш. *pohled / hlas ostrý jako nůž* ‘взгляд / голос острый, как нож’ и рус. *язык острый, как нож*.

2. Чешское УС имеет в русском языке частичный структурно-семантический эквивалент, т. е. чешскому УС, допускающему лексическое варьирование элементов сравнительной части, соответствует лишь один лексический вариант в русском УС: *být němý / mlčet jako ryba / kapr* ‘быть немым / молчать, как рыба’.

3. Чешскому УС соответствует в русском языке относительный эквивалент, когда расхождения касаются не структурно-семантической модели в целом, а затрагивают незначительные изменения ее компонентного состава или формы (например, порядок следования элементов сравнительного оборота, иная морфологическая отнесенность основания сравнения и т. д.): *jako <kostelní> myš chudý* ‘бедный, как церковная крыса / мышь’; *chodit jako koza po ledě* ‘ходить, как корова по льду’.

4. Чешскому УС соответствует русский аналог – УС, в основе которого лежит иной, чем в чешском языке, эталонный образ. При этом нужно иметь в виду, что образы могут быть весьма близкими (*dřít jako kůň* ‘работать / вкалывать, как ломовая лошадь’, а могут не иметь между собой ничего общего, однако адекватность перевода обеспечивается совпадением структурно-семантической модели, по которой строятся УС: *rozumět něčemu jako koza petrželi* ‘разбираться в чем-л., как свинья в апельсинах [букв. как коза в петрушке]’; *zacházet s někým jako s malovaným vejcem* ‘носиться с кем-л., как с писаной торбой [букв. обращаться с кем-л., как с расписным яйцом]’; *podobat se jako vejce vejci* ‘походить друг на друга, как две капли воды [букв. как яйцо на яйцо]’; *mít někoho rád jako veš v kožiše* ‘любить кого-л., как собака палку [букв. как вошь в шубе]’.

5. Чешское УС не имеет эквивалента или аналога в русском языке в кругу УС, однако может быть переведено на русский язык при помощи неустойчивого сравнения или фразеологизма некомпаративной структуры: *smát se jako Filip / Honza na jelito* ‘смеяться как дурачок’; *zpívat jako kanárek* ‘петь, как канарейка’, *chodit jako funebrák* ‘ходить с похоронным видом’, *žít jako lord* ‘жить на широкую ногу’.

При совпадении семантической и коннотативной информации у эквивалентных УС объем описания в переводной части словарной статьи сокращается.

Таким образом, словарная статья в чешско-русском словаре УС может иметь следующий вид:

JAKO <CHMELOVÁ> TÝČKA dlouhý (букв. *как подпорка <для хмеля> длинный). *Разг. Шутл. Мн. (редко)*. Обычно о высоком и художом человеке. С.: **jako bidlo dlouhý**. А.: **jako knoflík / jako trpaslík malý, drobný**. □ Mirek je dlouhý jako chmelová týčka. Ср.: как телеграфный столб / как коломенская верста / как дядя Степа длинный.

О. О. Лешкова (Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЧЕТАЕМОСТИ ЛЕКСЕМ

1. Сопоставление как способ изучения и описания явлений нескольких языков имеет давние традиции. Любая попытка зафиксировать и совместно проанализировать материал более чем одного языка необходимо опиралась на сопоставление. Первыми опытами сопоставительного описания словарного состава нескольких языков были еще первые переводные словари. Тем не менее мы не без оснований говорим о развитии и расцвете сопоставительных исследований именно в XX веке, в особенности во второй его половине, когда основные усилия лингвистов были сосредоточены на теоретическом обосновании этого подхода к описанию языковых фактов, на выработке понятийного аппарата и основных приемов сопоставительного анализа. При этом, хотя в научной литературе закрепилось употребление термина «сопоставительная лингвистика», следует особо подчеркнуть, что речь в рамках этого направления шла не о выработке обособленной концепции или специфической трактовки сущности языка, а о совокупности работ, применявших сопоставление как один из приемов анализа, осуществлявшегося в рамках различных лингвистических учений. Зародившись в недрах Пражского лингвистического кружка и будучи тесно связаны с развитием структурализма в лингвистике, сопоставительные исследования прошли долгий путь развития и преобразования в зависимости от смены лингвистических направлений, от преобладания в языкознании тех или иных теоретических концепций (см., в частности, *Bibliografie prací z konfrontačního výzkumu slovanských jazyků*. Praha 1976). Эти общие замечания относятся и к изменениям, какие претерпело сопоставительное изучение сочетаемости слов, на котором мы хотели бы остановиться подробнее.

2. Ориентация на выявление и изучение системы и структурной организации языка выдвигала на первый план обращение к языковым фактам, имеющим ярко выраженный категориальный характер и обладающим четкой оппозитивной структурой. В центре внимания сопоставительных исследований оказывались фонологические противопостав-

ления или же морфологические категории. Лексика, которая представлялась материей, наиболее трудно поддающейся категоризации, позднее всего стала объектом сопоставительного анализа. Сочетаемость же лексем трактовалась как область, где господствует узуальная избирательность, языковая традиция, идиоматичность и немотивированность соединения лексических единиц. При таком подходе сочетаемость тем более оказывалась на периферии сопоставительных исследований. Исследования сочетаемости лексем на материале нескольких языков представляли собой фиксацию сходств или различий в сочетаниях семантически или генетических родственных единиц и носили в первую очередь прикладной характер, предоставляя необходимый материал для обучения иностранным языкам. Создание своего рода словаря эквивалентных лексических сочетаний определялось в качестве основной цели сопоставительного описания лексического материала (ср. Bogusławski 1976).

3. Однако с течением времени ориентация на преимущественный анализ категориальных элементов в языке оказалась недостаточной, ибо слишком многое в языковой материи не вмещалось в рамки четких оппозиций. Центр тяжести лингвистических исследований постепенно сдвигался в сторону изучения функциональной стороны языковых единиц, все шире соплагались и сопоставлялись разноуровневые и различающиеся по языковому статусу единицы, рассматриваемые как члены различных функционально-семантических категорий. Чрезвычайно важным было развитие положения о том, что языковая система имеет полевой характер и в ее основе лежит принцип большей или меньшей концентрации определенных свойств языковых единиц, что определяло их подразделение на центральные и периферийные. В этот период изучение сочетаемости лексем избавляется от атомарности и получает категориальную базу для описания ее в рамках разного рода лексико-семантических или же тематических полей.

4. С усилением интереса к семантической стороне языковых единиц, в эпоху так называемой «семантизации» лингвистики, происходит изменение статуса и значимости исследований сочетаемости слов как на материале одного языка, так и при сопоставлении материала нескольких языков. Исследования представителей Московской семантической школы (связываемой в первую очередь с именем Ю. Д. Апресяна), школы «концептуального анализа» (Н. Д. Арутюнова), труды А. Вежбицкой и ее последователей, работы, создаваемые в русле когнитивного подхода, сделали сочетаемость одним из основных объектов лингвистического анализа. Сочетаемость слов есть реализация значения слова, через нее мы познаем семантическую структуру лексического значения, его компоненты, элементы обязательные и дополнительные, денотативные и коннотативные. Несовместимость слов свидетельствует о несовмести-

мости понятий. В соответствии с данной концепцией сочетаемость слов в подавляющем большинстве случаев является семантически мотивированной (в наиболее радикальном варианте этой концепции утверждается, что «случайные» ограничения сочетаемости отсутствуют). Сочетаемость, по словам А. Вежбицкой, становится мощным лингвистическим инструментом семантического описания и языковым свидетельством правильности такого описания. В рамках такого подхода все колебания, непоследовательности и расхождения между языками в сочетаемости семантически близких слов оказываются не «за скобками» исследования, а должны, напротив, восприниматься как сигнал, «своеобразное лингвистическое свидетельство в пользу лингвистической релевантности абсолютно нетривиальных характеристик объектов и ситуаций» (Рахилина 2000). Подробное лингвистическое описание сочетаемости и ее интерпретация создают представление об отдельных фрагментах языковой картины мира.

5. Современный подход к изучению сочетаемости можно проиллюстрировать на примере сопоставительного анализа прилагательных со значением размера в польском и русском языках (интересные наблюдения относительно поведения данных лексем в каждом из языков см., в частности: Рахилина 2000; Linde-Usiekniewicz 1997; 2000). При таком исследовании выделяется несколько этапов и направлений. Исходным является описание прилагательных и их дериватов, служащих для описания размера в каждом из языков; тем самым намечается модель изменения объектов, свойственная каждому языку, причем при общем сходстве основных параметров в близкородственных языках особого внимания заслуживают расхождения (ср. *шириной, длиной, толщиной [в] 20 см – gruby, głęboki, szeroki, długi na 20 cm*). Следующим этапом является определение того, с каким типом объектов могут сочетаться данные лексемы: *gruby, tęgi* можно сказать и о человеке, и о предмете, *chudy, szczupły* – только о человеке, а *cienki* для характеристики человека не употребляется. (Ср. рус. *толстый и тонкий*). Одним из расхождений является наличие в польском языке комплексной характеристики размера, осложненной дополнительным указанием на вместимость (при эквивалентной паре *szeroki / wąski parapet* ‘широкий / узкий подоконник’ в польском отмечается также *ciasny parapet*, параллели которому в русском языке нет). Наличие таких соотношений, как *śnieg gruby / cienki* ‘толстый / тонкий снег (слой снега)’, *śnieg głęboki / płytki* ‘глубокий / неглубокий снег’, позволяет выявить новые антонимические противопоставления, возникающие внутри группы.

6. Чрезвычайно интересный материал дает исследование метафорических сочетаний прилагательных со значением размера с разного типа существительными. В сфере метафоризации этих прилагательных

в обоих языках также отмечается общее сходство механизма возникновения переносного значения (прилагательное *wysoki* // *wysoki* связано с положительной характеристикой, а *niski* // *niski* – с отрицательной, ср. *wysokie / niskie uczucia*, *wysoki / niski poziom*. Метафоризация прилагательного *wysoki* опирается на содержащееся в его значении указание на возрастание шкалы (количественной или качественной), отсюда *wysoka chorobalność*, *wysoka odpowiedzialność*; *wysoka inteligencja*, *wysokie stanowisko*, тогда как прилагательное *głęboki* содержит указание на интенсивность и полноту охвата содержимого (*głębokie milczenie*, *głęboki człowiek*, *głęboka przekonanie*; *głęboka barwa*, *głęboka cisza*, *głęboki rumieniec*, *głębokie oczy*, *głębokie uczucia*). Расхождения же между языками состоят в том, что польский язык не так активно развивает так называемую метафору содержания у *wysoki*. В польском языке нет соответствий русским сочетаниям *wysoka smutek*, *wysoka rozmowa*, *wysoka tajemnica*, чаще всего они обслуживаются прилагательным *głęboki*: *głęboki żal*, *głęboki stosunek*, *głęboka tajemnica*. Нет полного параллелизма и в представленности переносного значения прилагательного *głęboki* // *głęboki* для характеристики временных отрезков: *głęboka noc*, *głęboka jesień*, *głęboka starość* (т. е. поздняя) // *głęboka noc*, *głęboka starość*, *głęboka jesień*, но *głęboka przeszłość* ('далекое прошлое'), *głębokie czasy* ('давние, далекие времена'). Наличие таких обособленных различий и некоторые другие факты говорят в пользу того, что не следует абсолютизировать семантическую мотивацию всех сочетаний, поскольку действие общих семантических механизмов может быть ограничено определенными членами синонимических рядов или лексико-семантических групп.

Literatura

Bibliografie prací z konfrontačního výzkumu slovanských jazyků. Praha, 1976.

Bogusławski A. Problem tertium comparationis w porównaniu lingwistycznym // Kwartalnik neofilologiczny 1976, N 3.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен / Семантика и сочетаемость. М., 2000.

Linde-Usiekniewicz J. Hipotezy na temat znaczeń polskich przymiotników wymiaru. Wersja wstępna // Colour and measure terms. Stockholm, 1997.

Linde-Usiekniewicz J. Określenia wymiarów w języku polskim. Warszawa, 2000.

Ф. Б. Людоговский (Москва)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА**

1. Под церковнославянским (далее цсл.) языком мы будем понимать язык, созданный Кириллом и Мефодием, на всем протяжении его развития (вторая половина IX – начало XXI в.). При этом термин «старославянский язык» будет употребляться в соответствии с общепринятым пониманием, т. е. обозначать древнейший период кирилло-мефодиевского языка.

2. В области изучения и преподавания цсл. языка сложилась довольно странная ситуация. Старославянский вот уже двести лет изучается как первая письменная фиксация славянского диалекта и рассматривается как материал для компаративистики. Отсюда повышенный интерес к нему в плане исторической фонетики и морфологии при недостаточной разработанности, например, лексикологии. Цсл. язык XII-XVII вв. рассматривается прежде всего как литературный язык восточных и южных славян, а также румын. Указанному периоду, посвящено большое количество работ. Однако поскольку в XVIII-XIX вв. у славянских народов возникают литературные языки нового типа, постепенно исчезает и интерес исследователей к более позднему периоду существования цсл. языка. Так, если цсл. язык XVIII в. еще рассматривается как «строительный материал» для русского литературного языка, то XIX и XX века до недавнего времени не попадали в поле зрения исследователей². Цсл. язык этого периода обычно оценивается как мертвый и, следовательно, не представляющий интереса для изучения.

3. Не говоря о спорности понятия «мертвый» по отношению к цсл. языку, следует отметить, что как трактовка старославянского языка в качестве материала для сравнительно-исторических исследований, так и рассмотрение цсл. языка в качестве литературного хотя и имеют право на существование, однако не ни то, ни другое не отвечает основному предназначению этого языка. Цсл. язык есть прежде всего язык *богослужения*. В этом заключается его инвариантная и первичная функция. Именно как богослужебный он был создан во второй половине IX в., и именно как богослужебный он продолжает функционировать в начале XXI столетия. Все остальные его функции вторичны. Следовательно, надлежит осознать, что цсл. язык – это язык особого типа и что его ис-

² В 2001 г. вышла монография А. Г. Кравецкого и А. А. Плетневой «История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.)».

следование предполагает учет специфического круга проблем и разработки специальных методов.

4. Цсл. язык есть язык текстов: печатные тексты являются основной формой существования этого языка, тексты определяют также и его норму. В данном случае факт текста представляет собой одновременно факт языка. К сожалению, большинство вышедших за последние десять лет учебников и грамматик цсл. языка основаны не столько на изучении текстов, сколько на предыдущих пособиях. Реальное исследование современного цсл. языка возможно лишь при условии *фронтального анализа функционирующих в настоящее время богослужебных текстов* с учетом особенностей конкретных изданий. Для такого анализа могут быть использованы методы корпусной лингвистики. Относительно небольшое (в сравнении с русским литературным языком) количество цсл. текстов избавляет от необходимости формирования корпуса путем сужения проблемной области: в корпус цсл. богослужебных текстов могут войти все тексты, используемые при богослужении в РПЦ. Формирование такого корпуса облегчается также наличием у богослужебных текстов четкой многоуровневой структуры.

5. На начальном этапе будут необходимы инвентаризация и систематизация текстов, для чего представляется естественным использовать известное разделение богослужения на *общественное* и *частное* (иногда выделяют также *домашнее богослужение* – келейную, домашнюю молитву). Однако эти термины не вполне удобны, так как их внутренняя форма создает ложную ориентацию: так, соборование, в современной практике совершаемое обычно постом в храме (нередко в таинстве участвуют сотни людей), несомненно, относится к частному богослужению; напротив, венчание, воспринимаемое как частная служба («треба»), по сути своей является событием, в котором евхаристически и молитвенно должна участвовать вся община.

Более адекватными представляются понятия *детерминированного* и *окказионального* богослужения. *Детерминированным* мы будем называть такое богослужение, образ, время и место совершения которого с высокой степенью императивности определены богослужебным уставом. Это не означает, что такое богослужение непременно совершается всегда и во всех храмах; однако если оно совершается, то – в идеальном случае – в четком соответствии с имеющимся алгоритмом. Под *окказиональным* же мы будем подразумевать такое богослужение, образ, время и место совершения которого слабо детерминированы. Окказиональное богослужение совершается по случаю, по мере необходимости. Примерами окказионального богослужения могут служить крещение, венчание, отпевание, соборование, молебен, келейное чтение канонів и акафистов.

6. Тексты детерминированного богослужения представлены преимущественно в *богослужебных книгах*, многим из которых свойственна закрытая структура. Совокупность богослужебных книг образует гипертекст жесткой структуры, алгоритм линеаризации которого определяется *Типиконом* (уставом), представляющим собой метатекст по отношению к прочим богослужебным книгам. Наиболее значительной (не менее 70% от общего объема текстов детерминированного богослужения) является Минея месячная, характеризующаяся открытой структурой. Из нескольких изданий Минеи, используемых в настоящее время в РПЦ, наибольшей популярностью пользуются так называемые *Зеленые минеи*, выпущенные Издательским отделом Московской патриархии в 1978–88 гг. и превосходящие дореволюционные Минеи по объему в 2–2,5 раза. В ближайшие 20–25 лет можно ожидать увеличения объема Минеи в 1,5–2 раза – в первую очередь за счет написания служб новопрославленным святым, а также за счет перевода богослужебных текстов с греческого и других языков.

7. Среди текстов окказионального богослужения выделяются *акафисты*, представляющие собой наиболее продуктивный и популярный в настоящее время гимнографический жанр. Автору известно около 300 акафистов. Исследование тенденций в развитии жанра акафиста (поэтика, структура и др.) представляется интересной и важной задачей.

8. Цсл. лексикография представляет собой обширное поле для деятельности, поскольку полноценных словарей цсл. языка не существует. «Полный цсл. словарь» протоиерея Г. Дьяченко (1900), оставаясь ценным руководством, уже давно не соответствует современному лексикографическому уровню. «Церковнославянско-русские паронимы» О. А. Седаковой и «Опыт словаря литургических символов» А. Г. Кравецкого, опубликованные в 1992–95 и в 1995–97 гг. в журнале «Славяноведение», не могут иметь практического применения хотя бы уже потому, что не были изданы в книжном виде. Таким образом, отсутствуют цсл.-русский и русско-цсл. словари, нет словарей синонимов, антонимов, омонимов, паронимов цсл. языка, отсутствует орфографический словарь.

9. Сходная картина наблюдается и в отношении учебников и грамматик цсл. языка. Как было отмечено выше, создание удовлетворительных учебных пособий и академических описаний невозможно без анализа текстов. Между тем такая работа пока, насколько известно автору, не ведется.

10. Цсл. – язык, функционировавший на протяжении одиннадцати с половиной веков и оказавший огромное влияние на язык, литературу и культуру православного славянства (впрочем, не только православного и не только славянства). В начале XXI в. пора по-новому ос-

мыслить этот язык как объект филологических исследований. Было бы желательно создание комплекса курсов, обеспечивающих всестороннее знакомство студентов с цсл. языком и связанной с ним проблематикой: практический курс цсл. языка, история цсл. языка, основы богослужебного устава православной церкви, гимнография и др. Впоследствии на базе этих курсов должна бы быть создана соответствующая специализация. Подготовка специалистов в области цсл. языка, помимо всего прочего, будет способствовать тому, что дискуссия о цсл. как литургическом языке РПЦ сдвинется с мертвой точки и из области газетно-журнальной полемики перейдет в плоскость научной дискуссии.

А. Д. Маймакова (Киев)

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКИ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ

Сопоставительная лингвистика является одним из активно развивающихся направлений современного языкознания. Повышенный интерес ученых к проблемам сопоставительного изучения языков обусловлен тем, что в период духовного возрождения народов и роста национального самосознания выработался такой подход к научным исследованиям в области языкознания, когда именно язык рассматривается прежде всего как форма духовности нации, а слово – как феномен, созданный человечеством в течение тысячелетий своего существования, как интеллектуальный императив и духовная квинтэссенция, которые определяют культурный уровень нации. При изучении языков в культурологическом аспекте понимается и выявляется то своеобразие и те глубинные различия, которые существуют между сопоставляемыми языками. В этом плане особый интерес представляет исследование двух различных по своим генетическим корням языков – русского и казахского.

Различия между языками, обусловленные различием культур, особенно ярко выявляются на уровне лексики, поскольку она наиболее тесно связана с внеязыковой действительностью.

В лексическом составе любого языка есть слова, служащие обозначениями специфических явлений данной культуры. Уникальность обозначаемого обуславливает национально специфический характер обозначающих: такие слова характеризуются особым денотативным значением, которое, как основа семантики слова, обуславливает культурную маркированность всего лексического фона и возможных коннотаций слова.

Е. М. Верецагин и В. Г. Костомаров отмечают, что слово, отражающее предмет материальной и духовной культуры, отсутствующий в другом (сопоставляемом) языке, «не переводится ... устойчивым эквивалентом, поэтому оно и называется безэквивалентным» [1, 42]. План

содержания безэквивалентных слов «невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [1, 42].

О безэквивалентной лексике какого-либо языка можно говорить только по отношению данного языка к какому-либо другому языку, где нет подобных лексических соответствий. То, что в одном (исходном) языке является безэквивалентным по отношению к другому (сопоставляемому) языку, может существовать в каком-нибудь третьем языке. Например, русские слова *каравай*, *кутья*, *крестник*, *пасха* безэквивалентны по отношению к казахскому языку, но не по отношению к украинскому.

Национально-специфические особенности лексики могут проявляться не только в наличии безэквивалентных единиц, но и в отсутствии в данном языке слов и значений, выраженных в другом языке, в так называемых лакунах, «белых пятнах» в семантической карте языка [3, 4-5; 2, 244-245].

Возникновение лакун может быть обусловлено рядом причин. В одних случаях появление лакун связано с различием соответствующих культур. Так, лакунами для казахского языка относительно русского будут слова *масленица*, *икона*, *крестины*, *кум*. В других случаях наличие лакун в данном языке объясняется не отсутствием соответствующего денотата, а тем, что для данного языка, данной культуры такое различие оказывается несущественным. Напр., в казахском языке по сравнению с русским имеется больше однословных обозначений каждой из дочерей в отношении к другим детям этих же родителей: *ана*, *эпке* 'старшая сестра'; *сінлі* 'младшая сестра в отношении старшей сестры'; *карындас* 'младшая сестра в отношении старшего брата'. В русском языке всем этим словам соответствует слово *сестра*. Для казахского языка в данном случае релевантными оказываются, во-первых, дифференциация по возрасту (старшая сестра, младшая сестра), во-вторых, пол лица соотношения.

Каждая лингвокультурная общность, таким образом, в определенной степени по-своему расчленяет и классифицирует окружающий мир. Об одном и том же явлении реальной действительности у одного народа может быть общее понятие, не членимое на части и обозначаемое одним словом широкой семантики, в то время как другому народу свойственны более узкие понятия о разновидностях этого явления, его частях, осознаваемых как отдельные феномены и обозначаемых отдельными лексическими единицами.

С другой стороны, люди воспринимают один и тот же предмет по-разному, именуя при этом не сам предмет, а свое представление о нем. Так, со словом *метро(политен)* может быть связан самый разный круг представлений: для носителей одного языка – это *касса*, *касса-автомат*, *жетон*, *проездной билет (месячный, квартальный; ученический, студенческий, гражданский)*, *льготный проезд*, *дежурный*, *охрана метрополи-*

тена; для носителей второго языка – *касса, проездной билет (на одну, пять, десять, тридцать поездок), льготный проезд, дежурный, охрана метрополитена*; для третьих – это *разменный автомат, касса-автомат* и т. д. Подобные расхождения в денотативной семантике разноязычных слов-коррелятов, обусловленные различиями в реалиях, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров называют лексическим фоном [1, 43].

Этнокультурные различия проявляются и в том, что разноязычные слова, совпадающие по денотату, могут различаться своими эмоциональными, оценочными оттенками, т. е. коннотацией. Ср. различия в ассоциациях, связанных с образом *солнца* – *кун* в русском и казахском языках. В языковом сознании и русских, и казахов *солнце* вызывает представление о тепле, свете. И если для русского народа *солнце* – основа, средоточие чего-либо ценного, высокого, прекрасного, жизненно необходимого, т. е. источник жизни (ср. *солнце правды, солнце жизни моей*), то для казахского народа *кун* – сама жизнь (ср. *кун кору* ‘жить, существовать’, *кун корсетпеу* ‘не давать житья’, *сенін кунін туды*, букв. ‘твое солнце взошло’, т. е. ‘тебе повезло’). Русское *солнце*, в отличие от казахского *кун*, получает в разговорной речи более широкое распространение в качестве обращения к дорогому, любимому человеку. Отсюда и характерное для русской лексики уменьшительно-ласкательное образование *солнышко*. Ср.: *Солнышко мое! – с глубокой нежностью произнесла Олеся* [4, 191]. Такой формы казахское *кун* не образует.

Казахам присуще ощущение того, что *солнце* может быть не только землеобновляющим и плодотворным, но и в какой-то степени враждебным. Ср. выражение *кун жеді*, букв. ‘солнце съело’, т. е. припекло; *кун шакты*, букв. ‘солнце укусило, кольнуло’, т. е. припекло; *баска кун туу* ‘быть постигнутым горем, несчастьем’. Такое восприятие, по всей вероятности, может быть объяснено свойствами резко континентального климата Казахстана с его суровыми буранными зимами и жарким, порой знойным летом.

Исследование коннотативной семантики слова в межъязыковом плане представляется интересным и сложным: при сопоставлении сопрягаются разнообразные смысловые, оценочные, психологические, культурологические, эстетические факторы, своеобразно преломляющиеся в слове национального языка. Такое исследование крайне необходимо для понимания не только природы национального языка, но и важнейших черт мировоззрения его носителя – народа.

Сопоставительное лексикологическое исследование двух генетически не связанных между собой языков – русского и казахского – есть не что иное, как исследование лексики одного языка в зеркале другой языковой культуры. Такое исследование обогащает и углубляет знание каждого из языков и позволяет приобщиться к духовному миру народов, творцов и носителей языка.

Литература

Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.

Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1989.

Муравьев В. Л. Лексические лакуны. Владимир, 1975.

Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1988.

Д. Маркоя (Любляна)

ФЕНОМЕН ПРЕКМУРСКО-СЛОВЕНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСЛОВЕНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В XIX ВЕКЕ

В нашем докладе мы попытаемся коротко представить языковую ситуацию на территории Словении в период с XVIII до начала XX в. и подробнее остановимся на исторических и социолингвистических причинах возникновения в XVIII в. особого прекмурско-словенского литературного языка (ПСЛЯ) и его роли в формировании общесловенского литературного языка (ОСЛЯ).

1. В словенском языкознании, когда речь идет о истории развития литературного языка словенцев, принято различать два литературных языка. С одной стороны, это (обще)словенский литературный язык, каковое понятие используется для обозначения языка, над созданием которого в XVI в. работали протестанты из Крайны (П. Трубар, А. Бохорич, Ю. Далматин), т. е. словенцы, жившие на территории, в религиозном и политическом смыслах относившихся к сфере влияния Австрийской империи. Этот язык непрерывно развивался начиная с XVI века и до настоящего времени остается литературным языком словенцев. Говоря о прекмурском литературном языке, имеют в виду литературный язык, который развивался независимо от ОСЛЯ в северо-западной части словенской этнической территории, в Прекмурье, области, которая начиная с X в., когда граница между Австрией и Венгрией пролегла по реке Муре, и вплоть до XX в. была частью Венгерского королевства под юрисдикцией загребского и дьёрдского епископа. До XIX в. Прекмурье почти не имело контактов с центральными словенскими областями.³

Те же причины, которые в XVI в. побудили крайнских протестантов начать работу над созданием ОСЛЯ, в XVIII в. инициировали формирование ПСЛЯ. Возникает вопрос, почему это произошло так поздно,

³ *Grafenauer B.* Prekmurski Slovenci v zgodovini. M. Sobota, 1961; *Gruden J.* Zgodovina slovenskega naroda. (Poglavje: Ogrski Slovenci.) Ljubljana, 1912.

ведь протестантизм появился в Прекмурье одновременно с остальными словенскими землями Австрийской империи, т. е. в XVI в.⁴ Причины почти двухсотлетнего «опоздания» следует искать в специфике исторических и социолингвистических условий Прекмурья: административным языком здесь был венгерский и соответственно в школах преподавание велось на венгерском языке. Организация начальных школ в Прекмурье находилась на очень низком уровне, и для детей словенцев, которые в обиходных ситуациях говорили исключительно на родном языке, венгерский являлся препятствием в процессе получения ими образования. Еще бóльшей проблемой было материальное положение, так как словенское население в Прекмурье относилось к самому низкому социальному слою. В отношении просвещения можно сказать, что Прекмурье до конца XVII в. оставалось заброшенной провинцией Венгерского королевства, лишь некоторые дети из семей словенцев получали возможность обучаться в университете, причем только на богословском факультете, так как в этом случае расходы за обучение брала на себя католическая церковь.

Ситуацию в области образования значительно улучшила Реформация, ибо для ее распространения необходимо было большое число образованных людей, при этом не остались в стороне и дети прекмурских словенцев. Уже в конце XVI в., а особенно интенсивно в последующие периоды, одаренные юноши при материальной поддержке протестантских деятелей (главным образом братиславских) направлялись на учебу в Братиславу и немецкие города (Геттинген, Халле).⁵ Там они получали возможность познакомиться с просветительской программой протестантов, которая в качестве основного требования выдвигала задачу создания букваря и катехизиса на родном языке. Принципам протестантского просвещения следовал и Ференц Темлин, прекмурец, обучавшийся в немецком городе Халле. В 1715 г. он опубликовал Малый катехизис, а спустя десять лет – букварь, оба на ПСЛЯ. Начатое им литературное дело продолжил прекмурский протестантский священник Штефан Кюзмич. Его перевод Нового завета (1771) продемонстрировал исключительное богатство прекмурского языка. В начале XIX в. в литературную деятельность включаются также и католические авторы, а в XX в. инициатива почти полностью переходит к ним. На последнем этапе своего исторического развития ПСЛЯ стал языком периодики,

⁴ Šebjanič F. *Protestantsko gibanje panonskih Slovencev*. M., Sobota, 1977; Zelko I. *Protestantska cerkvena uprava v Prekmurju od konca 16. stol. do leta 1781 // Bogoslovni vestnik*. XXX, 1970.

⁵ Kokolj M., Horvat B. *Prekmursko šolstvo*. M. Sobota, 1977.

расцвет которой приходится на начало XX в. Газеты на прекурском языке выходили приблизительно до 1935 года.⁶

После присоединения Прекмурья к центральным словенским землям (1919) официальным языком становится ОСЛЯ, ПСЛЯ же сохраняется только в публицистике, частично в школах и некоторых церковных приходах. После 1935 г. его повсеместно заменяет ОСЛЯ.

2. О том насколько мало в XIX веке контактировали друг с другом словенцы лево- и правобережья Муры, свидетельствует тот факт, что с литературных достижений прекурских писателей в центральной части Словении стало известно только XIX в., после почти столетнего существования ПСЛЯ. Словенскую общественность с ним познакомили выдающиеся деятели словенского и славянского языкознания Е. Копитар, Ф. Миклошич, Й. Добровский. Когда в XIX веке началась пуристическая «очистка» ОСЛЯ, ПСЛЯ стал для лингвистов образцом чистого словенского языка, опирающегося на богатую славянскую традицию и берущего свое начало в так называемом паннонском словенском языке, возникновение которого относится ко времени пребывания Кирилла и Мефодия на территории Нижней Панонии.⁷

Наиболее значительные системные расхождения между двумя книжными языками обнаруживаются в морфологии и синтаксисе: ПСЛЯ сохранил причастные и деепричастные обороты, которые для ОСЛЯ уже в XIX веке были непродуктивны, а следовательно, совершенно чужды авторам из центральных областей. В результате усилий пуристов в XIX в. причастия и деепричастия становятся чрезвычайно популярными в ОСЛЯ, так как они считались явлениями автохтонно славянскими.⁸

Вследствие того, что реформа ОСЛЯ проходила в духе «поиска исконного генетического облика словенского языка», ПСЛЯ был принят во внимание и на других языковых уровнях: в фонологии (ср. отказ от современной редукции гласных, которая уже в XIX в. охватила всю центральную часть словенской языковой территории), в морфологии (ср. сохранение всех чисел и родов и последовательное различение рода существительных и прилагательных во множественном числе).

⁶ V. Novak. Izbor prekmurskega slovstva. Zadruga katoliških duhovnikov, Ljubljana 1976. Zbornik Štefana Kuzmiča. Pomurska založba, M. Sobotič, 1974. M. Jesenšek. Jezik v prvem prekm. časopisu Prijatelj. // Logarjev zbornik. Ljubljana, 1999.

⁷ M. Orožen. Poglavlja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1996. M. Orožen. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. Ljubljana, 1996.

⁸ M. Jesenšek. Deležniki in deležja na –č in –ši. Maribor, 1998.

А. Ю. Маслова (Саранск)

О СПЕЦИФИКЕ ПРЕВЕНТИВНОЙ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ И СПОСОБАХ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

Превентивная категориальная ситуация является структурным элементом содержательного плана функционально-семантической категории побудительности. Она выделяется по своей специфике, представляя собой акт предостережения, который оформляется в тех случаях, когда прескриптор хочет помешать осуществлению нежелательного действия, предупредить исполнителя. Как отмечает О. П. Рассудова, предостережение вызвано чувством опасения говорящего, что «данное нежелательное действие может произойти независимо от воли действующего лица» [Рассудова, 112]. По мнению Й. Крекича, в предостерегающих конструкциях существует оттенок потенциальности, который заложен в пресуппозиции. Предостережение вызывает в мышлении прескриптора эмоциональную прагматическую пресуппозицию «Боюсь (опасаюсь, беспокоюсь), что действие может осуществиться» [Крекич].

Однако превентивные высказывания представляют интерес не только с точки зрения вышеуказанного доминирующего значения, а и с точки зрения имплицитно выраженной прескрипции регулировать поведение будущего исполнителя таким образом, следуя которому, он смог бы предотвратить нежелательное событие. Иллокутивное воздействие оказывается разными способами. Прежде всего акцентируется внимание на действии, которое повлечет за собой нежелательные последствия, или на самих нежелательных последствиях. Прескриптор знает – или у него складывается такое впечатление, – что исполнитель в силу определенных обстоятельств или по своей вине совершит такое действие, и тогда, обычно отрицательной формой императива, указывает на это действие. В русском языке используется отрицательный императив (чаще в сочетании с частицами *смотри, же, только*): *Гостиную нашу не замочите. – Марьи Генриховны платье не запачкать, – отвечали голоса. (Толстой) 'Немојте да нам салон поквасите. – Немојте да испрљате халјину Марији Хенриховној! – одговараху им разни гласови'*.

Обратим внимание на то, что в сербском переводе вместо отрицательного императива совершенного вида и его функционального аналога не + инфинитив СВ использована перифрастическая конструкция. Это не случайно, поскольку предостережение предполагает мягкий запрет. И в процессе исторического развития перифрастическая конструкция, имеющая мягкий характер и тем самым в большей степени соответствующая значению предостережения, была закреплена за этим значением, тем самым одновременно порвав связь с первичной императивной формой. Кроме того, в отличие от русского языка, в сербском

совершенный вид не является показателем значения предостережения. Более того, в сербском предостережение перестает выражаться императивом с частицей *ne*. М. Ивич пишет, что в сербском языке в рамках категории предостережения согласно значению действия, о котором идет речь, различаются два типа: «1) предостережение относится к психическому действию, осуществление которого не желательно; в этом случае употребление императивных конструкций, в том числе и в перфектной видовой форме, сегодня возможно – *ne zaboravi, ne shvati krivo, ne uzmi za zlo* и др.; 2) предостережение относится к некоторому физиологическому или физическому действию (*ne padni, ne nazebi, ne slomi čašu*) – в этом случае употребление императивной конструкции согласно нормам современного языка исключается.» [Ivić, 98].

При указании на нежелательные последствия или их возможность регулярно наблюдается присутствие индикаторов значения предостережения: *pazi(te)* – в сербском языке, *смотри(те)* – в русском. Часто конструкция строится следующим образом: самостоятельно употребленный показатель предостережения (без императивных форм) + описание нежелательного события, которое может иметь место в будущем: 1. *И пазите добро: боље је двадесет непослушних глава, него да један ексер царски пропадне (Андрић)* ‘Смотрите же: лучше двадцать непокорных голов снимите с плеч, чем пропадет хоть один султанский гвоздь’; 2. *Тогда, гледи, придется нам горшок об горшок и врозь (Шолохов)* ‘Онда, пази, само нам преостаје – лонац о лонац, па свако на своју страну’; 3. *Смотрите, вам не хватит слез впоследствии! (Горький)* ‘*Pazite, da vam ne pofali suza za posljije*’.

Такого рода предостережения обычно подразумевают не единичное конкретное действие, а целый ряд действий, рассчитанных на длительный срок, в связи с чем на первый план выступает предупредительный оттенок.

Прескриптор может прибегать и к косвенному предостережению: *Ночью сегодня обыск решен у вас <...>. А я ничего не знаю, и ничего я тебе не говорила и даже не видела тебя сегодня, – слышишь? (Горький)* ‘*Odlučeno je da se noćas izvrši pretres kod vas <..>. A ja ništa ne znam i ništa ti nisam govorila, čak te nisam ni vidjela danas – čuješ li?*’ В данном примере прескриптор, предупредив об обыске, сообщает о линии своего будущего поведения. Думается, этот речевой акт можно определить как косвенное предостережение: «смотри, не проговорись (не выдай)» и т. п.

Другой способ выражения предостережения – концентрация внимания на том, что нужно предпринять во избежание нежелательных последствий: *Ali sad mora da se pazi, vidiš – biju! (Lalić)* ‘*Но теперь надо быть начеку, ты же видишь – нас бьют!*’

Также, осуществляя акт предостережения, можно сделать акцент на причине, вызывающей нежелательные последствия. Обычно в препозиции находится индикатор предостережения: *pazi(te)*, *čuvaj(te) se* в сербском, которому в русском языке в данной ситуации соответствует *внимание! осторожно! будь(те) внимательны (осторожны)! берегись!* и т. п.: 1. *Осторожно, машина!* ‘*Pazi, kola!*’ 2. *Осторожно, ступеньки!* ‘*Čuvajte se, stepenice!*’

Исходя из вышесказанного, превентивная категориальная ситуация является содержательной структурой, передающей значение предостережения – одно из составляющих общую побудительную ситуацию. Специфика превентива заключается в способе выражения побудительного значения, так как задача прескриптора – не только предостеречь от нежелательных последствий, но и направить действия будущего исполнителя. Основываясь на проведенном анализе, отметим, что превентивные высказывания организуются следующими способами. 1. Предостережение, обращенное к перспективному плану: а) называется то, что может произойти, вследствие чего эксплицируется запрет нежелательного действия или называются нежелательные последствия; б) называется то, что следует предпринять во избежание нежелательных последствий. 2. Предостережение, обращенное к плану настоящего (называется причина возможных нежелательных последствий).

В плане языкового выражения характерным показателем предостерегающего значения являются *pazi*, *čuvaj se* и соответственно *смотри, внимание, осторожно*. В отличие от русского языка, в сербском не функционирует императив совершенного вида с отрицанием. Предпочтительна перифрастическая конструкция в силу ее меньшей категоричности, конструкция *pazi + da ne + презенс* (*Pazi da ne prospeš!*), вопросительные конструкции, предостерегающие косвенным образом (*Zar se nećeš tako prehladiti?*).

Вследствие универсальности превентивного значения план содержания данной категории в сербском и русском языках организуется идентичным образом. В плане же выражения прагматического значения имеется ряд отличий, что обусловлено специфическими чертами каждого из анализируемых языков.

Литература

Крекич Й. Прагматика и семантика отрицательных форм императива // Русский язык за рубежом. 1988. № 6. С. 60–66.

Рассудова О. П. Употребление видов глаголов в русском языке. М., 1984. 201 с.

Ivić M. Slovenski imperativ uz negaciju // Radovi Naučnog društva Bosne i Hercegovine. X. Sarajevo, 1958. S. 23–44.

ЧЕРТЫ РАЗГОВОРНОЙ ФОНЕТИКИ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

0. Разговорная фонетика русского языка достаточно полно описана в работах Е. А. Земской⁹. Автор настоящей статьи ставит своей целью описать в сопоставлении с русским языком отступления от орфоэпии в чешской разговорной речи и дать оценку функционированию данных явлений в анализируемых языках.

В качестве материала для анализа чешской разговорной речи послужили записи Института чешского языка Чехословацкой академии наук, любезно предоставленные нам Й. Гофманновой, О. Мюллеровой и Э. Шнайдеровой, составителями сборника чешских разговорных текстов¹⁰.

1. Согласные

1.1 Редукция интервокальных (звонких и сонорных) согласных. В русском языке данное явление охватывает прежде всего однородный грамматический материал (глагольные формы типа *ходит, будит* [xoit], [buit]), и притом весьма значительную массу слов, включая случаи на стыке слов (*то есть* [tois't]). В чешском же находим лишь хотя и частотные в речи, однако в целом все же единичные случаи выпадения интервокального согласного: *tady* [tai], *teda* [tea], *třeba* [třea], *ale* [a:e], *dělala* [d'ea:la].

1.2 Упрощение групп согласных. Ослабление одного из согласных группы не свойственно чешскому языку. Оно встречается в индивидуальном произношении отдельных лиц или в определенных речевых ситуациях. Случаи же полной утраты согласного выдерживают сравнение с русским языком. С точки зрения чешского языка нецелесообразно описывать отдельно двойные группы и группы, состоящие из большего количества фонем. Чешская орфоэпическая норма допускает упрощение некоторых групп в так наз. неполном стиле в лексически ограниченных случаях. Исключение составляют лишь группа *zdn* и приставка *vz* с последующим губным *b* или *p* (*prázdniny, vzbudit, vzpomínka*).

Чаще всего редуцируется *j*: (*j*)*sem, (j)seš, (j)si, (j)sme, (j)ste, (j)sou, (j)méno, (j)meniny, (j)menovat, (j)mění, (j)du* и вся парадигма глагола 'идти' в настоящем времени, а также *při:(j)du, po(j)d'te, [vi:de] = vyjde, pu(j)čení, pu(j)čit*.

Такой набор не может быть однозначно истолкован: отпадение *j* не ограничивается высокочастотными словами, производными от трех

⁹ Земская Е. А. Русская разговорная речь. М., 1973.

¹⁰ Hoffmannová J. – Müllerová O. – Schneiderová E. Mluvená čeština v autentických textech. Praha, 1992; Hoffmannová J. – Müllerová O. – Zeman J. Konverzace v češtině při rodinných a přátelských návštěvách. Praha, 1999.

лексем (глаголов 'быть', 'идти' и 'прийти'), как это изложено в орфоэпическом пособии по чешскому языку¹¹. С другой стороны, случаи типа *pu(j)čit* не позволяют свести объяснение к нисходящей звучности в слоге (ср. произношение *lžička* 'ложка' как [žička]). По отношению к чешскому языку неприемлемо утверждение Земской, что «[j] и особенно его вариант [i] – звуки неустойчивые, в частности для русского и других славянских языков»¹², так как в словах с тождественным или близким звуковым контекстом *j* не выпадает: *jmu, zajdu, najdu, vyjma, trojčit, [f'újči]* v ÚJČi (= v Ústavu pro jazyk český).

В дву- и трехчленных сочетаниях часто выпадают *v* и *f*: (*v*)šeližkej, (*v*)šim = všim, všiml, *d(v)je, s(v)jet, [stek]* = vztek 'злость', [*stahi*] = vztahy, а в меньшей мере также другие звуки, как, например, *l* (*mys[l]im, s[l]yšela č[l]ovek*), *k* (*[k]dyž, [k]depák, [k]doví*), *d* (*[d]neska, žá[d]ný*), *d'* (*vi[d']te, poj[d']te*), *t* (*k[t]erá, jes[t]li // jes[t]i, šes[t]náct, ra[d]či, ch* [s[ch]válně).

В силу функционирования некоторых сонорных в чешском в качестве слогообразующих сонантов упрощение путем вставки гласного ограничивается двумя лексемами (*sedm* [sedum], *osm* [osum]), каковое их произношение сейчас считается допустимым орфоэпическим вариантом¹³.

2. Гласные

2.1 Нулизация. Полной утраты гласного (как в русском *десять* [d'es't'], *пишешь* [piš:] в чешском языке не существует.

2.2 Стяжение. Под понятием «стяжение» при синхронном описании языка обычно подразумевается слияние двух одинаковых или разных гласных (например, *с[ă]бщение, р[і]стический*). В чешском языке даже в самом небрежном стиле произношения сочетание двух гласных может произноситься лишь с ослабленным вторым гласным, но не с абсолютной его редукцией. Единственным подтверждающим правилом исключением может служить слово *zoologická* [zologicka:], стяжение в котором может быть вызвано неясной для многих говорящих мотивацией.

Стяжение другого типа, т. е. выпадение интервокального *j* и слияние оставшихся после этого двух гласных в один долгий, в истории чешского языка проявилось в намного большей степени, чем в русском (ср. **stojati* > *státí*, но *стоять*; **pojasъ* > *pás*, но *пояс*; *dobraja* > *dobrá*, но *добрая*). Аналогом такого рода стяжения в разговорном чешском

¹¹ Palková Z. Fonetika a fonologie češtiny. Praha, 1994. S. 335-338.

¹² Земская Е. А. Указ. соч. С. 99.

¹³ Появление неясного гласного среднего ряда и подъема ъ в таких ненормативных словах, как [bl:ъba:] [рг:ъса], следует считать эффектом, сопровождающим удлинение согласного.

языке являются весьма частотные формы неопределенного местоименного прилагательного *nějaký* 'какой-то': *ňákej, ňáká* ... и соответствующее наречие *ňák* (=nějak).

2.3 Количественная редукция. Несмотря на то, что долгота гласного в чешском языке имеет смысловозначительную функцию, в разговорной речи долгие гласные претерпевают сокращения, образуя трехчленные градуальные ряды: краткий вокал (исконно краткий или сокращенный) – вокал средней долготы – долгий вокал. При этом редуцированное произношение настолько распространено, что соблюдение орфоэпической долготы в некоторых случаях воспринимается как неестественное, гиперкоррекционное. Редукция появилась в силу фонетических причин, но со временем она стала носить скорее морфологический характер. Так, например, регулярное сокращение наблюдается в окончаниях *-ím, -ám* в формах 1-го лица ед. ч. наст. вр. глагола (*nevím, bydlím, hlásím, rozumím, uklidím, snažím se, nemám, vzpomínám, přiznávám*), в окончаниях *ím / ým* прилагательных и местоимений в предл. (*druhým, tím šim, katastrálním*) и тв. п. ед.ч. (*ružovým, chemickým, lickým*), в окончании *-ům* в форме дат. п. мн. ч. существительных и субстантивированных притяжательных прилагательных (*problémům, vajíčkům, Kocábkovům, Sakovům*), в суффиксе *-ík(y)* в им. п. мн. ч. существительных (*d'oliky, králiky, knedlíky*). Нормативному окончанию им. / вин. п. ед. ч. ср. р. прилагательных *-é* соответствует разговорное окончание *-ý*, которое часто произносится с частичной редукцией: *zábavny, sladky, zhoubný*.

Некоторые примеры полного или частичного сокращения других окончаний, носящего уже спорадический характер: *koukaš, působí, moučnicku, umrtvení, na Habsburcích, dají, není*. Последнее из приведенных слов интересно тем, что, будучи абсолютно сокращенным на сегментном уровне, оно может получать продление на суперсегментном уровне, находясь в конце фразы (например в предложении *Oběd není[i]*). Такой парадоксальный факт отчетливо воспринимается носителями языка, поскольку краткий гласный *i* отличается от долгого не только по количеству, но и по качеству, будучи более задним и низким.¹⁴

Приведенные выше примеры позволяют сделать вывод о том, что редукция наблюдается прежде всего в самой слабой в динамическом и ритмическом отношениях позиции в конце слова. Особенно склонны к редукции окончания со звуком *m*, который, по-видимому, сам по себе является достаточным сигнализатором той или иной грамматической морфемы. Редукции в таких случаях способствует также тот факт, что

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Mistrova V. Kolik délek má mluvená čeština? // Češtinář 4, 11/2000-2001. S. 107-109.*

данные окончания не образуют фонологическую оппозицию по долготе с каким-либо другим окончанием. Однако и в случаях, когда сокращение приводит к омонимии (суффикс *-ik[y]* выступает у существительных женского, тогда как *-ik[y]* – мужского рода), гласные в разговорной речи сокращаются.

В чешском языке наблюдается также сокращение гласных в неконечных корневых морфемах (*říkam, podívala, povídala, vyřídím*), как и удлинение нормативно кратких гласных (*vzádu, kdepák, Havlíčková, Jirásková ulice*). Вокалическая система в отношении долготы / краткости достаточно расшатана.

3. В русском и чешском языках существуют аналогичные отклонения от орфоэпического произношения, но расцениваются они по-разному.

В русском языке все они характеризуются как разговорные, то есть допустимые в качестве вариантов в рамках КЛЯ. В чешском же, за исключением указанных немногочисленных случаев, аналогичные отступления характеризуются как нелитературные или стилистически сниженные. Такая разница в оценке обусловлена тем, что обсуждаемые отклонения по-разному соотносятся с динамико-ритмической структурой обоих языков: 1) нулизация гласных – это их абсолютная редукция (безударные гласные в КЧЛЯ не редуцируются); 2) выпадение согласных в заударных слогах – абсолютное ослабление наименее динамического элемента русского фонетического слова (в чешском динамика ударных и безударных слогов отличается весьма незначительно); 3) упрощение групп согласных – абсолютная артикуляционная ассимиляция (такой тип ассимиляции в силу относительно слабой коартикуляции в чешском встречается в минимальной степени). Обобщая, можно сказать, что в русском языке черты разговорной фонетики представляют собой утрированное проявление имманентных языковых явлений, тогда как аналогичные явления в чешском представляют собой нарушение / изменение внутренней системы языка.

Т. Н. Молошная (Москва)

ТИПОЛОГИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

В современном языкознании не угасает интерес к вопросам морфологии, о чем свидетельствует появление большого количества новых исследований, содержащих как конкретное описание морфологических фактов в различных языках, так и их теоретические интерпретации. Примером подобных исследований может служить книга известного лингвиста И. А. Мельчука «Курс общей морфологии», недавно вышедшая в русском переводе.

Нет сомнения, что наиболее актуальным является типологическое изучение морфологии. Оно предполагает в первую очередь систематизацию грамматических понятий с некоторым пересмотром традиционных трактовок основных общепризнанных морфологических категорий славянского глагола – категорий времени, наклонения, вида, залога, таксиса, пересказывания. Одновременно необходимо привлекать к рассмотрению под типологическим углом зрения и такие сравнительно малоизученные и далеко не всеми признаваемые грамматические категории, как результативность и репрезентация.

Если обратиться к категории наклонения в современных славянских языках, то окажется очевидным, что одной из ключевых проблем здесь является аналитическая форма глагола. В частности, исключение из состава аналитических форм императива большого количества словосочетаний с разного рода модальными служебными словами (типа рус. *пусть, давай*, пол. *niech*, чеш. *kéž, ať, necht'* и др.), служащих для выражения побудительной, запретительной и другой семантики, позволяет четко описать собственно морфологическую категорию императива. Ряд современных лингвистов показал, что в болгарском языке, в отличие от остальных славянских, кроме императивного и сослагательного (условного) наклонения, можно выделить еще одно косвенное наклонение – умозаключительное, или конклюдивное. В то же время так называемые пересказывательные формы в болгарском и македонских языках не составляют категориальную форму категории наклонения, это отдельная грамматическая категория глагола – категория пересказа, которая конституируется противопоставлением по признаку первичности или вторичности информации о действии. Подобно пересказательным формам, адмиратив и дубитатив, о которых было много споров в балканском языкознании, также не являются косвенными наклонениями. Скорее всего здесь следует видеть транспозицию категории пересказа.

Рассматривая категорию времени в славянских языках, необходимо делать различие между грамматической категорией времени и грамматической категорией таксиса (временной последовательности) как соотносящих действие, выраженное глаголом, с разными ориентационными моментами. Представляется убедительным и полезным предложение некоторых болгаристов выявлять во временных формах болгарского, македонского и сербохорватского глагола противопоставления грамматических значений по особой категории результативности, или актуализированности действия; это позволяет непротиворечиво осветить всю глагольную парадигму, в частности, устранить сложности при характеристике перфектных форм.

Для полноты представления системы глагольных категорий требуется решить вопрос о личных и неличных формах глагола. Разумно

рассматривать оппозицию «личные формы – инфинитив – причастие – деепричастие» как отдельную грамматическую категорию (категорию репрезентации действия). Проанализировав особенности этой категории и определив отношение к ней отглагольного существительного (с учетом вхождения или невхождения отглагольного существительного в парадигму глагола) в разных славянских языках, можно по-новому сопоставительно-типологически описать схему морфологических форм и грамматических категорий славянского глагола.

Важным для типологического изучения является также вопрос о связях между отдельными грамматическими категориями. Имеется в виду известное обстоятельство, что та или иная грамматическая категория регулярно выступает вместе с определенной другой грамматической категорией, в результате чего между грамматическими категориями глагола образуется своеобразная и достаточно сложная сеть отношений. Так, в русском и болгарском языках категория времени находится в специфических отношениях с категориями вида и наклонения (ср. совместимость несовершенного вида и несовместимость совершенного вида с настоящим временем в болгарском; неразличение категориальных форм времени в императиве и сослагательном наклонении обоих языков).

Н. К. Онипенко (Москва)

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РАЗНЫХ УРОВНЕЙ,
МАРКИРУЮЩИЕ КОММУНИКАТИВНЫЙ РЕГИСТР РЕЧИ**

1. Одним из направлений современной русистики является школа коммуникативной грамматики. Коммуникативная грамматика характеризуется антропоцентризмом, текстоцентризмом и объяснительной направленностью своей теории (см. Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998).

2. Основными идеями, позволяющими соединить системную грамматику и текст, в рамках теории коммуникативной грамматики являются: понятие коммуникативного регистра речи, модель субъектной перспективы текста и таксис как техника межпредикативных отношений в тексте.

3. Коммуникативным регистром речи названа модель речевой деятельности, обусловленная точкой зрения говорящего и его коммуникативными интенциями, располагающая определенным набором языковых средств и реализованная в конкретном фрагменте текста. Четыре регистра выделяются в соответствии с определенными модусами: перцептивный модус – репродуктивный регистр, модус знания, мнения и речи – информативный регистр, модус воли – волюнтивный регистр, модус эмоции – реактивный регистр. Пятый – генеритивный регистр

речи – характеризуется обобщенно-личным субъектом модуса, в котором не противопоставляются знание, мнение и воля. Два регистра существуют в двух разновидностях – статической и динамической; соответственно различаются репродуктивно-описательный и репродуктивно-повествовательный, информативно-описательный и информативно-повествовательный коммуникативные типы текстов. Таким образом собирается семичленная функциональная парадигма, на фоне которой исследуются конкретные грамматические объекты (категориально-семантические разряды слов внутри частей речи, морфологические категории имен и глагола, глагольные и именные синтаксемы, модели простого и сложного предложений).

4. Соответственно языковая система рассматривается в свете функциональных (текстовых, регистровых) возможностей значимых единиц разных уровней (от морфемы до сложного предложения). Тем самым подтверждаются или опровергаются, уточняются существовавшие до сих пор версии грамматической интерпретации единиц языка. Сама же значимая языковая единица из двухмерной превращается в трехмерную – триединство формы, значения и функции. Так, подтверждается, что изолированный именительный падеж в синтаксисе представлен четырьмя синтаксическими объектами: номинативным предложением в репродуктивном регистре, именительным темы – в информативном, обращением – в волюнтивном и вокативным предложением – в волюнтивном или реактивном регистрах.

5. В грамматической системе языка различаются единицы, не прикрепленные к конкретному регистру речи (располагающие большой функциональной парадигмой), и единицы, текстово обусловленные. Степень зависимости единицы от контекста определяется в терминах «свободный – обусловленный – связанный» для уровня лексем, граммем, уровня синтаксем и уровня моделей предложения. Свободные единицы характеризуются собственным, синтаксически не обусловленным категориальным значением, значительными морфологическими возможностями (словоизменением) и большой функциональной парадигмой. Свободные единицы организуют центр соответствующих подсистем языка (морфологической и синтаксической), обусловленные и связанные – периферию.

6. Для характеристики каждого из коммуникативных регистров интересны не столько свободные, центральные единицы подсистем, сколько периферийные, поскольку именно они маркируют регистр речи в тексте. Так, производные глаголы с суффиксом *-ировать* или существительные с суффиксом *-изм* оказываются невозможными в репродуктивном регистре, поскольку обусловлены модусом знания, а не перцепции.

7. Регистрово обусловленными оказываются так называемые переносные значения морфологических категорий, например, категории числа и категории склонения, а соответствующие синтаксемы маркируют коммуникативный регистр (например, множественное собирательное в сочетаниях типа *пойти в солдаты, взять в жены, глядеть в Наполеоны* или условное синтаксическое склонение в предложениях *Приди он на час раньше, застал бы меня дома*).

8. Особый интерес в этом отношении приобретают так называемые односоставные предложения: номинативные предложения маркируют репродуктивный регистр, обобщенно-личные – генеритивный, нечленимые междометные высказывания – реактивный.

9. Так называемые бытийные предложения с вербализованным глаголом *быть* в настоящем времени (*В деревне есть клуб, Русалки есть*) невозможны в условиях репродуктивного регистра и принадлежат информативно-описательному типу текста. Следовательно, наличие / отсутствие *есть* обусловлено не только семантикой модели предложения, но и коммуникативным регистром.

10. Синтагматически не обусловленная контекстуальная субстантивация прилагательных (*Смелого пуля боится*) маркирует генеритивный регистр речи, в котором «действуют» обобщенно-личные субъекты и время как категория «не работает». Этими же текстовыми условиями объясняется и употребление отадективных существительных в собирательном значении (*Безумство ищет, глупость судит*).

11. В докладе предполагается показать репертуар средств организующих один – генеритивный – регистр речи.

О. А. Остапчук (Москва)

**К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ПРОФИЛЕ
УКРАИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(НА ФОНЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ)**

В докладе предпринята попытка сопоставительного анализа типологических черт трех славянских литературных языков – украинского, польского и русского – в диахроническом аспекте.

Развитие национальных литературных языков в Польше, России и Украине происходило на протяжении XVI–XIX вв. в тесной взаимосвязи, однако на польской, украинской и русской этнической территориях данный процесс происходил асинхронно, причем переход от исходных дву- или полилингвальных ситуаций к моноязычным по преимуществу системам коммуникации происходил на основе реализации различных и нередко противоположных тенденций.

Польский литературный язык возникает как особый культурный идиом, основанный на народном языке, уже в XVI в., и к концу XVIII в. он имеет достаточно богатую литературную традицию, обслуживает практически все сферы общения, включая делопроизводство, юридическую документацию, область науки и образования, а также гомилетику и богослужебные тексты, и тем самым составляет серьезную конкуренцию латыни на всех уровнях коммуникативного пространства. В свою очередь полифункциональность языка способствует развитию различных его стилистических регистров и, вследствие этого, его стилистической дифференциации. Кроме того, литературный польский язык к XVIII в. приобретает значение общенационального, и после разделов Польши именно язык явился одним из факторов, обеспечивших сохранение этнической целостности страны.

В России серьезные изменения в языковой ситуации в пользу предоставления большей коммуникативной свободы национальному литературному языку происходят только в XVIII в. Переломной в этом отношении стала эпоха Петра I, способствовавшая развитию литературного русского языка как языка светской культуры. На протяжении всего XVIII в. продолжается конкуренция нового культурного идиома в духовной сфере с церковнославянским языком, а в сфере делопроизводства – с традиционным «приказным языком», идет разработка системы норм, стилей и жанров, а также закрепление ее в рамках литературной традиции и в речевом общении. Окончательное становление нового русского литературного языка большинство исследователей относит к 10–20-м гг. XIX в., когда он начинает в полной мере соответствовать требованиям полифункциональности, общезначимости, кодифицированности и стилистической дифференциации.

Формирование украинского литературного языка на ранних этапах происходило под непосредственным влиянием культурно-языкового опыта Польши. В украинских землях к XVII в. складывается языковая ситуация, которая может быть охарактеризована термином **полилингвизм**: в одном культурно-языковом пространстве сосуществуют церковнославянский и староукраинский книжный язык («проста мова»), а также польский и латынь. Конкуренция между ними реализуется по-разному в зависимости от уровня коммуникативного пространства и функциональной сферы, причем границы культурной и коммуникативной компетенции языков являются довольно подвижными: довольно часто даже внутри одного и того же памятника обнаруживаются фрагменты, написанные на разных языках. Особое значение имело здесь соперничество церковнославянского языка и «простой мовы» – нового культурного идиома, развившегося не без влияния польского опыта создания национального литературного языка. «Проста мова» явилась про-

дуктом синтеза элементов живой разговорной речи и генетически разнородных стилистических и лексических элементов (церковнославянских, польских, латинских). И хотя «проста мова» не являлась полноценным литературным языком как в силу недостаточного уровня ее кодификации, так и по причине общей стилистической неустойчивости и неполноты охвата коммуникативных сфер, она обслуживала довольно значительный набор стилевых и жанровых разновидностей текстов, включая научные трактаты, духовную – полемическую и гомилетическую – литературу и произведения светского характера (исторические повести, летописи, интермедии). Появление первых переводных словарей с толкованием церковнославянских – «темных», «непонятных» – слов на «простой» язык положило начало кодификации формирующегося книжного языка, однако этот процесс не был завершен.

Начиная с середины XVII в. сдерживающее влияние на развитие украинского книжного языка и превращение его в общенациональный литературный язык оказывала разорванность книжной традиции Левобережья и Правобережья. В то время как на левом берегу Днепра наблюдается явная тенденция к демократизации книжного языка, о чем свидетельствуют, в частности, рукописные исторические сборники XVIII в., на Правобережье «проста мова» все дальше отходит от живой речи, постепенно «славянизируется» и существенно сокращает сферу своего функционирования. В свою очередь на Левобережье происходит литературная обработка народной речи, которая начинает функционировать в качестве одного из языков культуры в низшем регистре. Процесс создания национального литературного языка на народной основе активизируется в 30–40-е гг. XIX в. и осуществляется в соответствии с господствовавшей в то время в Европе идеологией романтизма. К этому же времени относятся первые попытки нормализации нового украинского литературного языка: создаются грамматические описания, словарики. Параллельно предпринимается ряд попыток реформирования орфографии с целью ее приближения к реальному произношению.

Анализ развития национальных литературных языков в Польше, России и Украине приводит к выводу о различном типологическом характере новых литературных языков. Если общая динамика языковой ситуации может быть представлена как путь от (би-)полилингвизма к созданию собственных национальных языков, то переход к новой культурно-языковой ситуации осуществлялся в каждом случае по-разному. Каждый из языков в разное время (польский еще в XVI в., русский – в XVIII в, украинский – дважды, в XVII и XIX вв.) оказывался перед выбором: сохранить ли старую культурно-языковую традицию, приспособив ее к новым условиям, или, оттолкнувшись от нее, противопоставить ей новый культурный идиом. От решения этого вопроса зависит опре-

деление типа формирующегося национального литературного языка. В Польше литература на новом народном языке развивается как альтернатива латинской письменной культуре с последующим вытеснением латыни из коммуникативного пространства. Русский литературный язык развивается на базе церковнославянского языка, освященного культурной и церковной традицией, через насыщение исходно чуждого (южнославянского в своей основе) языка элементами живой разговорной речи с дальнейшим распределением генетически разнородных лексических элементов по разным функционально-стилевым нишам. Таким образом, оппозиция церковнославянский : русский литературный язык постепенно трансформируется в противопоставление функционально-стилевых регистров, позже – в разграничение «книжных» и нейтральных элементов в рамках единого национального литературного языка.

Украинский литературный язык в разные периоды своего развития демонстрирует приближение то к польской, то к русской модели формирования национального литературного языка. Если согласиться с данной целым рядом исследователей характеристикой украинского литературного языка как развивавшегося с перерывом книжно-литературной традиции¹⁵, мы вынуждены признать, что тем самым украинский язык является исключением из установленной Н. И. Толстым закономерности, согласно которой в православном культурно-историческом ареале с базовым церковнославянским языком действует тенденция развития литературного языка без такого перерыва¹⁶. Модель развития национального литературного языка с использованием интерлингвальной компоненты (в данном случае не только южнославянской, как в русском, но и западнославянской) оказалась непродуктивной для Украины. «Проста мова», возникшая как реализация идеи о демократизации языка, в силу мобильности функционально-стилистических границ из-за обилия латинизмов, полонизмов и церковнославянизмов постепенно превращается в макаронический язык и выходит из употребления. Вслед за этим в XIX в. вновь возрождается идея «простого» языка, в терминологии того времени – «живого народного» языка, которая и была положена в основу нового украинского литературного языка.

¹⁵ Журавлев В. К. Социально-экономические и культурно-исторические параметры формирования национальных литературных языков // Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. М., 1998. С. 7-21; Горбач Олекса. Генеза української мови та її становище серед інших слов'янських // Фенікс. 1961. Зош. 10; Shevelov G. Die Ukrainische Schriftsprache. 1798-1965. Wiesbaden, 1966.

¹⁶ Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 20.

Таким образом, постулируемое в целом ряде работ наличие перерыва в развитии украинского литературного языка есть не что иное, как изменение модели формирования литературного языка. Попытка развития украинского книжного языка без перерыва письменной традиции – на базе церковнославянского языка – была предпринята деятелями так называемого «москвофильского» движения в Галиции, способствовавшими созданию так называемого «язычия» – церковнославяно-украинского гибрида с русскими и польскими элементами, который в конце XIX – начале XX в. использовался в украинских землях Австро-Венгрии в книгоиздании и школе. Однако в результате победила другая тенденция, ориентированная на культурную фиксацию живой разговорной речи, противостоящей одновременно и церковнославянскому, и русскому языкам. В результате новый украинский литературный язык оказался по своему типу ближе к литературным языкам латинского круга культуры, в частности, к польскому, развивавшемуся как альтернативный по отношению к традиционному языку культуры – латыни.

О. С. Плотникова (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛЕКТНОЙ ДИФТОНГИЗАЦИИ ВОКАЛОВ В СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Дифтонгизация долгих вокалов считается одним из наиболее ранних фонетических процессов (предположительно XII в.), обусловивших диалектную дифференциацию словенского языка. Большинство современных словенских диалектов характеризуются монофтонго-дифтонгическими системами долгого вокализма. Монофтонгические системы, в частности, гореньская, отраженная в современном литературном языке, являются результатом позднейшей монофтонгизации дифтонгов. Начальным этапом процессов дифтонгизации была дифтонгическая рефлексация ударного \ddot{e} и \ddot{o} под циркумфлексной интонацией, давшая ареалы с двумя типами дифтонгов ie , io (северо-запад) и $e\ddot{i}$, $o\ddot{u}$ (юго-восток). В дальнейшем этот процесс охватил большинство долгих фонем, восходящих к разным праславянским вокалам, в том числе и к носовым. Прежде всего дифтонгируются гласные среднего рода и среднего подъема. Дифтонгизация \ddot{u} , \ddot{i} территориально ограничена, напр., дифтонги $i\ddot{i}$, $e\ddot{i}$ < \ddot{i} представлены на северо-востоке в паннонской группе диалектов. Состав дифтонгов по диалектным зонам весьма разнообразен. Так, \ddot{e} в позиции неконечного слога под старым акутом наряду с монофтонгами представлен дифтонгами $i\ddot{.}$, ie , $i\ddot{e}$, $e\ddot{a}$, $e\ddot{i}$, $e\ddot{i}$, $\ddot{a}i$, $a\ddot{i}$, $a\ddot{e}$, $o\ddot{i}$.

Актуальной проблемой представляется выявление причин развития разных типов дифтонгов, восходящих к одному вокалу, в идентич-

ных позициях. Такие причины усматривают в несовпадении артикуляционных признаков территориальных континуантов исходного вокала (напр., узкий, широкий), во влиянии интонации (Ф. Рамовш), в особенностях внутрисистемных отношений в рамках формирующихся диалектных подсистем долгого вокализма (Я. Риглер).

Проведенный нами анализ типов дифтонгов в парадигмах лексем *kolnj*, *otrolk* (материалы картотеки «Словенского лингвистического атласа») позволяет предположить, что дифтонги с восходящей звучностью (тип *uo*) и нисходящей звучностью (тип *u≈o*) отражают хронологически разные этапы одного и того же процесса, в основе которого лежит тенденция к сужению нового долгого вокала. Особый интерес представляют зоны с рецессивным ударением в лексеме *o trok*, репрезентирующих этапы изменения дифтонга *uo* > *u≈o* > *wo* > *vo*.

Дифтонгизация вокализма характеризует или характеризовала раньше ареал славянских языков с длительным сохранением долгих гласных с возможной по зонам дальнейшей фонологизацией квантитативных признаков гласных. В этот ареал входят сербско-хорватские регионы с дифтонгизацией ё, чешский, словацкий, польский, украинский языки и северные говоры русского языка. Отметим, что именно с этими языками и диалектами словенский язык объединяет наибольшее число общих изоглосс.

А. А. Поликарпов (Москва)

ЗАВИСИМОСТЬ СОХРАННОСТИ ОБЩЕСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ ВО ВРЕМЕНИ ОТ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ВОЗРАСТА СЛОВ

1. Задачи и объект исследования. В настоящей работе ставится задача исследовать закономерности сохранности общеславянских слов во времени в зависимости от их двух характеристик – частеречной принадлежности и возраста. Исследование проводится на материале «Этимологического словаря славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачева (1-5 тома, 2794 лексических единиц) с помощью построения и анализа базы данных на основе электронных таблиц EXCEL97.

2. Теоретические предпосылки исследования. Глоттохронологическая модель М. Сводеша основывается на допущениях о (1) равенстве всех слов базового словаря в скорости распада (скорости сменяемости новыми единицами) и (2) постоянстве средней скорости распада базовых словарей всех языков. Несправедливость первого допущения была показана еще в работах Э. Лиза и А. Дайэна 50–70-х гг. прошлого столетия, а второго – в работах М. Фогта, И. Фодора и др. Однако объяснения этому феномену не было предложено.

В пределах модели жизненного цикла слова (далее МЖЦС) [Поликарпов 1994–1995; 2001; Polikarpov 1993; 1998] выдвигается положение о принципиальном неравенстве всех слов языка по степени их сохранности во времени и о принципах подобного неравенства. Во-первых, предлагается понимание зависимости средней степени сменяемости (несохранности) слов от таких языковых характеристик, как строй языка (относительно синтетический / аналитический), возраст слов, величина полисемии, принадлежность слова к определенной грамматической категории (часть речи и т. п.), морфемная длина слова, частотность употребления и т. д. Во-вторых, предлагается понимание неравенства различных смыслов (понятийных областей) по их предрасположенности к той или иной степени сменяемости покрывающих их знаковых обозначений. В частности, чем более конкретным или субъективным (экспрессивным, связанным с эмоциональной сферой человека) является данный смысл, тем чаще он переобозначается.

3. Задачи исследования. Применительно к материалу, представленному в «Этимологическом словаре славянских языков», на основе МЖЦС мы выдвигаем и проверяем следующие две гипотезы:

1) чем древнее слово было в общеславянском языке, тем большей степенью сохранности оно должно обладать (т. е. общеиндоевропейские слова должны лучше сохраниться в современных славянских языках, чем общеславянские);

2) чем более абстрактной категориальной семантикой обладает слово, тем лучше оно должно далее сохраняться (прилагательные и глаголы лучше существительных, служебные слова лучше знаменательных и т. п.).

Сохранность слова будет определяться нами по тому, в каком количестве современных славянских языков (из 11) оно сохранилось к настоящему времени.

4. Результаты. Полученные нами результаты (см. рис. 1 и 2) в целом подтверждают выдвинутые нами гипотезы.

В. К. Радзиховская (Москва)

**ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
(Функционально-семантическое поле взаимности
на материале поэзии Л. Е. Керна)**

1.1. Поэтическая речь для лингвистики представляет особый интерес, потому что в лучших своих образцах поэзия максимально проявляет возможности языковой формы как в плане содержания, так и в плане выражения, что также важно для лингводидактики в силу иллюстративной выразительности поэзии.

1.2. В стихотворной речи особенно ярко проявляются квантовые свойства языковых форм, поскольку она представляет собой совершенное оформление мыслительного содержания.

Рис.1.

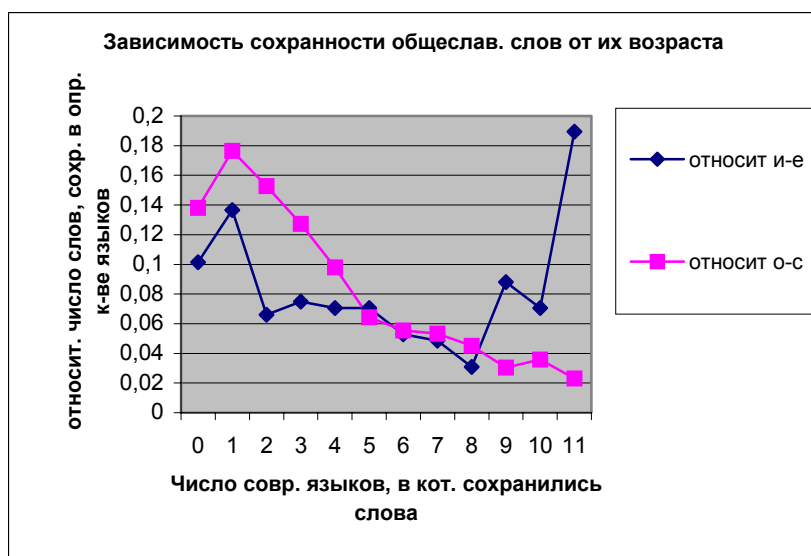
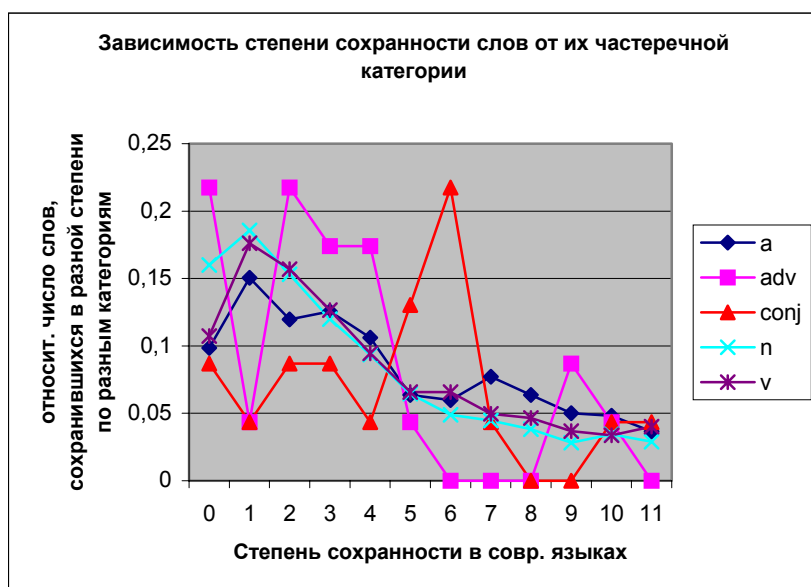

Рис.2.

Квантовые свойства языковых форм – это их способность находиться в состоянии осмысленной (устойчивой) подвижности. Благодаря своей способности *обозначать* и относительно *устойчиво значить* (*предсцировать* [1], т. е. удовлетворять формуле отождествления: «это есть это») [1, 2]) и при этом *варьироваться* (*абerrировать* [2], т. е. подводиться под формулу различения «это есть не это», «это есть не совсем это», «это есть совсем не это» [2]¹⁷), языковые формы органично входят в механизм мысле-рече-языкового образования.

Целенаправленно скоординированная структурно организованная поэтическая речь сама выявляет квантовую природу мысле-рече-языкового действия в его особом состоянии, когда мыслительная готовность рождает складную речь.

1.3. К поэтической речи предъявляются повышенные требования, что выражается в ее качественно-количественной характеристике: при минимальном использовании материальной стороны языка, укладываемой в ритмические лады, максимально выявляется содержательная сторона речи – «необходимое слово сжато» (А. Вознесенский).

Поэтическая речь дает уникальные примеры в области варьирования языковых форм, очерчивая таким образом семантические поля языковой структуры.

2. Функционально-семантическая категория (поле) взаимности [4] как языковая категория в сопоставительном плане на материале русского и польского языков обнаруживает контрасты:

1) по отношению к русскому языку – в системе сопоставимых средств: возвратных форм глагола [5, 6], возвратного местоимения (*себя* – *siebie*), взаимного местоимения [5] (*друг друга* и его польского эквивалента *jeden drugiego*, видимо, также формирующего парадигму: *jeden drugiego, jeden drugiemu...jeden przez drugiego, jeden za drugim*), синтаксических параллельных конструкций, реализующих реципрокное действие [7], и контекстных квалификаторов (*взаимно* – *nawzajem*) – в польском языке, как кажется, больший вес падает на возвратное местоиме-

¹⁷ Такой подход разрабатывает А. Ф. Лосев, в сущности выявляя квантовые свойства языковых форм; в работе «О коммуникативном значении грамматических категорий» он описывает их также как взаимодействие логического и грамматического в языке, различая «два типа интерпретаций, один – предельный и другой – приближенный» [3, с. 200]. Предельный – это в нашей терминологии выступающий в позиции жесткого предсцирования, приближенный – выступающий в позиции относительно свободного абerrирования, отклоняющийся. «Ясно, что обыденная речь, очень часто далекая от логической и математической точности, конечно, оперирует большей частью актами приближенной интерпретации...» [3, с. 200].

ние; оно хотя и требует для передачи взаимного действия соответствующего контекста (*zaimek, wyrażając wzajemność, odnosi się nie do jednego podmiotu, ale do większej ich liczby* [6] – *Wywamy u siebie: on u siebie, ja u siebie*), но оказывается «мобильнее» по сравнению со словообразовательными формами, лексически ограниченными, и экономнее аналитического выражения субъектов взаимного действия взаимным местоимением (*jeden drugiego*), таким образом более свободно давая полную парадигму падежных форм для передачи значения взаимного действия;

2) местоименное выражение *jeden drugiego* отличается от его русского функционального эквивалента *друг друга* тем, что соединяется с формой единственного числа глагола: *Jeden drugiego starał się prześcignąć* – *Они старались обогнать друг друга* (букв. *Один другого старался обогнать*); взаимное местоимение в польском языке проявляет себя активнее на периферии падежных значений – в обстоятельственных позициях: *jeden przez drugiego* ‘друг из-за друга’, *jeden po drugim* ‘друг после друга’, *jeden za drugim* ‘один за другим’ (и ‘друг о друге’); нежели в центре” [9, стр. 147]. Такой подход позволяет выявлять познавательно-ориентирующую функцию, осуществляемую языковыми формами, и соответственно сравнивать их.

3) во многих конструкциях при выражении взаимного действия отношения субъектов в польском языке по сравнению с русским представляются более выровненными: *żenić się z kim* – *жениться на ком*, *wygrać z kim* – *выиграть у кого*, *przegrać z kim* – *проиграть кому*. Естественно, встречаются и обратные случаи: *prościć się s kom* – *поżegnać kogo*.

3. Различия в языковой структуре, конечно, сказываются на содержательной стороне речи, что обнаруживается при сравнении текстов переводов, но не они определяют различия в содержании, так как «язык есть форма, а не субстанция» [8]. Сравнимыми могут быть только формы, использующиеся в определенной аналогичной функции. Функциональная целесообразность использования языковых форм есть тот момент, который делает сопоставимыми языковые формы независимо от их этимологии. «Сравнительным материалом являются не языковые формы, их фонетическая субстанция и морфологические элементы (как в компаративистике), а типы языковой реакции на внешнее раздражение людей, говорящих на разных языках, а также типы трансформаций, которым подвергаются элементы впечатлений в процессе их синтеза в мозговом центре» [9, с. 147]. Такой подход позволяет выявлять познавательно-ориентирующую функцию, осуществляемую языковыми формами, и соответственно сравнивать их.

Сравнение языковых форм по **функциональной целесообразности** расширяет базу сравнения, вовлекая в нее этимологически не сопоставимый материал, дает иной результат живого соотнесения языковых форм, позволяет обратиться к уникальным образцам поэтической речи.

Культура мышления XX века, овладевшая тайной квантовой природы всего живого и неживого, обнаружила в ней механизмы сближения, взаимопонимания разноязычного мира, способы понимания новаторского поэтического творчества [10].

4. Мастер художественного слова, работая с языковым материалом, обдумывает и суть феномена языковых реалий (точнее, феномена мысле-рече-языкового образования) – не случайно мы ценим высказывания писателей о языке и речи – и наблюдает живые явления речи:

Kiedy słyszę tę młodą ferajnę,
To wszystko u nich jest *fajne*.

(L. J. Kern, Właściwe słowo na każdą okazję)

Он может также экспериментировать сам:

Do sobaczenia w przyszłym roku!
(Mokry bilans)

Z dziećmi Marylka na wczasy pojechała po zdrowie,
A ja zostałem w domu,
Jak ten **Penelop** w Krakowie.

(Penelop)

Факты реальной жизни слова в художественных текстах являются наиболее выразительными. Покажем это на примере функционально-семантической категории взаимности, обратившись к текстам стихов Л. Е. Керна.

Представим организацию семантического поля функционально-семантической категории взаимности [11]. Речь, речевое действие (точнее мысле-рече-языковое действие) составляет семантический центр поля взаимного действия, как наиболее полно и во всей нюансировке проявляющее все признаки взаимного действия. Мастер художественного слова, работая с языковым материалом, обдумывает и суть феномена языковых реалий.

Wieczór taki spokojny
Milutka atmosfera
I nagle ni stąd ni zowąd czuję cholera, że coś zamiera...
To zamiera piękna sztuka rozmowy.

(Smierć w kręgu rodziny)

Взаимное действие, обусловленное отношениями имущественного владения:

My się w całą tę zabawę
Głupio wciągnąć dajem,
Różne zbędne sobie rzeczy kupując nawzajem.

(Parada prezentów)

Взаимное моторное действие:

I tylko ci, co lasu nie mają pod nosem,
A czują do biegów wolę boską,

Biegają po prostu ulicą Piotrkowską, albo też
Marszałkowską.
Współzawodniczyć wtedy mogą, mówiąc między nami,
Z autobusami miejskimi,
Z autami,
Z tramwajami.

(Biegaj razem z nami)

5. Поэтическая речь сатирика и юмориста очерчивает границы категории взаимного действия, показывая невозможное, вскрывая тем самым механизмы реализации значения взаимного действия:

Idąc za wielkim uczuciowym głodem
I zrywając z niemodną pruderią,
*Pan będzie brał ślub z ukochanym samochodem,
A pani, na przykład, z uwielbianą biżuterią.*

(Pruderia adieu!)

Wszystkim daje się napiwki, tylko nie poetom.

(Niedomyślni)

Kariere dzisiaj robi

Mona Liza.

(Jeden uśmiech)

Тем самым раскрываются все признаки, характерные для «живых» – сложных саморегулирующихся систем [10]: квантованность (членимость на наименьшие части, сохраняющие свойства целого), открытость (необходимая для взаимодействия, для восприятия речи, понимания стиха), динамическая разнородность составляющих систему частей (квантов), нелинейность, иерархичность организации такой системы (целое не есть механическая сумма составляющих его частей), самосогласованность по предидирующей позиции (в допустимых границах аберрации, здесь поэтической) в силу функциональной целесообразности, способность развиваться (разрешаться, восприниматься) путем преодоления катастроф, альтернативность и эвристичность путей развития (разрешения катастроф: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»).

Литература

1. Лосев А. Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы / Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. – М.: «Наука», 1989. – с.5-92.

2. Кирьянов А. П., Радзиховская В. К. Квантовая модель предикативности / аберративности в языке как проявление когерентности / некогерентности в сложной макросистеме // Междуведомственный сборник «Оптические поля и оптические методы обработки информации». М., 1991. С. 94-100.

3. Лосев А. Ф. О коммуникативном значении грамматических категорий // Статьи и исследования по языкознанию и классической филологии. – Ученые записки МПГИ им. В. И. Ленина. М., 1965. С. 196-231.
4. Радзиховская В. К. Оценка как способ определения семантических полей // Семантика языковых единиц. Доклады V Международной конференции, т. 1. М., 1996. С. 32-35.
5. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
6. Wilczewska K. Czasowniki zwrotne we współczesnej polszczyźnie Towarzystwo Naukowe w Toruniu. Prace Wydz. Filol. Filozof., tom XVII, zeszyt 3, 1966.)
7. Храковский В. С. Диатеза и референтность Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1984.
8. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 7-286.
9. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.
10. Кирьянов А. П., Радзиховская В. К. Квантовая парадигма как основа познания общности свойств физических, психических и социальных отношений // Новые технологии (образование и наука). М., 2000. С. 111-121.
11. Радзиховская В. К. Функционально-семантическая категория взаимности: структура, содержание, объём // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции, т. II. М., 1998. С. 39-41.

Е. Н. Руденко (Минск)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЧЕШСКОГО ЛЕКСИКОНА В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ

Чешский литературный язык издавна является хрестоматийным примером языкового пуризма. Насколько верна эта характеристика сегодня? Для ответа на этот вопрос может быть полезно исследование какого-либо из современных чешских социальных диалектов.

Для обозначенной цели исследования особенно интересен подъязык информационных технологий – благодаря широкому кругу пользователей (с этой точки зрения он вряд ли может рассматриваться как профессиональный социальный диалект) и его динамичности. Его развитие позволяет наблюдать, объяснять и в какой-то степени прогнозировать тенденции изменения языка в целом, т.е. сегодняшнее состояние компьютерного подъязыка (насколько возможно получить его «моментальное фото») есть своеобразное зеркало, редуцированная модель языковой диахронии, причем эта диахрония разворачивается в рамках одного поколения и может быть прослежена глазами наблюдателя того же

поколения. В частности, компьютерный подъязык демонстрирует наиболее продуктивные способы пополнения словарного запаса.

Из существующих в языках мира способов номинации – морфемная деривация, семантическая деривация, образование несвободных сочетаний, заимствование – в подъязыке информационных технологий можно встретить все. Так, в нем используются:

- заимствования (рус. *утилита* ‘вспомогательное средство, дополнительная программная возможность при пользовании компьютером’, *стример* ‘магнитофонное устройство, записывающее информацию с компьютера’, *спам* ‘насильственная выдача информации без запроса со стороны пользователя (часто о рекламе)’; чеш. *font* ‘шрифт’, *mod* ‘режим работы операционной системы’, *kompatibilita* ‘совместимость’ и мн. др), причем они, как правило, сразу подчиняются морфологическим законам языка-реципиента, т. е. склоняются по формальному соответствию той или иной модели, становятся базой нового словообразовательного гнезда и т. д. Однако возможны и неосвоенные заимствования, например чеш. *abgrade* ‘модернизация компьютера’. Сюда же следует отнести и заимствования в новых значениях ранее уже заимствованных слов (рус. *винчестер*, чеш. *virus*) и заимствования дериватов ранее заимствованных слов (рус. *дискета*, *процессор*, чеш. *disketa*, *procesor*);

- разные виды калек, например семантические (рус. *сеть*, чеш. *muž*), словообразовательные (рус. *маршрутизатор* – англ. *rout* ‘маршрут’, *router* ‘маршрутизатор’), чеш. *počítač* (англ. *computer*, *compute*, нем. *Rechner*, *rechnen*);

- разные виды морфемной деривации, в том числе и сложений. Распространены аффиксальные образования от заимствованных корней: рус. *сканировать*, *онлайновый*, *(но)юзать*; чеш. *aplikační*, *modulační*, *softwarový*, *formatování*. Аббревиатуры в большинстве своем используются без перевода: URL (Universal Resource Location, термин Интернета), BBS (Bulletin Board System, локальная информационная система, реализуемая при помощи модемной связи). Аналогичным образом сложения часто включают иноязычные основы разной степени освоенности: рус. *дискковод*, *веб-дизаит*, *real-time-эффект-процессор*; чеш. *pen-based*, *fax-modemový*, *databazový*, *cache paměť*, *videopaměť*. В русском языке нередки уникальные образования (*руглиш* от *русский English* ‘способ написания e-mail-сообщений на русском языке латиницей’) и модели *Рунет* – *русский Интернет*, ср. расширение российских интернет-сайтов и электронных сообщений, а также соответствующее белорусское расширение *бу*). В чешском языке аналогичные композиты чаще оформляются как словосочетания – собственные, заимствованные, калькированные или комбинирующие названные элементы (см. ниже). В русском языке спо-

соб написания заимствования, деривата от иноязычной основы или сложения свидетельствует о степени их освоенности, например, периодические компьютерные издания последовательно отражают изменение написания: web-master – *web-мастер* (*Web-мастер*) – *веб-мастер* – *веб-мастер*, а в последнее время даже неологизм *веб-подмастерье*. Таким же образом изменилось и название Internet (несклоняемое) – Internet (склоняемое: в Internet'e) – Интернет (несклоняемое) – Интернет (склоняемое), а радикалы из среды компьютерщиков уже начали писать это слово со строчной буквы;

- разные виды семантической деривации: русск. *стравливать* (информацию), *ушки* ‘рекламные вставки на страницах Интернета’; чеш. *soubor* ‘файл’ и др., причем случаи семантической деривации на исконной почве достаточно сложно отличать от семантических калек;

- образование несвободных сочетаний (русск. *технология доступна*, чеш. *znaková sada* ‘шрифт, набор символов’), часто включающих заимствования разного времени, а также калькированные (рус. *жесткий диск* от англ. *hard disk*; чеш. *horké klávesy* от англ. *hot keys*).

Каково соотношение разных способов пополнения словарного запаса в чешском и русском языках? Насколько активно задействованы ресурсы других языков при формировании новой лексики? Каково соотношение исконных способов номинации и разных видов заимствований и калек в каждом из рассматриваемых языков?

В качестве исследуемого материала были привлечены тексты научно-популярных изданий на русском и чешском языках, а также данные специализированных чешско- и русскоязычных сайтов и чатов в Интернете. Критерием отбора исходного материала послужил именно принцип ориентированности на максимально широкий круг пользователей. Не рассматривались материалы и данные по собственно компьютерному сленгу и специализированным текстам. Способы номинации, используемые в компьютерном жаргоне (в узком значении этого термина), несколько иные, чем в подязыке информационных технологий как форме существования литературного языка, причем русские отличаются от чешских. Это, однако, может быть предметом отдельного исследования. Что же касается специализированных текстов по информационным технологиям, то здесь прослеживается тенденция, характерная для любого научного дискурса: чем более специальным является текст, тем больше в нем разного рода заимствованных элементов.

В нижеследующей таблице приведены данные по разным способам номинации в русском и чешском языках. Подсчеты сделаны исходя из среднего количества образованных тем или иным способом слов на сто слов текста.

Способ номинации	рус.	чеш.
Аббревиатуры (на основе заимствований)	12	6
Неадаптированные заимствования	1	3
Адаптированные заимствования	12	6
Кальки	2	4
Устойчивые сочетания (заимствованные или калькированные)	2,5	3
Дериваты от заимствований	6	6
Всего	35,5	28

Из таблицы следует, что русский язык активнее привлекает ресурсы других языков (в первую очередь английского) для формирования новой номинативной сферы, однако пуризм для современного чешского языка вряд ли можно считать реальной тенденцией: практически треть лексики текстов, посвященных информационным технологиям, имеет заимствованный характер.

Даже при первом взгляде на русскоязычные тексты такого рода видно, что в них преобладают заимствования, преимущественно освоенные, например: «Информация (давно освоенное заимствование) может стравливаться вашим интернет-браузером (освоенное заимствование) при помощи cookies (неосвоенное заимствование) недобросовестному администратору (давно освоенное заимствование) интернет-сайта (освоенное заимствование) или провайдера (освоенное заимствование). Для того чтобы подтвердить данное предположение, система (давно освоенное заимствование), состоящая из файрвола (освоенное заимствование) и логгера (освоенное заимствование), должна поработать некоторое время с браузером (освоенное заимствование)...» («Компьютерные вести» 19.11.2000).

В чешском компьютерном подязыке чрезвычайно распространено параллельное употребление заимствования и собственно чешского слова (*průnikář* = *hacker* ‘хакер’, *slučitelnost* = *kompatibilita* ‘совместимость’) или несвободного сочетания, причем оно далеко не всегда является калькой или содержит заимствованные элементы (*kreslicí plocha* = *grafické pole*, *souřadnicový zapisovač* ‘плоттер’). Например: *Se stejným problémem* (давно освоенное заимствование) *se potýkali konstruktéři* (давно освоенное заимствование) *minipočítačů* (интернациональный корень + калька) *a mikropočítačů* (интернациональный корень + калька), *když navrhovali systém* (давно освоенное заимствование) *vzájemného propojení jejich modulů* (освоенное заимствование)... *na jedinou centrální dálnici, sběrnici neboli bus* ‘С той же проблемой столкнулись конструкторы миникомпьютеров и микрокомпьютеров, которые предложили систему взаимного соединения их модулей... посредством единого центрального магистрального канала – шины, или bus’ (Encyklopedie o počítačích. Praha 1993).

А. В. Савченко (Санкт-Петербург)

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ
В АСПЕКТЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ
(на материале произведений Вен. Ерофеева и Й. Шкворецкого)**

... и не то что слова эти не имеют ни цвета, ни вкуса, ни запаха, а сами эти обороты холостые, как у нового агрегата Саяно-Шушенской ГЭС.

(Вен. Ерофеев. Из записных книжек)

Одним из свойств языка художественного произведения является его способность впитывать, сохранять и доносить до потомков некоторые характерные черты и особенности языка определенной исторической эпохи.

Наша работа посвящена некоторым особенностям функционирования отдельных языковых единиц, свойственных конкретному историческому периоду развития общества, в структуре художественного произведения. Анализ будет основываться на примерах из произведений русского писателя Вен. Ерофеева («Записки психопата») и чешского писателя Й. Шкворецкого («Tankový prarog»). Под *фразеологическими идеологемами* мы понимаем устойчивые сочетания, речевые клише и штампы, вошедшие в употребление и ставшими расхожими в период «строительства развитого социализма» в СССР и ряде стран так называемого соцлагеря. Рассматривая ФИ в структуре художественных произведений нельзя, на наш взгляд, обойтись без ставшего популярным на сегодняшний день понятия *интертекстуальность*. Трактовки данного явления хотя и различны, однако общим для большинства исследователей является понимание интертекстуальности как совокупности меж- и внутритекстовых отношений, включающих вновь создаваемый текст в общую цепь мировой культуры, соотносящий этот текст с предыдущим культурным опытом, а также способствующих экстралингвистическому расширению смысла текста.

Таким образом, цель работы может быть определена как анализ использования авторами в художественных текстах ФИ в качестве одного из экспрессивно-выразительных средств, способствующих созданию известного рода «игры» стилей и способных придать произведению «колорит времени».

«Записки психопата» Ерофеева представляют собой подобие дневника, в котором отражены личные впечатления и чувства героя на фоне существующей политической и идеологической системы. Клишированные выражения-штампы, встречающиеся в тексте, имеют сходную природу: все они принадлежали к так называемому *идеологическому*

аппарату, функционировали в широкой сфере *агитпропа*. Пример из «Записок»: «С первых чисел марта предприимчивому от природы Ерофееву явно наскучило бесплодное «намечание перспектив», – и он предпочел приступить к действию. В середине марта Ерофеев тихо запил. В середине марта не менее тихо закурил».

Некоторые клише-идеологемы использовались в качестве обозначения существовавших «эпохальных» реалий: «Я воспроизвожу мысленно фотографию последнего номера «Московской правды»... обмороженные и тем не менее улыбающиеся физиономии... Проклинаю мороз и разуверяюсь в правдивости социалистической прессы». В некоторых случаях Ерофеев обыгрывает штампы: «Одни пытались перепилить ножом каменную шею Венеры Милосской, другие выкрикивали антисанитарные лозунги». Автор прибегает к трансформации устойчивого сочетания за счет смешения двух разных штампов, достигая тем самым большего комического эффекта (ср. *антисоветские лозунги* и *антисанитарные условия*).

Ярчайшим проявлением фразеологических идеологем были бесчисленные и самые разнообразные лозунги, призывы, воззвания и т. п. Пример из Ерофеева. «Да здравствует великий наш народ – строитель коммунистического отечества!» Подобные клишированные выражения идеологического характера существовали не только в русском языке. Такие выражения активно «импортировали» языки стран, входивших в единый социалистический лагерь. Главную роль в этом процессе безусловно играл русский язык, что можно проследить на ряде примеров из романа чешского писателя Й. Шкворецкого «Танковый батальон».

Действие романа разворачивается в одной из частей Чехословацкой Народной армии, где, помимо непосредственно военной, активно велась морально-политическая подготовка военнослужащих. Язык агитпропа Чехословакии калькировал расхожие обороты советского идеологического аппарата. Пример из текста: «*Kárejte soudruhy za používání sprostých slov, ukazujte jim, že to jsou přežitky minulosti...*» В данном случае калькируется выражение *пережитки прошлого*, весьма распространенного в первые годы советской власти. К числу идеологических калек мы можем отнести еще одну – *геройская (героическая) смерть*. Этот оборот был популярен в советской публицистике и пропаганде. В тексте романа эта калька является дополнительным средством создания иронии: всеми ненавидимый офицер нелепо погибает (в мирное время), провалившись в канализацию: «*Ale Malinkatý ďábel nepočkal na hrdinnou smrt*».

Как и у Ерофеева, в тексте Шкворецкого встречаются многочисленные лозунги и воззвания. Вот лишь один такой пример: «*Krvavými písmeny tam stalo: KUPŘEDU ZA VYSOKOU IDEOVOST! KUPŘEDU ZA VLAST! ZPÁTKY NI KROK ZA SOCIALISMUS!*»

Пример, которым мы бы хотели завершить наше исследование ФИ в художественном тексте, представляет интерес с точки зрения его происхождения. В некоторых случаях идеологемами становились не просто публицистические шаблоны, а растиражированные и ставшие избитыми цитаты или фрагменты цитат из высказываний видных общественно-политических деятелей (напр. писателей, политиков и т. д.). В романе Шкворецкого встречаем такой фрагмент: «Major ... pak to vyřešil tím, že vždycky, kdykoliv se chtěl v řeči dotknout přítomného inženýra lidských duší, maličko se odmlčel...» В этом отрывке мы видим сочетание *inženýr lidských duší* (инженер человеческих душ), ставшее речевым клише идеологического характера, которое взято из речи А. М. Горького на I съезде советских писателей.

Таким образом, различные по своей природе и характеру ФИ выполняют в текстах Ерофеева и Шкворецкого важную художественно-стилистическую функцию. С одной стороны, они придают этим текстам то, что, по образному выражению В. Г. Костомарова, можно назвать «языковым вкусом эпохи». Однако если у Ерофеева ФИ в основном используются как средства создания игры «высокого и низкого», иронии, комизма и абсурдности ситуации путем их контекстуального обыгрывания, «депатетизации патетизма» (термин В. М. Мокиенко), то Шкворецкий использует их еще и как неотъемлемые знаки описываемой им эпохи, без которых просто невозможно себе представить реалии того времени. С другой стороны, такие художественные тексты сохраняют и доносят до нас речевые реалии прошлого, способствуя одновременно переосмыслению одних и актуализации других ФИ в современных условиях. Можно сделать вывод, что ФИ являются одним из типов интертекстуальных единиц, способствующих экстралингвистическому расширению смысловых границ текста, а также ярким экспрессивно-выразительным средством, при помощи которого авторы помогают нам, читателям, «смеяться, расставаться со своим прошлым».

Л. А. Сергеева (Уфа)

ОЦЕНОЧНЫЕ КОНЦЕПТЫ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ И МИФОЛОГЕМЫ СОЗНАНИЯ

Оценочные концепты относятся к основным понятиям культуры, представляющей собой прежде всего «иерархию духовных ценностей» (Г. Федоров). Ценности занимают господствующее положение в сфере искусства и религии, морали и права, политической и культурной жизни. Они непередаваемы на язык научных понятий и зачастую облакаются в художественно-образную, мифологическую или религиозную форму (Бучилло Н. Ф. Ценности // Философия. М., 1997. С. 234). Ниже мы

остановимся на такой особенности оценочных концептов, как мифологичность, и рассмотрим некоторые мифологемы сознания, отражающиеся в русской и чешской оценочной лексике.

Первая связана с интерпретацией важнейших нравственных категорий: «добра» и «зла». Добро есть категория «высшего порядка», представленная в славянском самосознании как нечто находящееся где-то наверху, на небесах. К нему стремятся, и вся жизнь человека – это «восхождение к добру» (С. Ильенков), а следовательно, к Богу. Зло же находится на земле, из земли произрастает, и его нужно «искоренять», «вырывать с корнем» (ср. чешск. *vymýtít zlo z kořene*, букв. ‘выкорчевать, вырубить зло с корнем’). Это представление обусловило наличие оценочной оппозиции *земной – небесный – подлый* «низкий в нравственном отношении; бесчестный». В соответствии с этим аксиологическую интерпретацию получают понятия «высокий» и «низкий»: так, поступки, мысли, чувства, стремления оцениваются по своеобразной шкале ординат – степени приближения к Истине. Они находятся в культурном «силовом поле», где происходит постоянная борьба, случаются «взлеты» и «падения», но главное направление вектора силы – вертикальное, снизу вверх: человек должен «восходить постепенно в мир должного» (П. Сорокин). Это находит отражение в сравниваемых языках: человек имеет «дум высокое стремление», совершает моральное падение, т. е. «падает в пропасть». В чешском языке пропасть также ассоциируется с нравственной гибелью, ср. *stát na pokraji záhuby* ‘стоять на краю пропасти’ и т. п.

Вторая мифологическая особенность славянских оценочных концептов связана с наличием архетипа «свой» – «чужой». Чужой в славянском самосознании оценивается как «враждебный». Многие производные от этого корня как в русском, так и в чешском языке выражают отрицательную оценку или имеют оценочные коннотации.

С. С. Скорвид (Москва)

**СЕРБОЛУЖИЦКИЙ (СЕРБОЛУЖИЦКИЕ) И РУСИНСКИЙ (РУСИНСКИЕ)
ЯЗЫКИ: К ПРОБЛЕМАТИКЕ ИХ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
И СИНХРОННОЙ ОБЩНОСТИ**

0. Серболужицкий или серболужицкие, верхне- и нижнелужицкий, языки в отечественной славистике принято рассматривать среди основных славянских языков (см., напр., очерк К. К. Трофимовича в издании «Славянские языки», М., 1977). Между тем как в плане современного функционирования, так и в сравнительно-историческом аспекте представляется вполне очевидной типологическая соотносительность этого языка или этих языков с русинским (русинскими), который (кото-

рые) в России либо вообще обходят вниманием¹⁸, либо данный феномен получает освещение лишь в рамках так называемых славянских литературных микроязыков в терминологии А. Д. Дуличенко (Славянские литературные микроязыки. Таллин, 1981). В нижеследующем сообщении мы остановимся на проблематике современной серболужицкой и русинской языковой общности с учетом сравнительно-исторической характеристики соответствующих идиомов.

1. Проблема серболужицкого языкового двуединства решается в наши дни двояко. Х. Фаска в «Грамматике современного серболужицкого языка» (Бауцен, 1981) и других публикациях утверждает, что существует единый серболужицкий языковой континуум, представленный рядом диалектов (не только собственно верхне- и нижнелужицких, но и переходных) и двумя исторически сформировавшимися литературными языками: верхне- и нижнелужицким. Напротив, Х. Шустер-Шевц в ряде работ отстаивает точку зрения, согласно которой, верхне- и нижнелужицкий идиомы изначально, со времен существования племенных диалектов, представляли собой два отдельных языка, каковыми они – в том числе в их современных литературных формах – остаются и поныне. Сравнительно-исторические аргументы Х. Шустера-Шевца сводятся к указанию на некоторые более или менее древние языковые расхождения между верхне- и нижнелужицким ареалами, в особенности на сохранение взрывного **g** в нижнелужицком и его изменение во фрикативный **h** в верхнелужицком, ср. н.-л. *góra* – в.-л. *hora* ‘гора’, и специфические рефлексы ***ę** типа в.-л. *mjaso*, н.-л. *měso* ‘мясо’ (каковые черты, впрочем, для многих других славянских языков вполне обычно трактуются как междиалектные, а не межъязыковые), а также на более поздние инновации в развитии звукового и грамматического строя обоих идиомов, которые, однако, по нашему убеждению, находятся всецело в русле единого развития данной языковой общности, причем зачастую не только серболужицкой, а – шире – западнославянской (ср., в частности, ассимиляцию смягченного **r'** в чешском и польском в любой позиции, тогда как в верхнелужицком она происходила только после глухих взрывных согласных, а в нижнелужицком в той же позиции затронула также твердый **r**: чеш. *křídlo, tráva*; пол. *skrzydło, trawa*; в.-л. *křídlo, trawa*; н.-л. *kšídlo, tšawa* ‘крыло’, ‘трава’). Не исключая возможности того, что, если бы исторические обстоятельства сложились иначе, мы теперь имели бы два во всех отношениях самостоятельных серболужицких языка, полагаем, что историческая их конвергенция как в плане интерференции

¹⁸ Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (М., 1990) о названном идиоме / названных идиомах нет даже упоминания.

диалектов (с образованием переходных диалектных зон), так и в плане литературно-языкового взаимодействия, вплоть до недавнего времени имевшего форму одностороннего влияния верхнелужицкого на нижнелужицкий, привела к становлению в современных условиях единой – «миноритарной» в ситуации немецкоязычного окружения обеих ныне территориально разделенных Лужиц – языковой общности.

Адекватную социолингвистическую трактовку функционирования рассматриваемых идиомов осложняет тот факт, что практически только в католическом районе Верхней Лужицы сейчас осуществляется естественная передача – поначалу на уровне диалекта (который обнаруживает целый ряд сходств с нижнелужицкими говорами, ср. 3 л. ед. ч. н. в. глагола 'быть': лит. в-л. *je*, н-л. *jo*, в-л. диал. катол. *jo*) – соответствующего идиома от старшего или среднего поколения младшему, включая детей дошкольного возраста. В то же время особенно в Нижней Лужице эта связь прервана: носители данных диалектов, теперь в возрасте свыше 60 лет, уже не передавали естественным способом родную речь даже нынешнему среднему поколению, которое ее изучало только в школе. На современном этапе проводится эксперимент по возрождению «естественного» функционирования нижнелужицкого языка, начиная с детских садов, однако работающие там воспитатели сами владеют лишь вторично выученным литературным языком. Подобная же ситуация наблюдается – за исключением католического района – и в Верхней Лужице.

В принципе проект возрождения языка на базе вторично выученной носителями литературной формы, при отсутствии диалектной опоры либо даже при наличии таковой, но с построением заново некоей иерархии субстандартных форм – парадоксальным образом на базе стандарта! – представляется небесперспективным (ср. развитие языка иврит в Израиле, где он, впрочем, является государственным). Финансовая поддержка Фонда серболужицкого народа может способствовать его успешной реализации, однако решающую роль в этом, несомненно, будут играть разнообразные (социо)лингвистические факторы. В самом неблагоприятном случае нижнелужицкий сохранится как более или менее искусственный литературный язык – при более или менее естественном сохранении верхнелужицкого, и не только в литературной форме, по крайней мере в католическом районе Верхней Лужицы.

При этом следует отметить, что среди нижнелужицких лингвистов, часть которых принадлежит еще к старшему поколению действительно естественных носителей данного языка, в том числе и в его диалектной форме, в настоящее время наблюдается тенденция литературно-языкового «сепаратизма», подкрепляемая заявлениями о том, что верхне- и нижнелужицкий языки соотносятся примерно как чешский и словацкий и т. п.

2. Русинский язык или русинские языки представляют собой совокупность весьма разнородных диалектных, наддиалектных и литературно-языковых образований (в терминологии А. Д. Дуличенко – литературных микроязыков), бытующих или бытовавших среди русинского этноса как на его исконных землях в Прикарпатье, находящихся в настоящее время на территории Западной Украины и Восточной Словакии, так и в районах компактного переселения русин на территории Воеводины в Сербии и отчасти Славонии в Хорватии, в Венгрии, в Румынии, в Польше (живущие ныне в западных польских областях лемки, причисляемые к русинам), а также в США и Канаде.

Карпато-русинские диалекты – восточнославянские, представляющие собой продолжение украинского диалектного континуума (его западной части). Разделяя многие общевосточнославянские, общеевропейские и западноукраинские особенности, они обнаруживают и специфические черты: 1) сохранение различия между давними гласными *у (ы) и *і (и), причем рефлекс последнего, как правило, не совпадает с і из *ё и другого происхождения (*кыпѣти* ‘кипеть’); 2) переход *о, *е в закрытых слогах, образовавшихся после падения редуцированных, в **u**, **ü** или у наряду с **i** (при различном распределении этих рефлексов по говорам и неполном совпадении позиций такого изменения с общеукраинским состоянием), ср. *вуз* // *вюз* // *віз* ‘воз’, прич. на -І м. р. *вюз* // *віз* ‘вез’; 3) частое сохранение аффрикаты **dž** из ***dj**, ср. *пряджа* ‘пряжа’; 4) стяжение гласных в презентных формах глаголов с давней основой на *-**aje-**, особенно в форме 3 л. ед. ч., сохраняющей при этом флексии **t’/t**, ср. *співать* ‘поет’ (укр. *співає*); 5) окончание **-me** в 1 л. мн. ч. наст. вр. глаголов, ср. *кажеме* ‘мы говорим’ и др. Многие из этих черт обязаны своим возникновением польско-восточнословацко-русинским (и, шире, западноукраинским) ареальным контактам. В наибольшей степени такие контакты сказались на лемковских диалектах, которые отличает ударение на предпоследнем слоге слова, а также, напр., переход твердого **l** в билабиальный **u** (в противоположность его замене «среднеевропейским» **l** в карпато-русинских говорах Восточной Словакии), окончание тв. п. ед. ч. имен и местоимений ж.р. **-om** из пол. **o** (вопреки обычному карпато-русинскому и западноукраинскому **-ou** < **-oju**) и др. Многочисленная в карпато-русинских диалектах ареальная лексика также часто выдает западнославянское происхождение, ср. *в/шытко* ‘все’ (пол. *wszystko*, словац. *všetko*, вост.-словац. *šicko* // *šytko*), *еден* ‘один’ (пол. и словац. *jeden*), указательное местоимение ср.р. *тото*, ж.р. *тота*... ‘это, эта...’ (вост.-словац. *toto*, *tota*...), *лем* ‘только’ (вост.-словац. *l'em*) и т. д. Среди неславянских лексических элементов здесь особенно велика доля заимствований из венгерского языка, нередко распространенных во всем карпатском или еще более широком ареале, ср. *газда* ‘хозяин’ (пол. диал., словац. *gazda*), *валал* ‘деревня’ (вост.-словац. *valal*) и др.

Русины, переселившиеся в районы Бачка и Срем на территории Воеводины и позднее в хорватскую Славонию, при сохранении некоторых карпато-русинских (восточнославянских) элементов перешли в целом на восточнословацкий диалект с регулярными западно- или юго-западнославянскими чертами, напр.: воев.-русин. *плетол*, *плетла* 'плел, плела', *шидло* 'шило', *квет* 'цветок', *конопа* 'конопля' (но *коноплянка* 'конопляное поле'), *цудзи* 'чужой' (но *меджа* 'межа'), *крава* 'корова' (но *город* 'город') – карпато-русин. *плів*, *плела*, *шыло* (при *шыдло*), *цвіт* (при *квітка*), *конопля*, *чужий*, *корова* и др. Воеводинско-русинские говоры разделяют также специфические восточнословацкие особенности, как общие, так и локальные (характерные для шарышской и соседней абовской диалектных областей): в частности, в фонетике – закрепление ударения на предпоследнем слоге слова, сочетания **er**, **ar** (наряду с **or**), **lu** и **ol** (наряду с **ou**) на месте давних слоговых плавных сонантов, переход рефлекса старых долгих ***ě**, **e** в **i** и ***ę** в **a**, а старых кратких ***ĕ**, **ę** в **e**, изменение **t'**, **d'** в **c**, **dz**, а также **s'**, **z'** в **š**, **ž** (ср. *тварди* 'твердый', *длуги* 'долгий', *вира*, *вериц* 'вера, верить', *вжац* 'взять', *дзешец* 'десять' и т. п.); в морфологии – унифицированные окончания косвенных падежей мн. ч. у существительных всех родов, окончание **-och** в мест. и род. п. мн. ч., устранение чередований в парадигме большинства существительных с основой на **-k**, **-h**, **-ch** (или их деморфонологизация, ср. *Руснак* 'русин' – им. п. мн. ч. *Руснаци*, род. п. мн. ч. *Руснацох*...), стирание различий между твердым и мягким вариантами склонения существительных, в том числе у существительных ж. р. за счет обобщения в дат. и мест. п. ед. ч. окончания мягкого типа **-i** (*на драги* 'на дороге', но устойчивое сочетание *на драже* < **-z'ě** 'на улице', окончание **-u** в тв. п. ед. ч. существительных ж. р. (*воду* 'водой', но наречие *долуводом* 'вниз по реке'), формы прошедшего времени глаголов типа *читал сом* (при *я читал*), собственные западной части восточнословацких диалектов, в отличие от более восточного словацкого типа *čital(a) mi* или карпато-русинского *читав ем*, *читалам* и др. В лексической системе воеводинско-русинских говоров наряду с восточнословацкой и остаточной карпато-русинской лексикой (включая ареальные венгерские заимствования) много сербизмов, ср. *брег* в значении 'гора', *модліц* 'просить' (серб. *молити*) и т. п.

Первым письменным языком русин Прикарпатья был, начиная с XVIII в., церковнославянский русского образца (с карпато-русинскими чертами). На этой базе в XIX в. сложился многовариантный, с разным соотношением церковнославянского, русского и местного элементов, литературный язык, за которым закрепилось название «язычие», употреблявшийся вплоть до 2-й мировой войны (в это время уже преимущественно среди русинских эмигрантов в США). С середины XIX в. часть русинской интеллигенции во главе с А. Духновичем начала внедрять

взамен «язычия» литературный русский язык, другие деятели позднее стали ориентироваться на формирующийся литературный украинский, третья же группа пыталась создать русинский литературный язык на народной основе. Все эти тенденции продолжали сталкиваться после 1919 г. среди русин в Чехословакии и Польше. По окончании 2-й мировой войны у них, как и в советском Закарпатье, был официально узаконен только украинский. В Воеводине благодаря кодификаторским усилиям Г. Костельника между тем уже в 1920-е гг. утвердился особый русинский литературный язык, получивший благоприятные условия для развития в послевоенной Югославии (особенно с 1970-х гг.). После 1989 г. активизировалось литературно-языковое строительство у русин в Словакии (журнал «Русин», газета «Народны новинки» и другие издания; «Правила русинского правописания» 1994 г., декларация о кодификации русинского литературного языка 1995 г.). Параллельные процессы протекают среди лемков в Польше (журнал «Бесіда», грамматика 1992 г.) и русин в Закарпатской области Украины (периодика, грамматика «Материнський язык» 1997 г.).

В настоящее время представители русин, особенно словацких, пытаются создать «общерусинский» литературный язык (как некогда деятель воеводинско-русинского возрождения Г. Костельник, которому, однако, его эпоха диктовала иные требования), в частности, путем публикации на страницах журнала «Русин» текстов на всех разновидностях русинского. При этом в перспективе ставится цель полной литературно-языковой унификации, каковая, на наш взгляд, едва ли возможна.

Таким образом, в среде двух сравниваемых славянских национальных меньшинств, этноязыковое положение которых обнаруживает заметное сходство, на современном этапе наблюдаются прямо противоположные литературно-языковые тенденции – что вообще было, есть и, видимо, будет характерно для языков так называемой «Малой Славии».

А. В. Тер-Аванесова (Москва)

**ОКОНЧАНИЯ СЧЕТНОЙ ФОРМЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ А-СКЛОНЕНИЯ,
ВОСХОДЯЩИЕ К ФЛЕКСИИ NOM.-ACC. DUALIS,
В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ**

1. Счетной формой, вслед за А. А. Зализняком, принято называть падежную форму, выступающую в контекстах с числительными *два (две), три, четыре, пол, полтора (полторы)* и местоимением *оба (обе)*. В ряде восточнославянских диалектов существительные а-склонения в указанных контекстах сохраняют окончания, восходящие к праславянским флексиям ном.-асс. du. *-ě (твердая разновидность склонения) / *-i (мягкая разновидность склонения): укр. *дві сестрі, дві свинни*, бел. *дзве жане, дзве сямьы*, рус. *две сестре, две скамьи*.

2. Это явление широко распространено в украинских и белорусских говорах и образует четко очерченные ареалы. На Украине его южная граница проходит по Днестру и Пруту, захватывая покутские говоры, северо-восточная – по Днепру, юго-восточная практически совпадает с границей Винницкой обл. Не встречается (или редко встречается) это явление в Левобережной Украине, в большей части черниговского Полесья и в говорах бассейна Припяти (Волинская, Луцкая, Ровенская и частично Житомирская обл.). На территории Белоруссии оно представлено в южных говорах (северная граница проходит по Неману, Свислочи и Березине; исключаются украинские говоры брестско-пинского Полесья). Окончания счетной формы, восходящие к *pot.-acc. du.*, отмечены также в нескольких южнорусских говорах.

3. Окончания счетной формы в *a*-склонении, восходящие к **-ě / *-i pot.-acc. du.*, «омонимичны» окончанию *dat.-loc. sg.* в юго-западных галицких и буковинских говорах, сохраняющих «праславянскую» систему субстантивного склонения. Совпадение флексий счетной формы с флексиями *dat.-loc. sg.* имеется в полесских и, по-видимому, в белорусских говорах, но в Полесье и по крайней мере в «северско-белорусских» говорах твердые баритонированные основы имеют окончания мягкой разновидности склонения (*dat.-loc. sg., num. sестріє, землі, бабі*). На остальной украинской территории набор показателей счетной формы, распределенных по исходам основ, отличается от показателей *dat.-loc.* и *gen. sg.*

4. В северо-западных русских говорах, имеющих перестроенные системы *a*-склонения, флексия счетной формы *-e* не восходит к флексии *pot.-acc. du.*, а в «обратных» системах *a*-склонения рефлексом окончания *pot.-acc. du.* является флексия *-ы / -и*.

А. «Обратные» системы *a*-склонения (*gen. жене, земле, dat.-loc. жены, земли*) возникли в результате выравнивания твердой разновидности склонения по мягкой. Они образуют сравнительно небольшой ареал, встречаясь в южнопсковских, южноновгородских и тверских говорах. Счетная форма в западной части ареала этих систем имеет флексию *-e*, совпадающую с показателем *gen. sg.* (*две жене, две семье*), а в восточной – флексию *-ы / -и*, совпадающую с показателем *dat.-loc.* (*две жены, две семьи*). Учитывая механизм образования «обратной» системы *a*-склонения, можно предполагать, что в восточной части ареала распространения «обратных» систем окончание счетной формы восходит к исконному показателю *pot.-acc. du.* (окончанию **-i* мягкой разновидности склонения).

Б. Системы с совпадением флексий *gen., dat.* и *loc. sg.* существительных *a*-склонения представлены в северо-западных русских говорах в двух разновидностях. Широко распространена система *gen.-dat.-loc. sg. жены, бабы, руки, земли*, ареалы которой совпадают в целом с тер-

риторией Новгородской Земли и ее северо-восточных колоний. Несравненно более редкой является система gen.-dat.-loc. sg. *жены, бабе, руке, земле*, основной ареал которой расположен между ареалами «новгородской» и «обратной» систем. В говорах с этими двумя системами изредка, но все же фиксируется счетная форма с окончанием *-e*: *две жене, бабе, руке, земле*. Однако это окончание не является непосредственным продолжением флексии nom.-acc. du. **-ě*. Очевидно, обе системы с совпадением окончаний gen.-dat.-loc. sg. восходят к системе древненовгородского диалекта: gen.-dat.-loc. sg., nom.-acc. du. и pl. **женѣ, землѣ**. Можно думать, что переход от древненовгородской к современной новгородской системе gen.-dat.-loc. sg. *жены, земли* первоначально был свойствен восточноновгородским говорам, в которых произошел переход конечного **ě* в *i*, а позднее под влиянием престижной восточноновгородской системы флексия *-ы/-и* распространялась в падежно-числовой парадигме *a*-склонения тех говоров, где перехода **ě* > *i* не было. В счетной форме, стоящей особняком в парадигме существительного (не имеющей, в частности, форм числа), сохраняется древненовгородское «синкретическое» окончание *-ě*. Тем самым в системах такого устройства счетная форма вторично возникает как особый падеж.

Т. С. Тихомирова (Москва)

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ УЗУАЛЬНО-СИТУАТИВНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОГЛАСИЯ / НЕСОГЛАСИЯ

1. Сопоставительное языкознание может исходить из различных общетеоретических постулатов и обращаться к разным пластам речевой действительности, что позволяет устанавливать межъязыковые эквиваленты не только на системно-языковом или же узуально-стилистическом уровне, но и в собственно коммуникативной сфере.

2. Основой сопоставительных исследований может, следовательно, быть активно развивающаяся в последнее время теория актов речи с привлечением социолингвистического и прагматического аспектов.

3. Теория актов речи постулирует, в частности, что каждая типовая коммуникативная ситуация обслуживается в значительной степени не менее типовыми речевыми высказываниями и даже конвенциональными формулами, которые проявляют высокую степень зависимости от социолингвистических и прагматических характеристик ситуации и используются прежде всего в устном общении. Устойчиво закрепленные речевым обычаем социума за определенными ситуациями, эти узуально-ситуативные выражения (от почти лексикализованных предложений до частиц и междометий) образуют в каждом языке ряды функционально-ситуативных и семантически синонимических слов и оборо-

тов, значительно дифференцированных, однако, по социолингвистическим и прагматическим параметрам и соответственно в стилистическом и экспрессивно-эмоциональном отношениях. Часть из них ограничена собственно этикетной сферой вежливого общения, другие же (например, реплики диалога) проявляют иные связи с ситуацией.

4. Среди узуально-ситуативных высказываний – устойчивых речений, используемых в определенных ситуациях, можно выделить особо слова и выражения, обусловленные не внешними условиями коммуникации (ср. приветствия, поздравления, пожелания и т.п.), но и такие, которые обусловлены внутренней, интенциональной ситуацией говорящего, его иллокутивным намерением. К ним, в частности, относятся слова и обороты – реплики диалога, при помощи которых говорящие выражают собеседнику свое согласие или несогласие, ср., напр., рус. *Да, конечно; Само собой!; А то!; И не подумаю!; Как бы не так!* и пол. *Tak jest!; Ależ skąd?! No własnie...; Ani mi sie sni!; No nie!* Привязанность к ситуации позволяет обнаружить среди них межъязыковые эквиваленты, которые и являются объектом нашего исследования.

5. При сопоставительном изучении узуально-ситуативных речевых единиц исходной базой сопоставления должно служить тождество интенциональной ситуации, общность ее смысловых, социолингвистических и прагматических особенностей, что обеспечивает выделение узуально-ситуативных эквивалентов и их обособление от прочих типов межъязыковых эквивалентов.

6. Описание межъязыковых русско-польских узуально-ситуативных эквивалентов с интенциональным содержанием согласия / несогласия предусматривает использование единой классификационной модели.

7. В классификации находят отражение: 1) семантическое варьирование исходного смысла согласия / несогласия (ср. согласие с мнением собеседника или же готовность выполнить просьбу), 2) формальные структуры реплик с данной семантикой, а также их обусловленность типом реплики-стимула; 3) наличие дополнительных смыслов и распределение и соотношенность исследуемых лексем с различными модификациями смысла; 4) коммуникативные признаки ситуации, определяющие для говорящего выбор того или иного синонима (официальность / неофициальность ситуации, отношения между говорящими и т.п.); 5) стилистико-экспрессивные особенности. Существенны и другие отличия – большая или менее тесная связь с ситуацией, частотность, ритуальная закрепленность выражения, непосредственный или косвенный способ выражения смысла и т. п.

**К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ: МАКЕДОНСКИЙ И БОЛГАРСКИЙ**

1. Несмотря на многовековое развитие церковнославянского письменности на основе болгарских и македонских диалектов и длительный процесс формирования единого для болгар и македонцев литературного языка в течение всего XIX в., современные литературные языки этих народов сформировались лишь в XX в.: болгарский был кодифицирован в начале века, а македонский в 1945 г. Типологически кодифицированные литературные языки, болгарский и македонский, различаются некоторыми важными особенностями: болгарский опирается на письменную традицию, заимствовав из церковнославянского через русский язык не только часть лексики, но и некоторые грамматические формы, утраченные в диалектах; а македонский в грамматике опирается исключительно на живые диалекты, заменяя в лексике церковнославянские слова, образованные по продуктивным живым моделям; однако оба эти языка свободно воспринимают заимствованную лексику и лишены какого бы то ни было пуризма.

2. Болгарские и македонские диалекты представляют собой непрерывный континуум (как, впрочем, и вся славянская диалектная территория), однако их диалекты, особенно в крайних точках территории их распространения, различаются очень сильно. Литературный болгарский язык основан на северо-восточной диалектной базе, литературный македонский – на базе центральных западномакедонских диалектов. Поэтому различия между болгарским и македонским литературными языками затрагивают все языковые уровни – просодическую акцентную систему, фонологию, парадигматику и систему грамматических категорий, синтаксис предложения, лексику. При этом именно болгарский и македонский языки и их диалекты входят в балканский языковой союз, где в результате многовековых междиалектных контактов произошли структурные изменения, сближающие языки различного генетического происхождения в стремлении к созданию единой универсальной грамматической системы.

3. В докладе рассматриваются основные структурно-типологические сходства и различия в системе глагольных форм и категорий в указанных литературных языках. Некоторые различия охватывают лишь морфемный уровень, например, тематические суффиксы и флексии в 1 л. ед. ч. аориста: болг. *видях, написах* – мак. *видов, напишав*; суффиксы имперфективации болг. *-вам* – мак. *-увам* и некоторые другие особенности. В иных случаях различия относятся к системным способам выражения грамматических категорий.

4. Сходство в структурно-типологическом плане представляют категория глагольного вида и модально-темпоральная система форм в обоих языках: имперфектированные глаголы образуются от всех глаголов сов. вида, не содержащих суффикса имперфективации (мак. *напише* – *напишувам*, *потпише* – *потпишувам*, болг. *напиша* – *написвам*, *подпиша* – *подписвам*, но рус. *написать* – *писать*, *подписать* – *подписывать*); система глагольных времен и в македонском, и в болгарском содержит формы настоящего, будущего, будущего в прошедшем, аориста, имперфекта, перфекта, плюсквамперфекта; модальная система представлена наклонениями, выражающими реальность / ирреальность, и модальными формами, выражающими достоверность / недостоверность. Болгарский и македонский – единственные славянские языки, в которых модальность достоверности / недостоверности выражена морфологически.

5. Однако в модально-темпоральной системе глагола и системе глагольного вида в этих языках представлены и структурно-типологические различия. Например, в македонском взаимозависимость категорий вида и времени выражена сильнее, чем в болгарском: в мак. аорист несов. в. уже не употребляется, формы перфекта типа *сум* + форма на *-л* у глаголов сов. в. образованы от аористных основ, а у глаголов несов. в. – от имперфектных. В болгарском возможны аористные формы несов. в., формы перфекта и плюсквамперфекта образуются с *л*-формой лишь от аористной основы, а *л*-формы от основы имперфекта функционируют исключительно в модальных формах при выражении пересказа и предположения.

6. Важные отличия касаются категории залога. В македонском языке эта категория на морфологическом уровне почти не отражена, поскольку сохранилось лишь одно причастие – на *-н/-т*, выражающее как пассив, так и актив (*изгорен* ‘сгоревший’ и ‘сожженный’). В болгарском же причастия противопоставлены по залогу: *изгорял* ‘сгоревший’ – *изгорен* ‘сожженный’. Противопоставление по залогу в обоих языках выражено также с помощью возвратной морфемы *се* (мак. и болг. *пие* – *се пие* ‘пить – питься’), а в македонском еще и с помощью личных кратких местоимений, указывающих на актив и переходность (каузативность), ср. *легне* ‘лечь’ – *го легне* ‘уложить его’, но *легнат* ‘легший’ и ‘уложенный’, что не свойственно болгарскому языку.

7. Утрата в ряде македонских диалектов причастной формы на *-л* привела к формированию специфических форм перфекта и плюсквамперфекта балканского типа, выражающих результатив в активе: *имам легнато* и *сум легнат* ‘я лёг’, *имам дојдено* и *сум дојден* ‘я пришел’, *имам видено* ‘я увидел’ (однако *сум виден* ‘меня увидели’ – пассив). Эти формы кодифицированы и широко употребительны в литературном македонском языке в отличие от болгарского. А форма на *-л* в македон-

ском перестала быть причастием, выступая лишь в составе перфекта, плюсквамперфекта со вспомогательным глаголом *сум* и форм пересказа. Заметим, что в болгарском языке причастия на *-н / -т* тоже могут быть образованы от непереходных глаголов и употреблены в функции «страдательно-безличного залога»: *във леглото се спало / е спано* ‘в кровати кто-то спал’, или от возвратных глаголов: *той ги гледа усмихнат* ‘он смотрит на них улыбающийся (улыбаясь)’. Аналогичные конструкции употребительны и в македонском. В разговорном болгарском возможны синтаксические конструкции с результативным значением типа *имама написана статия*, в которой, однако, в отличие от мак. *имама напишано статија*, сохраняется семантика принадлежности глагола *имама* ‘я имею’ и согласование с прямым дополнением (*написана статия / написани няколко статии*), показывающая, что причастие выступает приименным определением; в македонском причастие в неизменяемой форме ср. р. регистрирует лишь результат действия, произведенного субъектом (*имама напишано една статија / много статии* и т. п.) и входит целиком в состав глагольной формы.

8. Формальные различия в образовании перфекта в сравниваемых языках показывают и различный вектор развития модальной категории достоверности/недостоверности. Так, в македонском языке перфект типа *сум видел / плачел / заплакал* не имеет глагола-связки в 3 л. ед. и мн. ч. и формально не отличается от пересказывательного аориста и имперфекта. В болгарском перфект, образуемый лишь от аористных причастий на *-л*, как правило, сохраняет глагол-связку в 3 л. (*видял съм – видял е, видели са, плакал съм – плакал е, плакали са*); отсутствие глагола-связки указывает на пересказывательный аорист, а в форме с имперфектным причастием на *-л* – на пересказывательный имперфект; кроме того пересказывательная форма глагола-связки указывает на «усиленный», недоверчивый пересказ (*чел – бил чел, четял – бил четял*), который формально никак не выражен в македонском и проявляется семантически в зависимости от речевой ситуации в более обязательном использовании пересказывательной формы и соответствующей интонацией. В болгарском сочетание глагола-связки в 3 л. с имперфектным причастием на *-л* дало возможность для формального выражения еще одной модальной категории – предположительного наклонения (Ю. С. Маслов), что в македонском также невозможно с помощью указанных форм, потому что они обозначают перфект. В значении предположения и умозаключения в македонском используется аналитическая форма типа *ке да + Vf* (в аористе / имперфекте, в формах результата с причастием на *-н/-т*, в перфекте / пересказе, в настоящем времени), напр.: *нешто ќе да му имаше расипано; ќе да поминаа 15 дена оттогаш; возот ќе да е дојден; тој ќе да си ја имал мувата на главата, тоа е; што ќе да е тоа?*

9. В заключение подчеркнем, что между македонским и болгарским, кроме формальных различий на уровне словоформ, есть и такие структурно-типологические различия, в которых отражается как формальная специфика самих грамматических (в данном случае глагольных) категорий, так и состояние развития их системы. Это более тесная взаимозависимость вида и времени в македонском; развитие различных форм результата (перфекта и плюсквамперфекта, будущего результативного) в македонском и более развитая система выражения модальности достоверности (пересказ, предположение, адмиратив) в болгарском; различный статус категории залога (в болгарском – традиционное славянское противопоставление причастных форм, в македонском – развитие синтаксических средств выражения категории залога из-за утраты морфологического противопоставления). Кроме того, есть различия в функционировании модально-темпоральных форм глагола в сравниваемых близкородственных языках, однако этот вопрос невозможно осветить в рамках одного доклада.

Таким образом, подтверждается мнение ученых-балканистов (Зб. Голомба, Т. В. Цивьян и др.) о развитии балканских языков в направлении создания единой грамматической структуры, хотя даже в таких близкородственных языках, как болгарский и македонский, элементы этой структуры могут развиваться с помощью различных способов категориального выражения.

Литература

Бояджиев Т., Куцаров И., Пенчев Й. Съвременен български език. София, 1999.

Верижникова Е. В. Формите *ke + da +* вербум финитум во македонскиот литературен јазик // Македонски јазик XLV-XLVII. Скопје, 1998. С. 235–242.

Ускова Р. П. Кон контрастивното изучување на балканословенските јазици: македонски и бугарски // «Јазиците на почвата на Македонија». Скопје 1996, с. 53–65.

Н. В. Уфимцева (Москва)

СЛАВЯНСКИЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

С начала 90-х годов в московской психолингвистической школе начинает формироваться новая методологическая база для этнопсихолингвистических исследований: центральной проблемой становится исследование национально-культурной специфики языкового сознания, а главной причиной непонимания при межкультурном общении призна-

ется различие национальных сознаний коммуникантов. Поиск новых путей исследования привел к формированию представлений о межкультурной онтологии анализа национальных (этнических) сознаний, когда образы сознания одной национальной культуры анализируются в процессе контрастивного сопоставления с образами сознания другой культуры.

В рамках исследовательской программы «Сопоставительное исследование национального языкового сознания славян», которая является естественным продолжением исследований, начатых в процессе создания «Ассоциативного тезауруса современного русского языка», были проведены массовые ассоциативные эксперименты с носителями пяти славянских языков: белорусского, болгарского, русского, сербского¹⁹ и украинского. Возможность создания ассоциативного словаря любого языка основывается на психологическом представлении о связях единиц сознания в психике человека. В качестве единиц сознания могут фигурировать образы восприятия, представления, понятия, эмоции, чувства. Для построения ассоциативного словаря существенно, что получаемые в эксперименте ассоциации в ответах испытуемых обозначаются словом.

Использование материалов ассоциативного словаря позволяет наметить новые пути в исследовании механизмов речевого воздействия и поведения, а также в изучении семантических законов в языке в целом, принципов соотношения семантики и синтаксиса в речи и языке, закономерностей социализации индивидуальных семантических изменений и установлении новых типовых ассоциативных связей. Более того, «Славянский ассоциативный словарь» вводит в научный оборот принципиально новый объект лингвистического, психолингвистического, этно- и социопсихологического анализа, который позволяет по-иному посмотреть на различия и сходства в образах мира славян и на проблему славянской общности. Как мы помним, С. Н. Трубецкой вообще отрицал наличие такой общности в культуре, считая ее только фактом языка, а Л. Н. Гумилев часть славянских народов, в частности, чехов и поляков, относил к нациям романо-германского мира.

С точки зрения психолингвистической технологии ассоциативный словарь возникает в результате анализа и обобщения материалов свободного ассоциативного эксперимента и содержит данные как о прямых (от стимула к реакции), так и об обратных (от реакции к стимулу) связях между словами, в обоих случаях сопровождаемые количественными показателями, которые позволяют судить о силе этих связей.

¹⁹ По объективным, не зависящим от исследователей причинам, эксперимент с носителями сербского языка был проведен с большим опозданием, и его материалы не вошли в окончательный вариант словаря.

Применение специальных программ, предназначенных для машинной обработки материалов Ассоциативного словаря, позволяет выявить наиболее вероятные прямые и обратные связи между словами, а также установить силу таких связей и судить о близости значений слов, рассматриваемых как максимально близкие, если они связаны с одним и тем же набором слов и силы этих связей равны.

Основным инструментом построения любого ассоциативного словаря является широко используемая в психологии и психолингвистике методика свободного ассоциативного эксперимента. С помощью этой методики можно судить об особенностях функционирования языкового сознания человека и способах построения речевого высказывания, обычно не осознаваемых носителями языка и не выявляемых другими способами исследования.

Первое преимущество изучения ассоциативных реакций заключается в соотнесенности с семантической структурой словарного состава языка (точнее, словарного запаса носителей языка). Свободный ассоциативный эксперимент дает возможность получить информацию относительно психологических эквивалентов «семантических полей» и вскрыть объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов.

Второе преимущество изучения ассоциативных реакций заключается в их обусловленности собственно языковыми синтагматическими связями слова, почти не привлекавшими внимание лингвистов. Между тем именно синтагматический характер реакций представляет наибольший теоретический и практический интерес в плане обучения языку.

Третье преимущество изучения ассоциативных реакций заключается в том, что по ним можно судить о «правилах» совместной встречаемости слов в речи, о речевой синтагматике, причем закономерности распределения слов в свободном ассоциативном эксперименте и вероятность появления их в потоке речи чрезвычайно близки. Поскольку закономерности ассоциирования слов играют существенную роль в системе факторов, обуславливающих порождение конкретного речевого высказывания, то изучение ассоциаций является необходимой основой, на которой может развиваться и теория речевой деятельности, и теория овладения языком.

Четвертое преимущество изучения ассоциативных реакций заключается в том, что эти материалы можно рассматривать как специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, которые интегрируют в себе умственные и чувственные знания, какими обладает конкретный этнос.

Славянские ассоциативные нормы дают исследователю уникальную возможность проникнуть в мир образов сознания носителей четы-

рех славянских культур и выявить их реальные сходства и различия. Этому способствует единый список слов-стимулов, в исходном (русском) варианте состоящий из 112 единиц, и подбор испытуемых: для всех пяти языков это были студенты в возрасте от 18 до 25 лет, не менее 500 человек (мужчины и женщины примерно в равном количестве), обучающиеся 11 наиболее распространенным университетским специальностям, с проведением ассоциативного эксперимента в один и тот же временной период – 1998-1999 гг.

С. С. Хороненко (Минск)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ТЕКСТЕ

Особенности старославянского текста можно рассмотреть на примере глаголов речи из Супрасльской рукописи [1] – памятника XI в. восточноболгарского происхождения, который содержит мартовскую минею, т. е. церковные чтения на все дни марта – жития святых, легенды, проповеди и т. д.

Объектом наблюдения явились глаголы речи в форме аориста 3-го лица единственного числа, в частности, **РѢЧѢ** и **ГЛАГОЛА**. Цель наблюдения – сравнить наполняемость житий и проповедей глаголами речи и установить коэффициент соотношения (КС) форм **РѢЧѢ** и **ГЛАГОЛА** в избранных жанрах [2].

Глаголы **РѢШТИ** и **ГЛАГОЛАТИ** являются стилистически нейтральными, высокочастотными, доминирующими в ЛСГ глаголов речи; кроме того, оба они переводят одни и те же греческие глаголы.

Частотность глагола **РѢЧѢ** в избранных текстах достаточно высока. Каково соотношение этого глагола с его эквивалентом (либо синонимом) **ГЛАГОЛА**? 1) «Житие Кодрата» **РѢЧѢ** – 59, **ГЛАГОЛА** – 2, КС = 29,5; 2) «Житие Пиония» соответственно 68/4, КС = 17; 3) «Житие Савина» 23/10, КС = 2,3; 4) «Житие Александра» 27/28, КС = 0,96; 5) «Житие Артемия» 8/36, КС = 0,22; 6) «Житие папы Григория Римского» 5/9, КС = 0,55; 7) «Житие Василиска» 22/2, КС = 11; 8) «Житие Павла и Юлиана» 23/–, КС = 23. Таким образом, средний КС = 84,53: 8=10,5. Очевидно, что в житиях более чем в 10 раз превалирует глагол **РѢЧѢ**, так как его частотность превышает частотность формы **ГЛАГОЛА**.

Употребление в проповедях глаголов **РѢЧѢ** и **ГЛАГОЛА** соответственно: 1) «Слово Иоанна Златоуста на Благовещение» 16/5, КС = 3,2; 2) «Слово Иоанна Златоуста о Лазаре» 33/–, КС = 33; 3) «Слово Иоанна Златоуста на вербницу» 4/–, КС = 4; 4) «Слово Златоуста в великий понедельник» 15/–, КС = 15; 5) «Слово Златоуста о посте и Иосифе» 12/3, КС = 4; 6) «Слово Златоуста в великую среду» 4/–, КС = 4; 7) «Слово Фотия на вербницу и о Лазаре» 5/–, КС = 5. Таким образом, средний

КС = 68,2: 7 = 9,74. Очевидно, что в проповедях глагол **РЄЧЄ** употребляется почти в 10 раз чаще, чем **ГЛАГОЛ**. Данные наблюдения показывают, что в разных жанровых текстах соотношение глаголов речи остается приблизительно одинаковым. Синтаксическая функция дополнительного члена при глаголе **РЄЧЄ** либо субъектная, либо объектная, при глаголе же **ГЛАГОЛ** – только субъектная.

Таким образом, при одинаковых КС наполняемость текстов глаголами речи различна. В равных позициях предпочтение отдается глаголу **РЄЧЄ**, несмотря на то, что тексты насыщены повторяющимися параллельными конструкциями типа **КОДРАТЬ РЄЧЄ – АНДЎПАТЬ РЄЧЄ, РЄЧЄ КЪ НЕМОУ**, что абсолютно не допустимо в современной стилистике.

Литература

Супрасълски или Ретков сборник. В 2 т. София, 1983.
Meyer K. H. Altkirchenslavisch – griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Hamburg, 1935.

К. Л. Цыганова (Саранск)

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ, СЕРБСКОМ И ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ

Несмотря на богатую лексикографическую традицию (как отмечает В. П. Гудков, уже «в XVIII столетии сербы имели свою лексикографию»), фразеология сербского и хорватского языков еще не нашла достаточного отражения в словарях. Не существует и идеографического ее описания. Между тем изучение отдельных семантических групп фразеологических единиц (ФЕ) представляет большой интерес, так как оно позволяет, «сведя ... открытый класс к многим закрытым классам, содержащим исчислимое количество единиц, поддающихся точному учету» (Ю. А. Гвоздарев), описать в конечном итоге весь объем фразеологии. Анализируемый нами пласт фразеологии сербского и хорватского языков еще не был систематизирован и описан, поэтому не проводилось и его сопоставления с другими языками. Выбор данной группы ФЕ объясняется тем, что она в связи с ее разнообразием и многочисленностью (более 200 сербских и хорватских и более 300 русских ФЕ) может в какой-то мере представлять фразеологию этих языков. Исследование проводилось в структурном и семантическом аспектах, ибо статус ФЕ как лингвистических знаков детерминируется взаимодействием этих сторон.

В сопоставляемых языках выделяются идентичные структурные типы, причем в зависимости от структурного типа на первый план выступает какая-либо из функций ФЕ. Под функцией фразеологизмов мы понимаем «целевое назначение, которое реализуется в тексте в связи с

авторской интенцией» (В. И. Пилипчук). Эмоционально-экспрессивная функция наличествует во всех ФЕ анализируемой фразеогруппы, что подтверждает мысль о том, что «асимметричность характеризует семантику ФЕ и в функционально-семантическом плане... В ней практически нет стилистически нейтральных оборотов» (В. М. Мокиенко).

Основная часть ФЕ, характеризующих лицо, представлена именными словосочетаниями, наиболее частотными из которых являются в анализируемых языках субстантивно-адъективные типа рус. *бесструнная балалайка, стреляный воробей*, с-х. *божија овчица, дебела глава, бабина жалост*. Единичны сочетания из двух существительных: рус. *рубаха-парень*, с-х. *гост човек*.

Другую, тоже довольно большую группу, представляют фразеологизмы, построенные на базе глагольных сочетаний. Нами включались в описываемую группу только те ФЕ глагольной структуры, которые толкуются словарями описательно по схеме 'человек, который...', 'о ком-либо таком-то...' или при помощи конструкции 'быть / бити таким-то': рус. *быть в каждой бочке затычкой* 'человек, который мешается везде, назойливо лезет всюду', *воды водой не замутит* 'о ком-либо скромном, покорном', *не звать устали* 'быть выносливым, сильным'; с-х. *бројити звезде* 'бити непрактичан', *држати високо главу* 'бити поносан'.

Во всех сопоставляемых языках есть ФЕ, построенные по модели сочетаний слов, непредикативных (рус. *ни рыба ни мясо, и нашим и вашим; ни вода ни вино*, с-х. *мед и шећер*) или предикативных (рус. *молоко на губах не обсохло, песок сыплется*; с-х. *капље му млијеко из уста, ни сам весло сисао*).

Особую группу представляют ФЕ-сравнения: рус. *как сонная муха, седой как лунь*; с-х. *као наливен, добар као крух*.

Только в русском языке отмечены структурные типы *бой-баба, мозги набекрень, туча-тучей, распахни-душа*. Только в сербском и хорватском – *злато од човека, човек и по*.

В семантическом отношении вся фразеогруппа делится на ФЕ, характеризующиеся позитивной маркированностью, и ФЕ, характеризующиеся негативной маркированностью. Эта оценочная функция выступает во фразеологизмах данной группы на первый план: они не столько называют лицо, сколько образно его характеризуют.

Сравнивая ФЕ указанных языков, отметим, что и семантическая структура фразеогруппы идентична. В ней определились два основных семантических разряда: 1) ФЕ, характеризующие лицо со стороны его качеств, свойств, состояний, и 2) фразеологизмы, характеризующие лицо с точки зрения его положения в обществе и человеческих взаимоотношений. Каждый из разрядов во всех анализируемых языках включает одинаковое количество подразрядов и позиций. Так, в первом разряде

отмечены ФЕ, характеризующие физические качества, умственные способности человека, ФЕ, дающие общую моральную оценку лица, ФЕ, раскрывающие черты характера. Во втором разряде выделяются три подразряда, два из которых антонимичны. Это ФЕ, характеризующие людей, имеющих вес в обществе, и ФЕ, характеризующие людей, стоящих на низших ступенях общества. В третий подразряд входят ФЕ, обозначающие отношение людей друг к другу.

Рассмотрим для примера одну из позиций. В подразряде «физическая характеристика лица» выделяются фразеологизмы, указывающие на возраст человека. Для обозначения молодых людей в разных языках используется одна и та же образная основа, ср. рус. *желторотый птенец, молоко на губах не обсохло*; с-х. *ти си жут око кљуна, још си жут око кљуна, капље му млијеко из уста*. Однако в каждом из языков есть и особые образы: рус. *пешком под стол ходит*, с-х. *још не носи гаће, млад као капља росе*. Меньше межъязыковых универсалий в антонимичной позиции – при обозначении старого человека, тяжело больного или находящегося при смерти, ср. рус. *дышать на ладан, едва ноги таскает, живые мощи*; с-х. *мртав-болан, већ му је душа на устима, душа му је у носу*.

Большая группа фразеологизмов обозначает черты характера, причем во всех сопоставляемых языках они одни и те же.

Не имея возможности более подробно охарактеризовать здесь семантику ФЕ рассматриваемой группы, отметим лишь следующее.

1. При значительном сходстве внешней стороны фразеогруппы сопоставляемых языков (однотипные структуры, семантические разряды) ее внутреннее наполнение довольно разнообразно.

2. Несмотря на то, что среди рассматриваемых разрядов немало фразеологизмов эквивалентных, в которых в русском и сербском / хорватском языках совпадают и семантика, и структура, и образная основа (*белая ворона – бела врана, абсолютный ноль – абсоутна нула, здоров как бык – здрав као бик*), больше таких ФЕ, в которых наблюдается лишь частичная близость: а) совпадает образная основа, но различается структура и компонентный состав (*Один глаз на нас, другой в Арзамас – гледа Земун види Панчево; куриные мозги – кокош му памет позобала*, хотя есть и более близкий с-х. аналог – *врапчији мозак*); б) одна и та же образная основа, одинаковая структура, но образ строится из других компонентов (*в каждой бочке затычка – сваке чорбе мирођија, сваке пећке жарило*).

3. В каждом из языков достаточно много ФЕ, не имеющих даже частичных соответствий.

4. ФЕ объединяются в синонимические и антонимические ряды не только внутри каждого из сопоставляемых языков, но и образуют межъязыковые синонимы и антонимы. Например, значение ‘красивый’

имеют ФЕ как картинка – леп као икона; значение ‘низкого роста’ ФЕ от земли не видать, от горшка два вершка – гецава палма. Антонимические ряды составляют ФЕ со значениями ‘очень молодой’ (молоко на губах не обсохло, желторотый птенец – млад као капља росе, капље му млијеко из уста) и ‘очень старый’ (глубокий старик, песок сыплется – стар као библија, трећи му зуби никли).

5. Явление полисемии не характерно для ФЕ описываемой фразеогруппы ни в одном из сопоставляемых языков. Многозначность ФЕ одного языка не означает обязательной многозначности соответствующего фразеологизма в других. Ср. рус. золотая голова ‘1) о чем-либо светлом, ясном уме, 2) о способном, даровитом человеке’ при с-х. златна глава ‘човек који има врло добар разум’.

6. Встретилось редкое явление межъязыковой омонимии, когда ФЕ, идентичные по форме, имеют разную семантику. Ср.: рус. мед-медович ‘льстивый человек’ / с-х. мед медени ‘веома љубазан и благ’, рус. агнец божий ‘тихий, безобидный человек’ / с-х. агнец божји незлобиви ‘човек који се прави наиван, безазлен’, рус. пройдет сквозь игольное ушко ‘хитрый, изворотливый’ / с-х. провућен кроз иглене уши ‘вешт, сналажљив’.

Сопоставление ФЕ разных языков позволяет выявить не только универсальное и национальное, но и увидеть особенности, позволяющие отразить в языке мир путем вторичной номинации его реалий.

Т. В. Шведчикова (Южно-Сахалинск)

СЛАВЯНСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

При обращении к семантическому полю наименований домашних животных в славянских языках обнаруживается, что славяне пережили важный процесс развития особых лексем, обозначающих животных по их полу, главной особенностью которого явилось стремление избежать омонимии при обозначении особей разных полов. В большинстве случаев это стремление приводило в конечном итоге к появлению слов с иным корнем (особенно показательно в этом отношении развитие микрополей *овьса – *овьнь > *овьса – *baranъ; *koza – *kozьль > *koza – *сарь в восточнославянских языках) или к суффиксации типа *овьса – *овьнь, *koza – *kozьль.

Сопоставление разных лексем-названий животных в славянских языках наглядно выявляет, что, развившись из праславянского языка, многие из них и семантически, и морфологически остались близкими или тождественными. Подобная близость лексем – очевидный факт, обусловленный генетическим родством славянских языков. В то же

время распределение лексических соответствий наименований домашних животных не всегда совпадает с делением славянских языков на три группы: восточную, западную и южную. Так, если белорусский и украинский языки дают в целом похожие картины лексических соответствий, то из западной группы славянских языков польский, а из южной группы болгарский обнаруживают большое число случаев полного лексического тождества (болг. *айгър*, пол. *ogier* 'жеребец'; болг. *котарак*, пол. *kot* 'кот'). Наименьшее количество таких случаев встречается в чешском и сербохорватском языках (чеш. *kozel*, сербох. *jaraц* 'козел'; чеш. *kočka*, с-х. *мачка* 'кошка'; чеш. *fena*, с-х. *кучка* 'сука').

Наблюдение над заполняющим семантическое поле славянскими наименованиями животных позволяет выявить некоторые закономерности в характере развития этого поля. Во-первых, развитие названий животных по полу обусловило рост количественного наполнения микрополя (в первую очередь это касается названий, дифференцирующих функции домашних животных), а во-вторых, современное состояние семантического поля названий домашних животных в славянских языках – это результат качественных изменений большинства членов этого поля, приведший к появлению лексем с разными корнями. Несмотря на то, что формирование лексических структур протекает специфически для каждого языка в соответствии с их словообразовательными и семантическими закономерностями, это отличие носит системный характер.

Исследуя семантическое поле славянских наименований домашних животных в аспекте его структурной организации, мы исходим из того, что комплексное понимание поля вытекает из признания системы родственных производных наименований одной и той же семантической области, включающей в себя отношения данных единиц на парадигматической и синтагматической оси.

Предложенная Н. С. Трубецким и подробно разработанная Л. А. Новиковым (Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982) классификация лингвистических оппозиций может быть успешно эксплицирована для такой иерархической структуры, как семантическое поле наименований домашних животных в современных русском и других славянских языках: противопоставление является либо привативным: болг. *овца* – общее название и наименование самки / *овен* – наименование самца; слц. *koza* – общее наименование самки / *сар* – наименование самца и т.п.), либо эквиполентным (с-х. *коњ* – общее наименование, *кобила* – название самки, *ждребац* – название самца и т. д.).

Особенности формирования и история членов некоторых корреляций (коза домашняя, кошка домашняя, овца домашняя, свинья домашняя и др.) показывают, что в оппозицию по полу вступают те лексические единицы, которые обнаруживают одновременно черты сходства и различия, т. е. определенной содержательной соотнесенности, а все семантиче-

ское поле наименований домашних животных характеризуется воспроизводством семантических моделей (Трубачев О. М. К вопросу о реконструкции различных систем лексики // Лексикографический сборник / АН СССР. Отделение литературы и языка. Вып. 6. М., 1963. С. 11–16).

Л. Л. Шестакова (Москва)

РУССКАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Писательская лексикография (ПЛ) как направление в отечественной филологии, непосредственно связавшее словарное дело и язык художественной литературы, возникла на рубеже XIX–XX вв.: первый писательский справочник – «Словарь к стихотворениям Державина» – был составлен академиком Я. Гротом и опубликован в 1883 г. Более чем столетний период развития ПЛ – это по крайней мере три значительных этапа (согласно периодизации О. И. Фоняковой). 1-й этап связан с созданием преимущественно словарей фиксирующего типа (конкорданс, индекс), 2-й – с реализацией давней идеи толкового словаря языка Пушкина, а 3-й – с подготовкой «неограниченно полного» объяснительного словаря М. Горького, отражающего семантико-стилистическую систему автора путем анализа абсолютно всех словоупотреблений. Последний из названных этапов характеризуется разработкой и составлением словарей по творчеству не только отдельных, но и целого ряда авторов (то есть справочников монографических и сводных). Работа над созданием наиболее значимых писательских словарей сопровождалась, как правило, обращением к вопросам теории ПЛ, в частности отбора словника и структуры словарной статьи (работы Г. О. Винокура, Б. А. Ларина, Н. С. Ковтун, В. П. Григорьева и др.).

Период с начала 90-х гг. XX в. по настоящий момент, уже окрещенный «временем словарей», в ПЛ может быть рассмотрен как безусловно новый и самостоятельный. Он отмечен заметной активизацией деятельности в этой области филологии, что представляется ярким проявлением общей тенденции к словарному описанию единиц всех языковых уровней и находит выражение в публикации немалого числа словарей языка писателей (более 35), организации новых словарных проектов, оформлении оригинальных методик лексикографирования языка художественной литературы. При этом ПЛ, как и вся словарная наука, немислима теперь без современных компьютерных технологий.

В последнее десятилетие в ПЛ обозначились некоторые тенденции, которые проявляются как в теории, так и в практике создания писательских словарей. Теоретические проблемы ПЛ изучаются с учетом современных подходов к анализу языковых явлений (антропоцентрического, когнитивного и др.). Внимание исследователей, большинство из

которых принадлежит к инициаторам или участникам разных словарных проектов, сосредоточивается на вопросах общей типологии писательских словарей и специфики словарей отдельных типов, в особенности прежде не разрабатывавшихся; организации словника, структуры словарной статьи и множественности их форм (обусловленных задачами словарей); соотношения и приемов подачи общего и индивидуального в словарях писателей; принципов лексикографической обработки лексических единиц определенных классов; на способах использования материалов писательских словарей в различных целях и т. д. (см. работы Ю. Н. Караулова, О. Г. Ревзиной, Е. Л. Гинзбурга, О. М. Карповой, Д. М. Поцепни, О. И. Фоянковой, Л. Л. Шестаковой и др.). Накопленный в ПЛ опыт теоретической и практической работы с недавнего времени находит отражение и в учебном процессе: в ряде российских вузов читаются спецкурсы по русским и зарубежным словарям языка писателей.

Практическая ПЛ 90-х гг. дает различные образцы словарей, как законченных, так и продолжающихся, издаваемых в виде отдельных выпусков или томов. Их анализ позволяет выявить целый ряд черт, определяющих в своей совокупности специфику словарей языка писателей рассматриваемого этапа. Обозначим некоторые из них:

– заметное расширение состава авторов, творчество или отдельные произведения которых привлекаются к словарному описанию (среди них Крылов, Клюев, Хлебников, Цветаева, Шукшин, Высоцкий); это дает дополнительные возможности исследования индивидуальных стилей, а также истории, направлений, особенностей развития языка художественной литературы с помощью точных методов, которыми располагает лексикография;

– обращение к писателям, художественное наследие которых ранее интерпретировалось лексикографически, однако вновь избирается (по причинам значимости в историко-литературном процессе, стилистико-языкового богатства и т. д.) в качестве объекта словарного описания. В качестве примера приведем «Алфавитно-частотный и частотный словари комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (составитель А. В. Королькова), дополняющий и уточняющий подготовленные в разные годы В. Н. Куницким, В. Ф. Чистяковым, Л. Д. Суражевским словари языка этого произведения;

– создание по выработанной в предшествующие годы и усовершенствованной ныне методике целой серии словарей языка писателей. Ср. частотные словари к произведениям Пастернака, Гумилева, Твардовского и других поэтов, созданные по методике В. С. Баевского в Смоленском государственном педагогическом университете;

– оформление словарей языка писателей новых типов, изоморфных отдельным разновидностям словарей общего языка. Примером могут служить «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова» (состави-

тель Н. Н. Перцова), «Морфемно-морфонологический словарь языка А. С. Пушкина» (составители А. А. Кретов, Л. М. Матыцина), «Обратный частотный словарь поэтических произведений А. В. Кольцова» (составители Р. К. Кавецкая, А. А. Кретов) и др.;

– усиление идиостилевой направленности ПЛ, прослеживаемое как в полных, так и в дифференциальных справочниках. К числу первых можно отнести «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой» (руководитель проекта О. Г. Ревзина), к числу вторых – словари образных средств, группирующиеся в отдельную разновидность словарей языка писателей, например: «Словарь тропов И. Бродского (на материале сборника «Часть речи)»» (составители В. Полухина, Ю. Пярли), «Метафора В. Маяковского: Словарь. Таблицы. Комментарий» и «Метафора С. Есенина: Словарь. Таблицы. Комментарий» (составитель обоих словарей Н. А. Туранина). Как идиостилевой по преимуществу может быть охарактеризован «Словарь языка Достоевского», создаваемый в ИРЯ РАН в виде совокупности дополняющих друг друга дифференциальных словарей (частотного, топонимического, фразеологического и др.);

– оживление деятельности в сфере двуязычной ПЛ, выразившееся, к примеру, в опубликовании 1-го выпуска «Словаря поэзии Николы Вапцарова...» как опыта лексикографического описания болгарского художественного текста (составители Е. А. Захаревич, Е. Ю. Иванова, М. Ю. Котова, Г. В. Крылова и др.);

– более явное разграничение словарей монографических и сводных, связанное с пополнением справочников второй разновидности таким изданиями, как «Словарь поэтических образов» (в 2-х томах, составитель Н. Н. Павлович), «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1: «Птицы»» (составители Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова), «Словарь языка русской поэзии XX века», создаваемый на материале творчества 10 поэтов этого столетия (руководитель проекта В. П. Григорьев), и т. д.

Тенденции, обнаруживаемые в отечественной ПЛ сегодня, получают, полагаем, развитие и в последующие годы, утверждая тем самым место этого научного направления в общей парадигме наук о языке художественной литературы, о художественном тексте.

Ю. Ю. Юдова (Москва)

О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ СЕРБСКИХ И ХОРВАТСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ

После распада СФРЮ в 90-х гг. прошлого столетия языковая ситуация на территории бывших ее республик изменилась. Сербохорватский язык, функционировавший в качестве официального в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине и Черногории, формально разделен

на три языка – сербский, хорватский и боснийский, что нашло отражение в конституциях соответствующих новообразованных государств. Вместе с тем с лингвистической точки зрения такое разделение вряд ли вполне оправдано. Литературный язык сербов, хорватов, черногорцев и мусульман остается тождественным в своей основе. Изменение политической карты не может за одно десятилетие изменить этот факт. Поэтому, изучив один из вариантов сербохорватского языка (или, по-новому, один из языков), сербский, хорватский или боснийский, студент может отправиться в Сербию, Хорватию, Боснию и Герцеговину и Черногорию и проблем с коммуникацией у него, в принципе, не возникнет. Тем не менее читать, в частности, хорватскую прессу людям, изучавшим сербский, без предварительной подготовки не так просто. Не хватает знания значения многих широко и часто употребляемых слов, которых в сербском варианте либо нет вообще, либо они малоупотребительны, либо имеют несколько иное значение. Существующие сербохорватско-русские словари, изданные в России, на наш взгляд, не всегда могут помочь.

Значительным подспорьем для изучающих хорватский вариант языка стал словарь Багдасарова (Багдасаров А. Р. Хорватско-русский словарь. М., 1999. 5500 слов), но он невелик по объему. Помимо этого в словаре порой отсутствуют высокофреквентные слова, при достаточно большой представленности, к примеру, узкоспециальной военной терминологии. С учетом сказанного нами предпринимается попытка создания триязычного хорватско-сербско-русского словаря. Предполагаемый объем словаря – около 1500 слов. В качестве источников мы решили воспользоваться материалами ведущей хорватской газеты «Виесник», весьма разнообразной по тематике, журнала «Глобус» и других периодических изданий. Эти источники, с нашей точки зрения, могут дать достаточно полное представление о современной хорватской политической, экономической и бытовой лексики. В словарь включаются высокочастотные, общеупотребительные (не узкоспециальные) слова, причем только те, которые в хорватском варианте (по сравнению с сербским) имеют несколько другой облик (типа хорв. *tko* / серб. *ko* ‘кто’, хорв. *produljiti* / серб. *prodужити* ‘продлить, удлинить’, хорв. *tijekom* / серб. *током* ‘в ходе, в течение’) или которым в сербском соответствуют совершенно другие лексемы (хорв. *sustav* / серб. *систем* ‘система’, хорв. *nazočan* / серб. *присутан* ‘присутствующий’, хорв. *gospodar* / серб. *привреда* ‘экономика’, хорв. *tvrtka* / серб. *фирма* ‘фирма’, хорв. *glazba* / серб. *музика* ‘музыка’, хорв. *oporba* / серб. *опозиција* ‘оппозиция’). (Фонетические различия типа *pjesma* / *песма*, *lijepo* / *лепо*, а также некоторые словообразовательные типа *branitelj* / *бранилац*, *čitatelj* / *читалац* мы не учитываем.)

Следует отметить, что значительный пласт лексики в сербском и хорватском вариантах отличается преимущественно частотой употреб-

ления. То есть такие слова, как, например, *zeljezo* и *звожде*, *zivotopis* и *биографуја*, *stroj* и *машина*, *prodavatica* и *продавница*, *pozoran* и *пажљив*, *samostan* и *манастир*, *izum* и *проналазак*, *okomit* и *вертикалан*, *rgvotan* и *првобитан* можно встретить в литературных текстах обоих регионов, однако различная частота их употребления позволяет говорить о них как о хорватских и сербских лексических дублетах.

Необходимо подчеркнуть, что создаваемый нами словарь не является хорватско-русским словарем, предназначенным для лиц, изучающих хорватский. Это именно хорватско-сербско-русский словарь (или словарь хорватско-сербских различий), ориентированный в основном на лиц, изучающих сербский вариант и испытывающих трудности при чтении хорватской прессы. Поэтому в тех случаях, когда в языке двум синонимичным хорватским лексемам соответствует одна сербская (ср. *spilja*, *pecina*, *svrhovit*, *svrsishodan* – *сврсисходан*; *patvoriti*, *krivotvoriti* – *кривотворити* и др.), в словаре приводится только хорватско-сербская пара дублетов (например, *spilja* ‘пещера’).

Представляется, что в современных условиях разделения бывшей СФРЮ на несколько государств и выделения по крайней мере формально сербского, хорватского и боснийского языков, а также стремления некоторых политиков, лингвистов, деятелей культуры подчеркнуть различия между языком сербов, хорватов, мусульман и черногорцев задача фиксации этих различий остается актуальной в том числе и для российских сербистов.

Е. И. Якушкина (Москва)

СЕМАНТИКА КОРНЕЙ *РАК- / *ОРАК-

Корневая группа *оак-*, представленная в русском диалектном языке такими лексемами, как, например, *оакний* ‘задний, оборотный’ или *наоако* ‘назад, наоборот’, известна всем славянским языкам и, без сомнения, присутствовала в лексико-семантической системе праславянского языка. Ср.: рус. *оак* ‘назад, задом, обратно’; укр. *оак* ‘назад, навыворот’; болг. *оак* ‘обратный, противоположный’, ‘назад’; с.-х. *на-оако* ‘наоборот, назад’; словен. *на оак* ‘наоборот’; чеш. *наорак* ‘наоборот’; пол. *орак* ‘назад, навыворот’. Не менее широко в славянском ареале распространены дериваты этимологически связанного с **орак-* корня **рак-*: наречия или служебные части речи с противительной семантикой. Ср.: ст.-сл. **ПАКЫ** ‘опять’; рус. цел. *паки* ‘опять, еще’; укр. *пак* ‘все-таки’; с.-х. *пак*, *па* ‘снова, потом, позже, все-таки, ведь, и, да’; словен. *пак* ‘но, снова’; чеш. *пак* ‘потом, же’. К этому же этимологическому гнезду традиционно относят и слово **пакость* [Мейе, Миклошич – согласно БЭР, Куркина, Фасмер, Machek], хотя существуют этимологии, возводящие его к другому корню [Варбот].

Приведенные выше примеры современных славянских соответствий для **оракъ* – **орако* демонстрируют единство семантики, восходящей еще к индоевропейской эпохе. Исконная и-е. семантика корня **орак-* – ‘назад, опять, от, позже, в стороне’ (Рокоту): др.-инд. *araps* ‘обращенный назад’, *arakas* ‘в стороне, находящийся сзади’; хетт. *A-ар-ра* ‘сзади, обратно’; алб. **per-arë* ‘опять, обратно’ (Фасмер, Рокоту). Инвариантным для данного корня может быть признано значение ‘противопоставленный, противоположный’, объединяющее семантические зоны как образованных от этого корня наречий и прилагательных, так и противительных союзов и частиц.

На базе семантики «заднего» и «обратного» у **рак-* / **орак-* в ряде славянских языков развилось значение ‘изнанка’. Ср. с-х. *pako* ‘изнанка’ (RJAZU), *pak* ‘оборотный, изнаночный’ (славон.) (RJAZU); рус. *наopak*, *наопакушу* ‘наизнанку’ (ярослав.); *наопакишу* ‘наизнанку’ (новг.) (СРНГ).

Еще один пример актуализации у **рак-* / **орак-* сем ‘задний’ и ‘обратный’ – редкое значение ‘повторять’ в чеш. *opakovat*, словацк. *opakovať* (ср. наличие в семантической структуре корня значения ‘опять’).

Семантические трансформации, пережитые корневой группой **рак-* / **орак-* носят не случайный характер. **Оракъ*, наряду с **grechъ*, **lokъ*, **kosъ*, принадлежит к семантическому полю пространственных аномалий, ядром которого является лексема *krivъ*. Базовая семантика этого поля, определяющаяся противопоставлением «прямому» и соответственно «правильному» (**pravъ*), имплицитно семантику ненормативности, лежащую в основе вторичных значений слов, входящих в поле (ср. Толстая 1998). Этим определяется и большая часть семантического спектра **рак-* / **орак-*, в котором широко представлены различного рода аномалии. Прежде всего это отклонения от норм речевого поведения: *опакуша* ‘человек, который вяло и невнятно говорит’ (СРНГ); *опакуша* ‘женщина, говорящая все наоборот, не в лад’ (ЯОС); *наopak* ‘неправильно, нечисто произносить слова’ (казан.) (СРНГ), *наопакишу* ‘непонятно (говорить)’ (горьк.) (СРНГ); *накъа* ‘человек, плохо выговаривающий звуки’ (серб.); *наpoklija* ‘человек, который говорит или поступает наоборот’ (Skok); *опаечки збори* ‘говорить, переставляя слоги’ (Тетово) (БЭР). (Ср., однако, *правити* ‘говорить’). Чрезвычайно часто для дериватов **рак-* / **орак-* значение физических аномалий: *spak* ‘уродец, недоношенный, с отклонениями’, *spaka* ‘урод’, *spakota* ‘уродство’, *spakast*, *spačji* ‘deformatus, monstruosus’ (словен.) (Bezljaj); *накорукий* ‘однорукий или не владеющий одной рукой, не имеющий пальцев на руке’, ‘неуклюжий, неловкий’ (ССУ); *опако* ‘лицо, рожа’ (волог.) (СРНГ), *опачина* ‘рожа, образина’ (волог.) (грубо) (СРНГ). Также встречаются обозначения «дефектных» предметов: *опако* ‘ящик без дна и верха для изготовления литейной формы’ (ЯОС).

Негативная оценочно-нормативная семантика доминирует и в области абстрактных значений корня. Среди них встречается отрицательная прагматическая оценка: *опако* ‘без толку, на ветер’ (СРНГ), *наопакушу* ‘зря, без толку’ (СРНГ); *наopak* ‘небрежно, кое-как, наобум’ (волог.) (СРНГ); *наопако* ‘неприлично’ (тобольск.); ‘не с руки’ (перм.) (СРНГ); *наопакушу* ‘наугад, наобум, на авось’ – *идем в лес наопакушу* (СРНГ), *опашка* ‘огрех’ (СРНГ); отрицательная перцептивная оценка: *опака змија*, *опака смрт*, *опаки ветар* (RJAZU); отрицательная истинностная оценка: *опаци богови* ‘ложные боги’ (RJAZU); *опачим* ‘клевету’ (Митровић); *опасно* ‘ошибочно’ – *опасно гadać* (Sychta); отрицательная правовая оценка: *опака управа*, *опака суд* ‘несправедливое, несправедливое управление, суд’ (RJAZU); отрицательная этическая оценка: *опака* ‘злой, негодный’, ‘грешный’, *опакивати* ‘сердиться, беситься’ (RJAZU); *опако* ‘злобно’, *опакоста* ‘злоба’ (RHKJ); *опакив* ‘плохой, злой’ (Hraste-Šimunović); *опака* ‘своенравный, злой, плохой’ (БЭР); *спак* ‘злость’ (Bezljaj); *опаčlivi* (о слове) ‘грубый, вульгарный’ (HSSJ), *опаčlivo* ‘грубость’ (HSSJ); *опачний* ‘упрямый, крайне неуступчивый’ (сиб.) СРНГ²⁰.

Семантика кривизны, как и семантика «плохого», стала базой для развития у **рак-* /**орак-* значения ‘левый’: болг. *опа̀нища* ‘водяная мельница, вращающаяся наоборот – налево’ (БЭР), кашуб. *опа̀ни* ‘левый’ – *obul nogavica na opàna strona*, *oblok opàni bot* (Sychta).

Перечисленные типы значений чрезвычайно близки семантической структуре других корней, входящих в поле «кривого». Ср. *крив* ‘виноватый’, ‘ложный’ (с-х.), ‘левый’ (болг.); *кривда*; *грешка* (с-х.), *огреха* ‘ошибка’; *грешити* ‘ошибаться’ (с-х.); *кос* ‘злой’ (с-х.) и т.д.

Несмотря на близость к «кривому», в контексте культуры у **орак-* актуализируется исконное значение обратности. В языке культуры лексемы типа *наопако* используются для обозначения так называемых обратных действий, то есть действий, выполняемых «наоборот» и поэтому имеющих магический смысл: они служат установлению контакта с нечеловеческим миром или защите от него. В Сербии, если один за другим умирают члены семьи, стол в доме накрывают *наопако*, так, чтобы глава семьи сидел, повернувшись лицом не к востоку, как обычно, а к западу (Филиповић 1972, 175). «*Наопако* не бьют, *на-опакушу* (тогда она рассыпется)» (Даль II, 674). «Ведьму *опако* бьют, *на-опакушу* (тогда она рассыпется)» (Даль II, 674). Согласно сербским поверьям, чтобы превратиться в волка, в числе других действий необходимо вывернуть одежду *наопако*, то есть наизнанку (Плас 1999, 206). В сербском похоронном обряде присутствует особый танец *коло наопако* – коло, двигающееся справа налево (Толстой 1995, 160).

²⁰ С этой областью значений очевидным образом коррелирует и семантика слов *пакость* и *пакостный*.

Семантика неправильного движения у дериватов **орак*- проецируется на понятийную сферу судьбы-доли и участвует в формировании концепта неудачи, плохого хода событий. Ср. *опакишь (опокишь)* 'неудача' – *эка опокишь* (СРНГ); *све ми иде наопако* 'у меня все идет плохо (букв. «наоборот»), у меня ничего не получается, не складывается' (серб.).

Большой семантический потенциал корня объясняется базовым характером исконно выражаемого им содержания. Семантическое поведение корня подчиняется универсальным законам развития базовых языковых смыслов, трансформирующихся в сложные абстрактные значения.

Литература

- БЭР*: Български етимологичен речник, 5. София, 1996.
Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии // *Этимология* 1964. М., 1965, с. 27-44.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956.
Куркина Л. В. Заметки по славянской этимологии // *Общеславянский лингвистический атлас* 1980. М., 1982. С. 275-281.
Митровић Б. Речник лесковачког говора // Библиотека народног музеја у Лесковцу, књ. 32. Лесковац, 1984.
Плас П. Неколико аспеката симболике вучјих уста у српским обичајима и веровањима // *Кодови словенских култура*, 4. Београд, 1999. С. 184-212.
СРНГ: Словарь русских народных говоров. Л., 1965.
ССУ: Словарь русских говоров среднего Урала, т. III. Свердловск, 1981.
Толстая С. М. Культурная семантика славянского **kriv*- // *Слово и культура*, т. II. М., 1998.
Толстой Н. И. Язык и народная культура. М., 1995.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, III. М., 1971.
Филиповић М. Таковци // *Српски етнографски зборник*, књ. LXXXIV. Београд, 1972.
ЯОС: Ярославский областной словарь. Ярославль, 1988.
Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika, III. Ljubljana, 1995.
Hraste M., Šimunović P., Olesch R. Sakavisch-deutsches Lexikon, I. Köln – Wien, 1979.
Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
Pokorny J. Indogermanisches etimologisches Wörterbuch. Bern, 1949.
Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971-1974.
Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, III. Wrocław, 1969.

RHKJ: Rjecnik hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika. Zagreb, 1984.

RJAZU: Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880-1976.

К. В. Яцевич (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О СХОДСТВАХ И РАЗЛИЧИЯХ БИБЛЕЙСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКАХ

В сопоставительных работах, посвященных изучению библеизмов, среди возможных причин расхождений исследователи указывают на различия в традициях перевода Библии на национальные языки. Длительное существование церковнославянского перевода Библии оставило заметный отпечаток в русском корпусе библеизмов. На формирование чешских и немецких библеизмов оказала влияние латинская традиция. Соответственно наиболее авторитетными переводами являются: для русского языка – церковнославянский и Синодальный перевод, для чешского – Вульгата и Кралицкая Библия, для немецкого – Вульгата и перевод Лютера. Для установления причин расхождений в корпусе библеизмов сопоставляемых языков нередко достаточно просто открыть один из указанных переводов. Приведем примеры.

Так, русскому выражению *отделять плевелы от пшеницы* в чешском языке соответствует *oddělit koukol od zrna / pšenice*. Лексические расхождения в составе библеизмов определяются различием перевода Библии на русский и чешский языки. В Евангелии от Матфея (13, 24-30), на основе которого возникло это выражение, в русском переводе употреблено существительное *плевелы*, а в чешском – *koukol*.

В русском языке выражение *врачу, исцелися сам* восходит к церковнославянскому переводу Библии. Данный библеизм сложился также в чешском языке *lékaři, uzdrav se sám* и в немецком *Arzt, heile dich selbst* (ср. лат. *medice, cura teipsum!*). Однако в немецком языке это выражение существует и в форме *Arzt, hilf dir selber*, которая восходит к переводу Лютера.

Выражение цитатного характера, восходящее к Евангелию от Матфея (4, 10), в современном русском, чешском и немецком языках представлено в следующих формах: рус. *Изыди, сатана!*, чеш. *Odstup, satane / satanáši!*, нем. *Weiche ab, Satan! / Hebe dich weg von mir, Satan!* Однако этот библеизм в указанных формах не встречается ни в одном из вышеперечисленных переводов Библии.

Таким образом, говоря о различных переводческих традициях, нужно ясно отдавать себе отчет в многосложности и противоречивости процессов формирования переводных библейских текстов, которые возникали на протяжении веков, появляясь из-под пера разных переводчиков, отличавшихся по мастерству и выполнявших разные задачи.

Так, существуют три функциональные разновидности библейских текстов: служебный, четкий и толковый тип, причем «взаимоотношения и взаимовлияния этих трех типов имели принципиальное значение для истории каждого из них и всей Библии как единого целого»²¹.

В русской переводческой традиции библейских текстов Острожская Библия создавалась с использованием греческих текстов, однако возникла она на основе Геннадиевской Библии, которую в свою очередь переводили с использованием Вульгаты.

Чешская Кралицкая Библия представляет собой перевод с греческого и еврейского, но она неразрывно связана с предшествующей латинской традицией переводов Библии на чешский язык.

В славянском средневековье бытовали патристические тексты переводного происхождения. «Вместе с переводимым патристическим текстом переводчики переводили заново и цитаты из Св. Писания, не забывая о том, чтобы согласовать перевод цитат с наличными славянскими переводами Св. Писания»²².

В XI–XVI вв. в немецкий язык проникло абсолютное большинство фразеологических заимствований из латинского во многом «благодаря переводческой деятельности немецких писателей и составителей фразеологических сборников»²³.

Средневековье объединило в единое пять ветхозаветных книг (Притчи Соломоны, Екклесиаст, Иисус Сирахов, Премудрость Соломона и Песнь Песней) под именем автора (Соломон). Эти тексты выходили отдельно с комментариями, переводились на национальные языки и излагались в стихах. До наших дней дошли древнечешские тексты «Соломона»²⁴.

Все подобные факты, на первый взгляд кажущиеся незначительными, очень важны, так как любой из них может оказаться причиной расхождений библеизмов в сопоставляемых языках.

Отличные формы библейских выражений могли также возникнуть в результате спонтанного перевода с латыни (в русском языке влияние латыни осуществлялось, возможно, через посредство французского или немецкого).

²¹ Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 8.

²² Алексеев А. А. Указ. соч. С. 70.

²³ Лазарович В. В. Латинские заимствования в системе немецкой фразеологии. АКД. Львов, 1983. С. 23.

²⁴ Flajšhans V. Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědi a pořekadel lidu českého v Čechách, na Morave a v Slezsku. D. I. Přísloví staročeská. 1. Polovice. A-N. Úvod. Praha, 1911.

ИНФОРМАЦИЯ

О КАФЕДРЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА И НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЕЕ РАБОТЫ В 1999 – 2001 ГГ.

Состав кафедры и специализация преподавателей

Ананьева Наталья Евгеньевна, д.ф.н., доцент. Польский язык. История и диалектология польского языка.

Васильева Валерия Федоровна, д.ф.н., доцент. Чешский язык. Грамматика и лексикология чешского языка.

Воробьева Нина Викторовна, преподаватель (0,5). Чешский язык.

Гудков Владимир Павлович, к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой. Сербохорватский язык. История и диалектология, грамматика и лексикография сербохорватского языка. История славистики.

Жук Светлана Алексеевна, преподаватель (0,5). Сербохорватский язык.

Изотов Андрей Иванович, к.ф.н., доцент. Чешский язык. Грамматика чешского языка.

Карцева Зоя Ивановна, к.ф.н., доцент. Болгарская литература. Культура Болгарии.

Клементьев Сергей Васильевич, к.ф.н., доцент. Польская литература. Культура Польши.

Ковтун Елена Николаевна, д.ф.н., доцент. Чешская литература. Культура Чехии.

Корнюхина Людмила Викторовна, преподаватель. Белорусский язык. Литовский язык.

Кузнецова Раиса Романовна, д.ф.н., профессор. Чешская литература.

Лешкова Ольга Олдржиховна, к.ф.н., ст. преподаватель. Польский язык. Грамматика и лексикология польского языка.

Лифанов Константин Васильевич, д.ф.н., доцент. Словацкий язык. Грамматика, история и диалектология словацкого языка.

Машкова Алла Германовна, к.ф.н., доцент, зав. секцией славянских литератур. Словацкая литература. Культура Словакии.

Мецзяков Сергей Николаевич, к.ф.н., доцент. Сербская и хорватская литературы. Культура Сербии, Черногории, Хорватии, Боснии и Герцеговины.

Новикова Анна Степановна, к.ф.н., доцент. Старославянский язык.

Остапчук Оксана Александровна, к.ф.н., преподаватель. Украинский язык.

Парпара Олеся Анатольевна, ст. преподаватель. Сербохорватский язык.

Плотникова Ольга Сергеевна, к.ф.н., доцент. Словенский язык. Грамматика, история и диалектология, лексикография словенского языка.

Ржанникова Ольга Александровна, к.ф.н., ст. преподаватель. Болгарский язык. История и диалектология болгарского языка.

Скорвид Сергей Сергеевич, к.ф.н., доцент. Сравнительная грамматика славянских языков. Чешский язык. История и диалектология чешского языка. История чешской письменности. Серболужицкий язык.

Старикова Надежда Николаевна, к.ф.н. Словенская литература. Культура Словении.

Тимонина Елена Васильевна, ст. преподаватель. Болгарский язык. Грамматика болгарского языка.

Тихомирова Татьяна Сергеевна, к.ф.н., доцент. Польский язык. Грамматика польского языка.

Тыртова Галина Павловна, к.ф.н., доцент. Сербохорватский язык. Грамматика сербохорватского языка. Теория перевода.

Усикова Рина Павловна, к.ф.н., доцент. Македонский язык. Грамматика, лексикография, история македонского литературного языка.

Цыбенко Елена Захаровна, д.ф.н., профессор. Польская литература.

Широкова Александра Григорьевна, д.ф.н., профессор. Чешский язык. Грамматика и история чешского языка. Теория сопоставительного изучения славянских языков.

Шешкен Алла Геннадьевна, к.ф.н., доцент. Македонская литература. Культура Македонии.

Защищенные диссертации:

докторские:

Ананьева Н. Е. Префиксальные глаголы в древнепольском языке (XIV – XV вв.) и современных польских диалектах. Опыт семантико-синтаксического анализа.

Васильева В. Ф. Предметная номинация в логико-лингвистическом ракурсе (на материале чешского и русского литературных языков).

Ковтун Е. Н. Типы и функции художественной условности в европейской литературе первой половины XX века.

Лифанов К. В. Генезис словацкого литературного языка.

кандидатские:

Ржанникова О. А. Формирование научного стиля современного болгарского литературного языка (на материале научных журнальных публикаций). *Научный руководитель – доц. В. П. Гудков.*

Де Менезеш О. Ю. (Егорова О. Ю.) (аспирант). Предметно-бытовая лексика чешского и русского языков в ономасиологическом аспекте. *Научный руководитель – доц. В. Ф. Васильева.*

Проскурнина М. Б. (аспирант). Македонский роман 1980-90-х гг. *Научный руководитель – проф. Е. З. Цыбенко.*

Созина Ю. А. (аспирант). Словенский роман 1970-80-х гг. (Типы героев. Автор и герой). *Научный руководитель – проф. Е. З. Цыбенко.*

Изданные монографии и сборники:

Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, сказки, утопии, притчи и мифа. М., 1999.

Лифанов К. В. Морфология словацкого языка М., 1999.

Лифанов К. В. Язык духовной литературы словацких католиков XVI-XVIII вв. и кодификация А. Бернолака. М., 2000.

Гудков В. П. Славистика. Сербистика. Сборник статей. М., 1999.

Янакиев М., Котова Н. В. Грамматика болгарского языка (для владеющих русским языком). М., 2001.

Учебники и учебно-методическая литература:

Тихомирова Т. С. (в соавторстве). Мы учим польский. Т. 1-2. Warszawa, 1999.

Кузнецова Р. Р. История чешской литературной критики. Ч. 1. М., 2001.

Программы общих и теоретических курсов для студентов славянского отделения. Словакистика. М., 1999.

Программы общих и теоретических курсов для студентов славянского отделения. Болгаристика. М., 1999.

Доклады на ежегодных Ломоносовских чтениях:

Гудков В. П. Пушкин – Александр Тургенев – Вук Караджич.

Тихомирова Т. С. Межъязыковые узואльно-стилистические эквиваленты и их типы (на материале польского языка).

Ананьева Н. Е. Текстовые функции префиксальных глаголов в художественных текстах.

Изотов А. И. Структура функционально-семантической категории побуждения в современном чешском языке.

Корнюхина Л. В. Польский говор села Бицюны Браславского района Витебской области (Белоруссия).

Широкова А. Г. Вторичные функции категорий и форм глаголов в чешском языке в сопоставлении с русским (функциональная нагрузка).

Плотникова О. С. К проблеме этно- и лингвогенезиса словенцев.

Гудков В. П. Кайкавский диалект в городском просторечии Загребы и в литературе Хорватии.

- Карцева З. И.* Болгарская литература 1990-х годов.
Меццьяков С. Н. Новое в концепции и содержании курса «История сербской литературы» (конец XIX – начало XX века).
Шешкен А. Г. Художественное своеобразие драматургии Г. Стефановского.
Слащева М. А. (аспирант). Роль мифологического образа в романах С. Селенича и Д. Чосича.
Кузнецова Р. Р. Чешский эстетик Курт Конрад (1908 – 1941) о соцреализме и литературном процессе 30-х годов.
Машкова А. Г. Философские основы словацкого натурализма.
Ковтун Е. Н. Особенности художественного мира Иржи Кратохвила и Михаила Айваза.
Клементьев С. В. Проза Михаила Хороманьского 1930-х годов.

Спецкурсы по лингвистике и литературоведению:

- Широкова А. Г.* Обиходно-разговорный чешский язык.
Гудков В. П. Историческая лексикология сербохорватского языка.
Гудков В. П. Свообразие литературного языка в Хорватии.
Тыртова Г. П. Украинский язык в сравнительно-историческом освещении.
Усикова Р. П. Балканославянские языки.
Тимонина Е. В. Некоторые проблемы синтаксиса современного болгарского языка в сопоставлении с русским языком.
Тихомирова Т. С. Актуальные проблемы польского синтаксиса.
Ананьева Н. Е. Польская ономастика.
Корнюхина Л. В. Литовский язык.
Ржанникова О. А. История болгарского литературного языка.
Скорвид С. С. Грамматический строй чешского языка в сопоставлении со словацким.
Изотов А. И. Теория речевых актов и современное чешское речевое употребление.
Новикова А. С. История церковнославянского языка.
Ковтун Е. Н. Чешская фантастическая проза и драматургия XIX – XX столетия.
Ковтун Е. Н. Творческий путь Карела Чапека.
Меццьяков С. Н. Современный сербский роман.
Меццьяков С. Н. Хорватский роман второй половины XX века.
Карцева З. И. Циклизация в современной болгарской прозе.
Карцева З. И. Болгарский рассказ. Становление жанра.
Цыбенко Е. З. Польский роман второй половины XIX века.
Машкова А. Г. Проза словацкого натурализма.
Кузнецова Р. Р. Традиции и новаторство в чешской литературе XX века.

Тематика защищенных дипломных работ:

Построение диалогической речи с учетом языкового этикета и прочих средств построения диалога (на материале чешского языка).

Модели образования чешских фамилий и имен в чешском языке в сопоставлении с русским.

Образ Праги в литературе конца XIX – начала XX вв.: символический аспект.

Функциональная нагрузка инфинитива в чешском языке в сравнении с русским.

Типы вопросительных стилистически маркированных высказываний в современном чешском языке.

Структурная и функциональная характеристика экспрессивных глаголов в современном чешском языке.

Чешский криминальный сленг.

Функционально-семантические области референции имен с оценочным значением лица (на материале чешского и русского языков).

Категория оценки во фразеологии (на материале устойчивых сравнений чешского языка со значением этической и ментальной оценки лица).

Функционирование аналитических конструкций с компонентом *naj*- в современном словенском языке.

Функционирование заимствованной лексики в современном словенском языке.

Функционирование фразеологизмов в современной словенской периодике.

Сопоставительный анализ русских и словенских идиом с зоонимическим компонентом.

Особенности разговорного македонского языка и его соотношение с кодифицированной литературной нормой.

Турецкие заимствования в современном македонском языке.

Влияние сербохорватского языка на македонский язык в области лексики.

Турецкие заимствования в современном болгарском языке.

Категория посессивности и способы ее выражения в современном болгарском литературном языке (на материале публицистики).

Гемеронимы в болгарском языке (на материале периодических изданий, выпущенных в Болгарии с 1990 по 2000 год).

Сочетаемость наречий времени с временными формами изъявительного наклонения в современном болгарском языке (на материале текстов болгарской драматургии 70-90-х гг. XX в.)

Категория модальности в газетных заголовках в современном болгарском языке (в сопоставлении с русским и немецким языками).

Речевые акты приветствия и прощания в польском и русском языках.

Особенности языка современной польской рекламы.

Экспрессивное выражение положительных эмоций в польском языке (благодарность, пожелание).

Семантическое поле лексики отрицательных эмоций (на материале польского языка).

Словарь кашубских говоров Б. Сыхты как источник фразеологии.

Особенности поэтики Богумила Грабала (на примере произведений «Я обслуживал английского короля», «Слишком шумное одиночество»).

Поэзия Йозефа Горы и литературные течения 20-30-х годов XX в.

Творчество Яхима Тополя и Михаила Вивега в свете проблем постмодернизма конца XX в.

Историческая проза Ф. Бевка (1930-е годы).

Македонский лирический роман 50-70-х гг.

Новые тенденции в современном болгарском романе (на материале творчества Э. Дворяновой, С. Игова и Г. Господинова).

Массовая литература 1990-х гг. и ее место в литературном процессе Болгарии.

Творчество Тадеуша Конвицкого второй половины 1970-х годов (на материале произведений «Календарь и клепсидра» и «Малый апокалипсис»).

Особенности композиции и манеры повествования в романе Вильгельма Маха «Горы у Черного моря».

Роман Ежи Анджеевского «Месиво» в контексте творчества писателя 1960-70-х гг.

Своеобразие лирического героя поэзии Веславы Шимборской 1957-1993 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ*

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ	3
ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ	8
<i>Ананьева Н. Е. (Москва)</i> Начинательный способ глагольного действия в древнепольском языке	8
<i>Андрейчук Ю. О. (Москва)</i> Информативность газетного заголовка	10
<i>Багдасаров А. Р. (Москва)</i> Некоторые тенденции нормирования современного хорватского литературного языка (на материале «хорватского орфографического кодекса»)	13
<i>Байкова Л. И. (Краснодар)</i> Некоторые проблемы обучения устной речи на чешском языке студентов-филологов	15
<i>Бойко Б. Л. (Москва)</i> Экспрессивная лексика русской военно-профессиональной речи	17
<i>Варбот Ж. Ж. (Москва)</i> Русские диалектизмы в славянской этимологии	19
<i>Васильева В. Ф. (Москва)</i> Типология, характерология и сопоставительная лингвистика	20
<i>Венедиктов Г. К. (Москва)</i> О номинации новых реалий в современном болгарском литературном языке на стадии его становления	22
<i>Гудков В. П. (Москва)</i> О статусе, структуре и названии литературного языка боснийских мусульман	24
<i>Демская-Кульчицкая О. М. (Киев)</i> Корпус текстов украинской периодики	26
<i>Дмитриева А. Н. (Санкт-Петербург)</i> Некоторые статистические характеристики македонского языка (анализ текста на фонетическом уровне)	28
<i>Ермакова М. И. (Москва)</i> Синхронно-сопоставительная характеристика местоимений в серболужицких и русском литературных языках ...	30
<i>Зайцев А. А. (Москва)</i> Сопоставление текстовых единиц устной публичной речи с их аналогами в кодифицированном литературном языке	33
<i>Иванова Е. Ю. (Санкт-Петербург)</i> Бытийные предложения в русском и болгарском языках	35
<i>Иванова И. Е. (Москва)</i> Пунктуационное выделение анафорических элементов в сверхфразовых единствах в сербском языке	37

* Тезисы докладов *В. Н. Зенчук* и *Р. В. Железновой* в сборнике не представлены.

<i>Изотов А. И. (Москва)</i> Структура функционально-семантической категории побуждения в современных чешском и русском языках ..	40
<i>Карпенко Л. Б. (Самара)</i> Особенности оформления категории рода в болгарском языке (к проблеме типологии славянских языков) ..	43
<i>Карпиловская Е. А. (Киев)</i> Словари гнездового типа как новый этап развития украинской лексикографии ..	46
<i>Климов И. Г. (Минск)</i> К происхождению составной хоронимики Руси (Белая, Черная, Красная, Великая, Малая Русь) ..	49
<i>Клочко Н. Н. (Рига)</i> Эмоциональные профили славянских политических дискурсов ..	52
<i>Ковалев Г. Ф. (Воронеж)</i> К значению славянского наименования созвездия Плеяды ..	53
<i>Ковалев Н. С. (Волгоград)</i> Семантика оценки в сравнительно-историческом аспекте (на материале сербского и русского языков) ..	57
<i>Кульпина В. Г. (Москва)</i> Соотношение этнопоэтической созерцательности и научной когниции в цветономинации светил в русском и польском языках ..	60
<i>Лебедева Л. А. (Краснодар)</i> Принципы составления двуязычного (чешско-русского) словаря устойчивых сравнений ..	64
<i>Лешкова О. О. (Москва)</i> Эволюция сопоставительных исследований сочетаемости лексем ..	67
<i>Людоговский Ф. Б. (Москва)</i> Актуальные проблемы изучения и преподавания современного церковнославянского языка ..	71
<i>Маймакова А. Д. (Киев)</i> Сопоставительное изучение лексики русского и казахского языков ..	74
<i>Маркоя Д. (Любляна)</i> Феномен прекурско-словенского литературного языка: его возникновение и роль в формировании общесловенского литературного языка в XIX веке ..	77
<i>Маслова А. Ю. (Саранск)</i> О специфике превентивной категориальной ситуации и способах ее выражения в русском и сербском языках ..	80
<i>Мистрова В. (Прага)</i> Черты разговорной фонетики в русском и чешском языках ..	83
<i>Молошина Т. Н. (Москва)</i> Типология грамматических категорий глагола в современных славянских литературных языках ..	86
<i>Онипенко Н. К. (Москва)</i> Языковые средства разных уровней, маркирующие коммуникативный регистр речи ..	88
<i>Остапчук О. А. (Москва)</i> К вопросу о типологическом профиле украинского литературного языка (на фоне русского и польского литературных языков) ..	90
<i>Плотникова О. С. (Москва)</i> К проблеме диалектной дифтонгизации вокалов в словенском языке ..	94

<i>Поликарпов А. А. (Москва)</i> Зависимость сохранности общеславянской лексики во времени от категориальной принадлежности и возраста слов	95
<i>Радзиховская В. К. (Москва)</i> Поэтический текст как источник лингвистической информации (Функционально-семантическое поле взаимности на материале поэзии Л. Е. Керна)	96
<i>Руденко Е. Н. (Минск)</i> Тенденции развития чешского лексикона в сравнении с русским	102
<i>Савченко А. В. (Санкт-Петербург)</i> Фразеологические идеологемы в аспекте интертекстуальности (на материале произведений Вен. Ерофеева и Й. Шкворецкого)	106
<i>Сергеева Л. А. (Уфа)</i> Оценочные концепты в русском и чешском языках и мифологема сознания	108
<i>Скорвид С. С. (Москва)</i> Серболужицкий (серболужицкие) и русинский (русинские) языки: к проблематике их сравнительно-исторической и синхронной общности	109
<i>Тер-Аванесова А. В. (Москва)</i> Окончания счетной формы существительных а-склонения, восходящие к флексии nom.-acc. dualis, в восточнославянских диалектах	114
<i>Тихомирова Т. С. (Москва)</i> Русско-польские узואльно-ситуативные эквиваленты со значением согласия / несогласия	116
<i>Усикова Р. П. (Москва)</i> К вопросу о сопоставительном изучении близкородственных славянских языков: македонский и болгарский	118
<i>Уфимцева Н. В. (Москва)</i> Славянский ассоциативный словарь как новый инструмент изучения славянских языков и культур	121
<i>Хороненко С. С. (Минск)</i> Употребление глаголов речи в старославянском тексте	124
<i>Цыганова К. Л. (Саранск)</i> Фразеология качественной характеристики человека в русском, сербском и хорватском языках	125
<i>Шведчикова Т. В. (Южно-Сахалинск)</i> Славянские наименования домашних животных в сопоставительном аспекте	128
<i>Шестакова Л. Л. (Москва)</i> Русская писательская лексикография: состояние и тенденции развития	130
<i>Юдова Ю. Ю. (Москва)</i> О необходимости создания словаря сербских и хорватских лексических различий	133
<i>Якушкина Е. И. (Москва)</i> Семантика корней *рак- /*орак-	134
<i>Яцевич К. В. (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о сходствах и различиях библейских выражений в различных языках	138
ИНФОРМАЦИЯ О КАФЕДРЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ..	141